И 18/25

СЕВАСТОПОЛЬСКІЯ

ВОСПОМИНАНІЯ

АРТИЛЕРІЙСКАГО ОФИЦЕРА.

СОЧИНЕНІЕ.

Е. Р. Ш — ОВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1858.

СЕВАСТОПОЛЬСКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ.

СЕВАСТОПОЛЬСКІЯ

ВОСПОМИНАНІЯ

АРТИЛЛЕРІЙСКАГО ОФИЦЕРА.

СОЧИНЕНІЕ

Е. Р. Ш—ОВА.

ВЪ СЕМИ ТЕТРАДЯХЪ.

МУЗЕЙ • РУМЯНЦОВ. • БИБЛІО-ТЕКА

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1858.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
С.-Петербургъ. 14 Ноября 1857 года.

Цензоръ *А. Фрейганъ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ ШТАБА ОТДѢЛЬН. КОРП. ВНУТРЕН. СТРАЖИ.

2007111294

Посвящается

Александру Васильевичу

ДРУЖИНИНУ.

ТЕТРАДЬ ПЕРВАЯ.

Пріѣздъ. — Первое посѣщеніе бастіоновъ.

Я самъ напросился въ Севастополь, — и говорю безъ преувеличенія: день, въ который я узналъ, что ѣду на мѣсто военныхъ дѣйствій, былъ едва ли не счастливѣйшимъ въ моей жизни. Что-то непреодолимое влекло меня къ Севастополю. Я былъ очень и очень молодъ, — я еще не сознавалъ той великой истины, что настоящій военный человѣкъ никуда не просится, ни отчего не отказывается, а тихо дѣлаетъ свое дѣло, вездѣ, гдѣ придется. По моимъ юношескимъ понятіямъ я не могъ не рваться къ Севастополю всей душой моею.

Быть тамъ, участвовать въ знаменитыхъ дѣлахъ, видѣть настоящую войну, о которой я съ дѣтства такъ много читалъ и думалъ, все это ставило меня высоко передъ собственными же глазами. — И прощанья, и тягостный день отъѣзда, и холодъ, и утомительная дорога, все было скрашено мыслью о томъ, что я ѣду въ Севастополь.

*

Съ трепещущимъ сердцемъ, весь отдавшись какой-то непонятной радости, охватывавшей весь составъ мой, и въ которой не могъ я дать себѣ отчета, съ самодовольствіемъ почти дѣтскимъ, но все-таки возвышающимъ душу, каждую минуту говоря себѣ, что вотъ скоро, скоро на самомъ дѣлѣ я буду дѣйствующимъ лицомъ величайшей военной драмы,—подъѣзжалъ я къ Севастополю въ глухую декабрьскую полночь. До-сихъ-поръ радостно мнѣ вспомнить объ этой ночи, хотя я прожилъ много съ того времени, видѣлъ крови больше, чѣмъ могъ ожидать,—и, конечно, навсегда отдалился отъ первыхъ впечатлѣній моей порывистой молодости.

Съ наступленіемъ темноты, выстрѣлы стали слышны, отчетливо доносились по вѣтру перекаты каждаго выстрѣла; нерѣдко въ одно время съ ними слышался въ воздухѣ глухой трескъ лопнувшаго разрывнаго снаряда. Бомбы, кидаемыя изрѣдка, падучею звѣздою обозначались на черномъ фонѣ ночной дали, а въ слѣдъ за тѣмъ быстрая вспышка огня на мгновеніе загоралась въ томъ или другомъ направленіи.

Это была настоящая война, это были настоящія бомбы, убивавшія людей и сдѣланныя Богъ знаетъ гдѣ для такой цѣли.

Жаднымъ взоромъ и слухомъ слѣдилъ я за ними, невольно приподымаясь на телегѣ, вытягивая шею, стараясь все разслышать и разглядѣть, съ ощущеніемъ невѣроятнаго душевнаго волненія.

По мнѣ—меня окружала дивная поэзія.—Я никогда не считалъ себя храбрѣе другихъ людей, и дальнѣйшій мой разсказъ покажетъ, что не всегда видъ опасности пробуждалъ во мнѣ чувство дѣтскаго восторга. Но въ эту ночь оно было такъ: мало того, что я не думалъ о ранахъ, о смерти, обо всемъ горѣ,—но я не повѣрилъ бы ни во что худое для меня собственно. Даже мысль о томъ, что я могу быть убитъ завтра, въ своей квартирѣ, при первомъ обходѣ укрѣпленій, меня не касалась. Увидѣть Севастополь, примкнуть къ ряду его защитниковъ — и тотчасъ же быть убитымъ — какой вздоръ! Неужели для этого я ѣхалъ такъ долго и кончаю мой путь такъ весело?

И такъ вотъ онъ, этотъ знаменитый Севастополь, о которомъ думаетъ Россія,—Европа,—весь свѣтъ даже! этотъ Севастополь, думалъ я въ восторгѣ,—въ нѣсколькихъ верстахъ отъ меня; я вижу молніи отъ выстрѣловъ, я слышу отдаленный говоръ русскихъ, французскихъ, англійскихъ пушекъ! Не далѣе, какъ завтра я

самъ проснусь въ городѣ, пойду по бастіонамъ, сдѣлаюсь въ самомъ дѣлѣ участникомъ защиты Севастополя,—нѣтъ, все это мнѣ кажется, какъ послѣ разговора о нынѣшней войнѣ, бредомъ восторженнаго мальчика, всю жизнь свою игравшаго въ солдатики! И я благодарилъ судьбу за то, что я не сплю, что Севастополь не во снѣ мнѣ приснился.

Медленно тащила мою повозку тройка, съ трудомъ подаваясь впередъ, по глубокой тонкой грязи, не смотря на то, что я былъ одинъ и вся поклажа заключалась въ чемоданѣ, складной желѣзной кровати, да касачномъ ящикѣ.

Хотя и по дорогѣ, но можно сказать—брели мы на удалую, во мглѣ темной ночи и по совершенной слякоти, съ рытвинами и ямами, въ которыя лошади уходили по самую грудь.

Зловоніе, отъ лежащей по сторонамъ падали,—слѣдствіе невѣроятно дурной дороги,—въ нѣкоторыхъ мѣстахъ было нестерпимо. Зажавши носъ и сдерживая дыханіе, надо было проѣзжать пространство, зараженное вредными міазмами.

Ямщикъ мой равнодушно покуривалъ себѣ коротенькую трубочку, время отъ времени постегивая свою усталую, залѣпленную грязью, жалкую тройку, — безъ колокольчика даже.

Проѣхавши лагерь на Бельбекъ и нѣсколько меньшихъ у начала сѣверной стороны, завидѣлись парусные балаганы, сквозившіе свѣтомъ.

Мы въѣхали на самую сѣверную.

Теперь ясно слышался даже трескъ лопавшихся бомбъ и гранатъ, а выстрѣлы казались какъ-бы чаще.

«А поисче супостатъ больно поналёгъ; знать порѣшеніе какое задумываетъ,» проговорилъ мой ямщикъ, запрятывая трубку въ голенищи. Ямщикомъ моимъ на этотъ разъ былъ русскій мужичокъ, съ клинообразной русой бородкой.

Выведенный изъ раздумья его замѣчаніемъ, я хотѣлъ поразспросить его кой о чемъ,—но онъ снова заговорилъ, обратясь ко мнѣ:

— «А куды ваше благородіе заѣхать-то? На станцію что-ль, аль къ маркитану? На станціи-то, прибавилъ онъ, очешо плоховато;— почитай что и окошки повыбиты.»

Впрочемъ, и самъ я не могъ вывести хорошаго заключенія о севастопольской почтовой станціи, зная по опыту, какъ отъ непомѣрнаго гона разстроены онѣ всѣ съ самаго Перекопа, а подъ Севастополемъ приведены въ совершенно-жалкое положеніе.

Ѣхавши въ сторону къ Севастополю, начи-

ная со второй или третьей станціи передъ Симферополемъ, можно было получить лошадей, или какимъ-то чудомъ, или же по особому какому ухищренію; напримѣръ: тайкомъ давая деньги обратному ямщику; хотя ямщикамъ, по случаю большаго разгона, строжайше запрещено было брать сѣдоковъ.

Часто многіе проѣзжающіе, соскучившись сидѣть нѣсколько дней на одной станціи, отправлялись въ путь, нанимая воловъ, татарскихъ клячь, и даже верблюдовъ; при чемъ постоянный экипажъ былъ—татарская двухъколесная арба или маджара.

Подъ пронзительный скрипъ этой колесницы и отвратительные голоса пары верблюдовъ, пропутешествовалъ и я цѣлыхъ двѣ станціи, за тройные, противъ настоящихъ, прогоны.

Вскорѣ доплылъ мой ямщикъ, по грязи, къ большому парусному балагану, больше всѣхъ свѣтившемуся издали путеводною звѣздою, между лабиринта палатокъ, землянокъ, балагановъ, складовъ и т. п.

Это былъ балаганъ перваго маркитанта на сѣверной сторонѣ, купца Серебрянникова. У него-то мы и остановились.

Меня приняли привѣтливо, указавъ мнѣ для ночлега другое маленькое отдѣленіе балагана,

съ прилаженною въ немъ небольшою чугунною печью.

Тамъ спали уже трое пріѣзжихъ: двое офицеровъ и одинъ докторъ, расположась въ повалку на подосланномъ на сырой землѣ коврѣ.

Сырость и промозглость тогдашней декабрьской крымской ночи казались въ балаганѣ ощутительнѣе, нежели на самомъ дворѣ.

Отъ Москвы и до теперешняго своего правила, довелось мнѣ почевать только два раза, и то одѣтымъ. Теперь мнѣ невыразимо-пріятно бы было—раздѣвшись, лечь въ чистую, мягкую постель.

Это представлялось мнѣ высшимъ блаженствомъ, казалось почти волшебной мечтою, одною изъ тѣхъ грезъ, которыя хотя и поражаютъ въ сокровенной глубинѣ человѣка, но постоянно считаются чѣмъ-то фантастическимъ.

Я такъ усталъ, что, не смотря на крайній для меня интересъ Севастополя, — мнѣ было не до разспросовъ. Недавнее чувство восторга и бодрости смѣнились полнымъ изнеможеніемъ. Глаза мои закрывались сами собою.

Наскоро проглотивъ стаканъ теплаго чая съ виномъ, не раздѣваясь, въ промокшихъ и грязныхъ сапогахъ, улегся я возлѣ спавшихъ офи-

церовъ, дрожа отъ проницавшей меня сырости, но скоро это непріятное ощущеніе исчезло.

Глаза мои слѣпились, въ головѣ промелькнула мысль о томъ, что я не соглашусь раскрыть ихъ ни за всѣ сокровища міра. Потомъ я какъ-то лѣнивo подумалъ: «а вѣдь я въ Севастополѣ», и за тѣмъ заснулъ какъ убитый.

И пріятность ночлега, и всѣ эти различныя по-видимому, мелочи, но цѣнимыя очень въ дорогѣ, — пойметъ всякій, кому, какъ мнѣ, приходилось сдѣлать до трехъ тысячъ верстъ, и не все по шоссе, а по скверной, грязной дорогѣ, съ прочими неудобствами пути, при разстроенныхъ станціяхъ.

Ужасный шумъ и говоръ въ другомъ отдѣленіи, за живой парусной перегородкой, или, лучше, завѣсомъ, разбудили меня поутру.

Тамъ толпа офицеровъ, закусывала, пила чай, вино, завтракала, лакомилась. Боевымъ разсказамъ не было конца. Въ числѣ посѣтителей находилось человѣкъ пять раненыхъ съ перевязками на головѣ и подвязанными руками.

Съ невольнымъ почтеніемъ глядѣлъ я на разскащиковъ, къ раненымъ же я просто ощущалъ благоговѣніе, невыразимое словомъ.

Былъ часъ одиннадцатый утра; пора была

собираться на южную сторону — къ своему новому батарейному командиру.

Я хотѣлъ было нарядиться пощеголеватѣе, затянуться въ полную парадную форму, какъ вообще это дѣлается въ Петербургѣ; но меня остановили, замѣтивъ, что здѣсь, въ Севастополѣ, не принято церемоній, не подходящихъ къ здѣшнему положенію. Офицеры—было мнѣ сказано — и ходятъ, и являются просто, въ здѣшней боевой формѣ: сѣрой, солдатскаго сукна шинели и длинныхъ сапогахъ, потому что грязь стоитъ ужаснѣйшая. Я надѣлъ все, сообразно указанію, но отъ длинныхъ сапоговъ отказался съ непривычки: дико какъ-то казалось являться въ подобной формѣ. Навязавши новенькій темлякъ на саблю, надѣвъ новыя перчатки и фуражку, отправился я на пристань, осторожно ступая въ тонкихъ сапогахъ со шпорами и въ маленькихъ щегольскихъ калошахъ. Нѣсколько минутъ я ступалъ осторожно и выбиралъ мѣста посуше.

Кончилось однако тѣмъ, что, добравшись до пристани, очутился я забрызганнымъ и перепачканнымъ въ грязи, почти по колѣна, едва нерастерявши калоши, часто увязавшія въ клейкомъ исподѣ грязи.

Пробираясь такимъ образомъ, я въ душѣ за-

видовалъ встрѣчнымъ офицерамъ, которые, не разбирая, спокойно шагали по улицѣ въ своихъ длинныхъ сапожищахъ.

У пристани народъ кишмя кишилъ: и люди, и скотъ, и повозки, немилосердо мѣсили грязь. Казалось, огромная ярмарка стояла въ самомъ разгарѣ. Набережныя сѣверной стороны кипѣли работою; шла постоянная нагрузка вещей, отсылаемыхъ на южную.

По бухтѣ безпрерывно сновали разныя суда: веселыя большія и малыя, парусныя и паровыя, съ бездною разнообразныхъ предметовъ.

На палубахъ транспортныхъ судовъ виднѣлись пѣхотныя партіи, рогатый скотъ на убой, возы сѣна, бочекъ, кулей, туровъ, лошади, орудія, крѣпостные станки, рѣзаное сырое мясо въ окровавленныхъ мѣшкахъ, женщины и торговый людъ, дѣти и раненые.

При мнѣ причалило съ южной два баркаса съ грузомъ до верху наложенныхъ, простыхъ, некрашеныхъ гробовъ, съ тѣлами опочившихъ на полѣ чести.

Съ благоговѣніемъ снялъ я фуражку и перекрестился.

Южная сторона Севастополя, всѣмъ возможнымъ снабжаемая съ сѣвера, въ свою очередь, въ замѣнъ того, надѣляла сѣверную сто-

рону лишь негодными для себя: убитыми, раненными, подбитыми станками и орудіями, да пздыхающими лошадьми.

Долго еще простоялъ я на пристани сѣверной стороны, не садясь въ военный катеръ, или въ одинъ изъ толпившихся у берега вольныхъ яликовъ, не смотря на зазыванія владѣльцевъ послѣднихъ: «Вотъ пожалуйте! вотъ ко мнѣ! вотъ лихо доставлю! вотъ на Графскую!».

Съ жадным любопытствомъ всматривался я въ открывшуюся предо мною панораму укрѣпленій, съ вьющимися по воздуху бѣлыми, густыми клубами пороховаго дыма.

Прямо предо мною видѣлась на южной, раздѣляемой множествомъ бухтъ, Графская набережная, съ аркою и пзящнымъ гранитнымъ всходомъ, съ каменными по бокамъ караульными домиками; отъ набережной вправо, по берегу, уходила, загибаясь къ городу, длинная, каменная Николаевская батарея, съ чернѣвшимся на морѣ двойнымъ рядомъ амбразуръ; не много влѣво, высился бульваръ, съ щегольскимъ на немъ павильономъ и памятникомъ Козарскаго. По берегу, по-подъ бульваромъ, видѣлось адмиралтейство съ высокой своей надъ воротами входа колоннею; бѣлѣлась

неоконченная, съ лѣсами еще, новая церковь прекраснаго стиля, съ высоко взлетѣвшимъ надъ легкимъ куполомъ золотымъ крестомъ, и рядомъ, старая, небольшая; обѣдня отходила, и благовѣстъ звучалъ надъ городомъ, чудно смѣшиваясь съ гуломъ и перекатами раздающихся вокругъ выстрѣловъ. Городъ, весь каменный, раскидывался амфитеатромъ; на крайней точкѣ величественно подымалось прекрасное зданіе библіотеки Черноморскаго флота.

По лѣвую отъ меня руку, по сѣверной сторонѣ, видѣлись, между различныхъ складовъ, палатокъ и проч., нѣсколько каменныхъ казенныхъ зданій, гдѣ были госпитали и помѣщалось управленіе главнокомандующаго; — уходилъ въ даль рейдъ, развѣтвляясь на разныя бухты; по немъ разбросанъ былъ повсюду нашъ черноморскій флотъ; Корабельная слободка красовалась доками и большой морской казармой, а тамъ, въ отдаленіи, повыдвинувшись впередъ между другими постройками, громоздилась масса Малахова кургана.

Всего однакоже не перескажешь о томъ, что увидѣлъ я, стоя у моря. Помню, между прочимъ, о томъ чувствѣ, съ какимъ увидалъ я линію военныхъ кораблей, поперегъ сильно зыблющейся бухты, на водѣ мутно-свинцоваго

цвѣта, казавшіюся еще болѣе темной отъ тучъ, глядящихся въ ея поверхность.

Далѣе къ морю, изъ воды глядѣли верхи мачтъ. То были суда, нами затопленныя.

Видъ на морѣ былъ вообще грустенъ. Солнце изрѣдка выглядывало изъ-за тучъ, но не болѣе, какъ на минуту. За линіей боновъ, съ небольшими пѣнистыми водоворотами около перемычекъ, какъ-то безотрадно глядѣлъ просторъ безпредѣльнаго моря. На сумрачномъ горизонтѣ ясно обозначались даже рей непріятельскихъ блокировавшихъ кораблей, и затѣмъ отвсюду висѣла непріязненная свинцовая мгла, придающая такую сердцесжимающую суровость всѣмъ морскимъ видамъ въ зимнее время.

Я сѣлъ наконецъ въ катеръ. Большое волненіе широкой зыбью расколыхало бухту; нашъ катеръ бросало во всѣ стороны и въ это время страшно было смотрѣть на едва покачивающіяся стройныя громады линейныхъ кораблей.

Гораздо правѣе Малахова кургана слышалась частая пальба.

«Вишь, какъ онъ понапустился на четвертый», говорили гребцы между собою. «Что такое четвертый?» спросилъ я. «Бакенъ», отвѣчали они, съ ласковой снисходительностью

стараго солдата, говорящаго съ молоденькимъ офицеромъ.

Причалили мы къ Графской. По командѣ мохнатаго боцманмата: «*крюкъ!*» всѣ двадцать четыре весла, разомъ поднявшись, потомъ уложились по бортамъ; одинъ изъ матросовъ ловко выскочилъ на самый носъ катера, и въ то мгновеніе, когда, казалось бы, судно должно было стукнуться о гранитъ набережной, движеніемъ багра задержалъ толчокъ и пособилъ пристать къ берегу.

На ступеняхъ и площадкахъ, кучами навалены были чугунные *орѣхи* всѣхъ возможныхъ родовъ—отъ самого меньшаго номера картечи и до пяти-пудоваго калибра бомбы.

Въ пространствѣ между набережной и близъ-лежащимъ угломъ Николаевской батареи, закруглявшимся башнею, расположилась, словно на Сѣнной въ Петербургѣ, цѣлая толпа продавцовъ—мужчинъ и женщинъ—всѣ почти матросокъ, и даже дѣтей. Постоянно раздавались: «сбитень горячій» и всевозможныя приглашенія на разносъѣстное.

По выходѣ изъ-подъ арки Графской пристани, бросались въ глаза сейчасъ же, по обѣ стороны разбросанные, разные боевые припасы: крѣпостные лафеты, разныхъ калибровъ

чугунныя пушки, на станкахъ и безъ станковъ, лафеты, брусья, и опять кучи бомбъ, ядеръ, гранатъ и картечи.

По правой рукѣ желтѣлся бывшій когда-то дворецъ Екатерины, нарочно построенный для пріѣзда этой Императрицы; далѣе раскидывалась перерѣзываемая каменной баррикадою съ небольшими карронадами въ амбразурахъ, обширная Николаевская площадь, съ бездною разнообразныхъ предметовъ, съ зеленѣющимся на ней артиллерійскимъ паркомъ легкой батареи, и именно, какъ я узналъ, самой той, въ которой состоялъ я теперь на службѣ.

Пока проходилъ я мимо дома собранія, обращеннаго въ главный перевязочный пунктъ, мнѣ въ первый разъ пришлось видѣть раненыхъ. Нѣсколько окровавленныхъ носилокъ остановилось передъ большими лакированными дверьми этого дома. Я съ непростительнымъ любопытствомъ заглянулъ въ одни носилки; тамъ лежалъ какой-то пѣхотный солдатикъ-егерь; и судьба зло проучила меня, на первый разъ: взглянувши на раненаго, я содрогнулся, похолодѣлъ и зажмурилъ глаза. Осколкомъ гранаты было изуродовано все лицо несчастнаго, клочками висѣло мясо, а чудомъ уцѣлѣвшій одинъ глазъ, смотрѣлъ невыразимо-страшно.

*

Кровь душила раненаго, онъ хрипѣлъ и метался. Сердце мое, казалось, разорвалось на части отъ тоски и сострадапія.

Со мною сдѣлался нравственный переворотъ: меня разомъ оставили всѣ радужныя мечты поэзіи, всѣ одуряющія картины боя, такъ привлекательныя *вдали*, отъ дѣйствительныхъ ужасовъ войны. Мнѣ стало жутко, больно, страшно за себя, стыдно за свою прапорщичью восторженность. Молча, какъ бы съ застывавшимъ сердцемъ, прошелъ я мимо дома страждущихъ героевъ.

Но далѣе, за баррикадой, со мною повстрѣчались такія будничныя, довольныя, занятыя собою физіономіи, щеголи офицеры, торговцы и разносчики, нарядныя дамы и дѣвицы, щегольскія пролетки, играющія дѣти, вся обстановка обыденной жизни, что первое непріятное впечатлѣніе стало сглаживаться, сглаживаться и напослѣдокъ сгладилось совершенно.

— Телятникову привезли новыя матеріи. Пойдемъ посмотрѣть, лепетала одна дѣвица съ узенькими ножками, пробираясь по камышкамъ къ тротуару.

— Напьемся шоколаду у Томаса, говорилъ одинъ офицеръ встрѣтившемуся товарищу.

— Хорошая была игра у С., разсказывалъ

какой-то адъютантъ, пробирась въ гурьбѣ другихъ офицеровъ,—чертовски валило хозяину—выигралъ тысячи четыре.

Другіе прохожіе таинственно разсуждали про какую-то Ѳеньку. А кругомъ гудѣли выстрѣлы; за извѣстной чертой разыгрывалась грозная драма,—велась иная совершенно жизнь.

Отъ всей этой противоположности, отъ этой смѣси житейскихъ заботъ съ войною, я почувствовалъ себя какъ-будто вывихнутымъ нравственно.

Мнѣ даже досадно стало, что вмѣсто воображаемаго мною, совершенно суроваго, грознаго, босваго вида, нашелъ я въ Севастополѣ жизнь общую, городскую, съ ея удобствами, пѣгой и возможными удовольствіями. Какое право имѣю я,—думалось мнѣ, гордиться тѣмъ, что живу въ Севастополѣ?

Я былъ совершенно похожъ на человѣка, считавшаго себя за очень важное и отчасти великое существо, и вдругъ совершенно разочаровавшагося на свой счетъ; готоваго даже тяготиться собою въ слѣдствіе разлада между помыслами своими и дѣйствительностью!

Напротивъ осьмаго бастіона, въ небольшомъ каменномъ домикѣ, на дворѣ, обнесенномъ стѣнкою, квартировалъ мой батарейный коман-

дверъ. Зеленый, казенный ящикъ у одного окна, съ артиллеристомъ на часахъ, и походный фургонъ, въ сторонѣ, указывали квартиру начальника отдѣльной части.

Огромный бульдогъ, съ громкимъ лаемъ, бросился ко мнѣ, но признавъ, видно, знакомую артиллерійскую форму, улегся, тихо бурча и поколачивая хвостомъ о землю.

Часовой сдѣлалъ на караулъ; но я ему махнулъ рукою, а онъ, взявъ тесакъ въ лѣвую руку, опять заходилъ у ящика.

Изъ кухни—особаго флигеля—неслись веселые, мужскіе и женскіе голоса: и кто-то бренчалъ на гитарѣ, припѣвая: «Ай что-ты, что-ты, д'ай гдѣ ты, гдѣ ты, д'вотъ какъ ты, какъ ты» и т. д.

— Подполковникъ ушли-съ на баксіонтъ. Такими словами встрѣтилъ меня выбѣжавшій деньщикъ, живо отнявъ ото-рта трубку и закладывая ее, вмѣстѣ съ лѣвой рукой, за спину.

— Они скоро-съ будутъ; столъ уже накрытъ-съ, прибавилъ онъ, посмотрѣвъ на меня.

«Чтожъ это, однако, подумалъ я, онъ такъ утвердительно говоритъ о возвратѣ своего господина, какъ-будто бы тотъ отправился на гуляньe, въ совершенно безопасное мѣсто.»

По настоящему, удивляться здѣсь было не-

чему; все было дѣломъ привычки, о томъ, кто возвратился вчера, да позавчера, да третьяго дня, ужъ и не думалось какъ-то, чтобъ онъ не вернулся сегодня.

Я остался дожидаться прихода батарейнаго командира.

Квартира его состояла изъ двухъ комнатъ; въ обѣихъ было по складной деревянной кровати, чисто, аккуратно поставленныхъ. Съ батарейнымъ командиромъ стоялъ на квартирѣ, по его приглашенію, старшій офицеръ въ батареѣ.

Убранство первой комнаты, принадлежавшей штабсъ-капитану, приспособлено было на походную ногу, изобличая стараго бывалаго служаку, любившаго однако нѣкоторый комфортъ и не пренебрегавшаго внѣшностью. Тутъ не было ничего излишняго; хоть сейчасъ забирайся на вьюки. Взглядъ мой съ удовольствіемъ останавливался и на коврикѣ надъ кроватью, и на походныхъ вьюкахъ, удивительно прилаженныхъ и вмѣстительныхъ, и на красивомъ сѣдлѣ, съ прибором, положеннымъ на спинку стула, и на прочихъ мелочахъ, симметрически разложенныхъ на столикѣ.

На обѣихъ подокопинкахъ въ этой комнатѣ лежали осколки, пные въ $^1/_2$ пуда вѣсу даже,

расплюснутыя и сохранившіяся штуцерныя пули, различныхъ сортовъ: круглыя, цилиндро-коническія, съ полушарнымъ днемъ коническія, съ однимъ и нѣсколькими нарѣзами, съ чашечками, со стерженькомъ и проч.; корпусъ и отвинченный восьми-гранный, немного обожженный хвостъ французской ракеты, и не разорвавшаяся ударная цилиндро-коническая, тяжелаго калибра англійская бомба, вынутая вѣроятно изъ ланкастерскаго орудія. Въ одномъ углу стоялъ огромный мѣшокъ подковъ для орудійныхъ лошадей.

Другая комната, помѣщеніе батарейнаго командира, казалась суровѣе первой и глядѣла не такъ уютно.

Кипы бумагъ навалены были на окнахъ, на письменномъ столикѣ, не было ничего галантерейнаго, кромѣ бомбовыхъ трубокъ разной величины, мѣдной пороховой мѣрки, для мортиръ и нѣкоторыхъ иныхъ принадлежностей артилерійской лабораторіи.

Мебель вся была красивая, на пружинахъ.

Отъ нечего дѣлать, я все разсмотрѣлъ, и кромѣ того, прочелъ лежащій на столѣ печатный списокъ о наградахъ за Инкерманское сраженіе; изъ него я увидѣлъ, что почти всѣ офицеры нашей батареи были кавалерами.

— Послать просить господ на обѣд, послышался въ сѣняхъ отрывистый, мужественный голосъ, вмѣстѣ съ топаньемъ и шарканьемъ ногъ, съ которыхъ обтирали грязь.

— Новый офицеръ ожидаетъ-съ вашего высокоблагородія, доложилъ ему деньщикъ.

— А, а, тѣмъ же тономъ замѣтилъ батарейный командиръ, входя уже въ комнаты.

Я всталъ и пошелъ ему на встрѣчу.

Командиръ мой былъ плотный и бодрый мужчина средняго роста, съ открытымъ, но вмѣстѣ строгимъ лицомъ: длинные, русые усы его, висѣвшіе книзу, придавали всѣмъ чертамъ его, до самой макушки, еще болѣе суровости; по головѣ его шла лысина. Солдатскаго сукна шинель съ георгіевскимъ крестомъ за 25 лѣтъ, и длинные, какъ у всѣхъ, сапоги, довершали его костюмъ. Лѣвая рука висѣла на черномъ шелковомъ платкѣ, завязанномъ на воротникѣ.

— Балашинъ, трубку! крикнулъ онъ, выслушивая меня.

— Садитесь, сказалъ онъ мнѣ потомъ, самъ помѣстясь на небольшой диванчикъ.—Вы когда пріѣхали?

— Вчера ночью.

— О васъ есть уже бумага; васъ перевели къ намъ, кажется, по собственному вашему

желанію? продолжалъ батарейный командиръ, закуривая поданную трубку, и смотря на меня.

— Да, отвѣчалъ я,—мнѣ захотѣлось побывать въ дѣлѣ...

— А! прервалъ онъ меня,—то есть, отличиться? и онъ опять взглянулъ на меня, сквозь окружающіе его клубы дыма.

Но въ это время замѣтилъ онъ своего фельдфебеля, давно уже вытянувшагося у дверей другой комнаты; рослаго бакенбардиста, съ пряжкою орденовъ во всю грудь, и не дожидаясь моего отвѣта, сталъ отдавать различныя приказанія.

Пришелъ и штабсъ-капитанъ, небольшой человѣчекъ довольно полный, съ большими черными бакенбардами, съ лихо вьющимися рыжеватыми отъ табачнаго дыма усами; и небольшими, бѣгающими глазками.

Онъ обходительно познакомился со мною, засыпалъ меня разговорами о Севастополѣ, и весело улыбался, тѣшась надъ моимъ жадным вниманіемъ.

Объ этомъ штабсъ-капитанѣ напечатано было въ газетахъ, что, когда во время одного сраженія съ Турками въ настоящую кампанію,—перебило всю прислугу у одного орудія, онъ

самъ заряжалъ его, и самъ, собственноручно, стрѣлялъ въ непріятеля.

Вскорѣ послышался въ сѣняхъ сильный стукъ и топотъ, вслѣдъ за которымъ ввалились четыре человѣка артиллерійскихъ офицеровъ, настоящихъ моихъ товарищей.

Не прерывая разговора съ фельдфебелемъ, батарейный командиръ привѣтливо раскланялся съ ними.

Говоръ и шумъ пошелъ повсѣмъ комнатамъ, Я сейчасъ же сошелся съ новыми товарищами; какъ это обыкновенно водится въ артиллеріи, гдѣ по небольшому числу офицеровъ въ батареяхъ, они всегда живутъ дружно — своей семьею.

У офицеровъ нашей батареи была одна общая квартира; съ первыхъ словъ они тотчасъ же пригласили меня къ себѣ, съ истиннымъ радушіемъ.

Сегодня жарко было на четвертомъ, сказалъ батарейный командиръ, покончивъ полную тарелку борща и утирая усы салфеткой,— на англійской батареѣ въ лощинѣ, противъ 4-го бастіона открылись еще три новыя амбразуры. Мы-таки ихъ сбили, ну и затѣялась потѣха! прибавилъ онъ съ веселою улыбкою. (Видно было, что разговоръ объ артиллерійскихъ дѣ-

лахъ былъ его сферою.) Одна бомба, продолжалъ онъ,—лопнула на воздухѣ, прямехонько надо мною. Я поприжался къ брустверу, а бѣднаго лейтенанта задѣла-таки она въ руку!

— И изъ людей зацѣпила кого-нибудь? спросилъ одинъ изъ офицеровъ.

— Двухъ матросовъ тяжело ранила, отвѣчалъ командиръ,—а одного положила на мѣстѣ, головы и теперь не сыскали.

Морозъ пробѣжалъ по моимъ жиламъ; всѣ же прочіе выслушали это хладнокровно, какъ обыкновенное происшествіе; а штабсъ-капитанъ даже что-то сострилъ, къ полному удовольствію батарейнаго командира.

— Чья очередь на бастіонъ? спросилъ послѣдній, обращаясь къ офицерамъ.

— Моя, отозвался одинъ молодой подпоручикъ.

— Смотрите же, будьте на сторожѣ. Будетъ вылазка въ 11-мъ часу ночи, и какъ разъ съ вашего фаса. На ночь зарядите картечью; да возьмите еще единорогъ изъ четвертаго взвода; фейерверкерамъ держать огонь въ починкахъ. Раненыхъ, коли будутъ, отсылайте не медля, чтобъ скорѣе замѣнить убыль. Впрочемъ, я и самъ къ вамъ понавѣдаюсь.

— А по сколько зарядовъ картечи взять съ собою?

— Полный комплектъ и съ запасными.

Восхитителенъ былъ для меня боевой разговоръ.—Онъ опять увесъ меня въ міръ военной поэзіи.

Это не была та рѣчь, что въ мирное время: о шагистикѣ, ремешкахъ, да наступныхъ и отступныхъ порядкахъ.

«Вы заходите ко мнѣ завтра, часу въ восьмомъ утра;—пойдемъ вмѣстѣ на бастіоны» — сказалъ мнѣ батарейный командиръ, когда, послѣ обѣда, мы съ нимъ попрощались.

Офицерская наша квартира состояла изъ трехъ комнатъ: въ двухъ жили офицеры, въ третьей деньщики. Мебель была преразнообразная: рядомъ съ штофнымъ диваномъ, хотя и поиздержаннымъ, красовались деревянные простые табуреты, диванчики и даже кровати. — Все ставилось безъ разбора, все добывалось по мѣрѣ надобности изъ различныхъ мѣстъ.

Я захотѣлъ пройтись по Севастополю, и всѣ товарищи вызвались сопутствовать.

Пройдя чрезъ бульваръ, на который вела съ нашего двора особая калитка, чтобъ не дѣлать лишняго обхода, спустились мы прямо на Екатерининскую улицу, къ церкви.

*

Много замѣтилъ я домовъ, годившихся бы даже въ лучшую петербургскую улицу.

Въ многочисленныхъ, различныхъ лавкахъ кипѣла полная торговая дѣятельность. Деньги, по собственному выраженію туземныхъ торговцевъ, «рукой загребали».

Лишь иногда влекомое вдоль улицы на бастіонъ толпою солдатъ и матросовъ тяжелое, крѣпостное орудіе, или проносимыя окровавленныя носилки, да еще гулъ дальнихъ выстрѣловъ напоминали собою о суровой дѣйствительности.

При видѣ носилокъ, со стонущей въ нихъ жертвой, проходящія дамы восклицали, съ истиннымъ состраданіемъ:

«Ахъ, бѣдненькій!» — «Господи, какъ онъ мучится!» «Бѣдняжка! — и какой молоденькій еще!» и слезы сожалѣнія невольно навертывались на глазахъ; но, проносились носилки, и прежнее впечатлѣніе уступало мѣсто новому— не столь печальному.

Словомъ—въ это время, о которомъ я говорю, осажденный Севастополь еще рѣзко раздѣлялся на двѣ половины: совершенно мирную, съ тихими ея привычками,—и совершенно военную—грозно-боевую.

Иду на вылазку; на бастіонъ; на работу въ

траншею? въ ложементы и т. д.,—говорилось такъ же равнодушно, какъ: отправляюсь къ такому-то, на вечеръ; собираюсь въ карты поиграть, схожу въ кондитерскую и т. д.

Равно: раненъ, убитъ, контуженъ, произносилось какъ: онъ боленъ лихорадкой; простудился немного, страдаетъ головною болью, насморкомъ.

Разительно выказывалось странное смѣшеніе жизни обыденной съ жизнію боевою и лагерною.

Странно, говорю, было видѣть людей, заботящихся о благахъ и удобствѣ жизни; дамъ дѣвицъ,—нарядныхъ, спокойно прогуливающихся; дѣтей, бѣгающихъ и весело играющихъ въ войну рядомъ съ настоящей войною, въ нѣсколькихъ стахъ саженяхъ отъ смерти, со всѣми ея ужасами.

Голова моя просто шла кругомъ,—съ непривычки конечно, и я заключилъ, что лучше ужъ не умствовать много, — «не думать», — какъ выражаются военные, говоря про тяжелый мигъ опасности, — и забываться пока можно, въ коловратъ будничной, доступной еще пока намъ, севастопольцамъ, жизни.

Такъ оно и случилось. Особенно помню я, что передъ наступленіемъ вечера, зайдя въ кондитерскую весьма хорошо устроенную, я, самъ

не зная почему, на короткое время вообразилъ себя въ одной изъ столицъ, посреди полной тишины, можетъ быть, за одинъ день до развода, парада, отпуска и такъ далѣе.

А когда мы всѣ пришли домой и, напившись чаю, составили между собою партію ералаша, — минуты разсѣянности стали показываться чаще, и хотя я никогда не былъ страстнымъ игрокомъ, но на этотъ вечеръ, сидя за игрой, забылъ я даже, что нахожусь въ Севастополѣ.

Около полуночи неожиданно загремѣли частые орудійные выстрѣлы, и полилась вмѣстѣ съ ними безпрерывная трескотня ружейной пальбы. Я вскочилъ, полагая, что насталъ рѣшительный часъ для Севастополя.

«Вамъ ходить», замѣтилъ мнѣ мой партнеръ, не пошевельнувшійся съ мѣста, какъ и всѣ прочіе.

«Это такъ только,—часто случается,—пустая тревога, вѣроятно;» пояснилъ онъ мнѣ, видя мое изумленіе.

И дѣйствительно, вскорѣ все угомонилось: живая перепалка, замѣнилась обычною,—рѣдкою, но постоянною пальбою, — той пальбой, къ какой, въ теченіе сутокъ, уши мои давно привыкли.

— Ну, что, подумалъ я, отправляясь къ

своему батарейному командиру утромъ, на другой день, въ назначенное имъ время,—что, ежели убьютъ меня сегодня же? вѣдь очень возможное дѣло. Почему-то мысль эта постоянно вертѣлась въ моей головѣ.

«Не успѣлъ оглядѣться,—думалось дальше, —не только что отличиться на гордость себѣ и старушкѣ матери,—какъ ужъ какой нибудь кусочекъ свинца сотретъ тебя съ лица земли и канешь ты въ вѣчность такъ, какъ бы и вовсе тебя не было. Никто о тебѣ не подумаетъ и фамилія твоя лишь окажется въ прибавившейся общей цифрѣ убылыхъ.»

Командиръ мой встрѣтилъ меня какъ вчера — радушно, но безо всякихъ краснорѣчивыхъ привѣтствій. Молча вышли мы изъ домика, и молча пошли рядомъ. Добравшись до половины «Морской» улицы, взяли мы направо, въ гору,—подъ самый бастіонъ, и тутъ уже мнѣ пришлось нѣсколько разъ ступать по врывшемуся въ землю чугуну артиллерійскихъ снарядовъ.—Сюда залетали уже ядра и бомбы; здѣсь многіе дома были полуразрушены и необитаемы, развѣ квартировалъ въ домѣ какой-нибудь восшный человѣкъ, давно уже присмотрѣвшійся къ неожиданностямъ осады.

Далѣе и далѣе двигались мы, пробираясь на

пятый бастіонъ, еще нѣсколько саженъ и пули зажужжали на всѣ лады; нѣсколько ядеръ шлепнулось не вдалекѣ, воронкой разбросавъ брызги грязи, другія ядра съ визгомъ проносились направо и налѣво, должно быть очень въ недальнемъ отъ насъ разстояніи, потому что на меня пахнуло раза два какимъ-то легкимъ духомъ.—И надъ нами, въ воздухѣ, совершалось что-то необыкновенное: слегка посвистывая, прокружилось надъ нашими головами нѣсколько бомбъ. Медленный и почти пріятный на видъ, полетъ ихъ, казалось, не сулилъ никакой опасности,—только по сторонамъ, послѣ ихъ паденія и взрыва, съ визгомъ и звономъ, урчали разлетавшіеся во всѣ стороны осколки или «черепки», какъ называютъ ихъ солдатики.

Я шелъ довольно бодро возлѣ батарейнаго командира; но сердце какъ-то невольно сжималось и сильнѣе билось, иногда даже до болѣзненной степени.

Почему-то всё мнѣ чудилось, что ядро или пуля сейчасъ ударитъ мнѣ прямо въ лицо,—а бомба въ то же самое время упадетъ на мою голову.

Силой воли старался я отгонять подобную слабость.

При близко пролетѣвшей пулѣ или ядрѣ, приходило на мысль: перемѣнить направленіе,

взять немного въ сторону, или ускорить шагъ; но, черезъ мгновеніе, когда пуля или ядро пролетали, бомба же невредимо для насъ разрывалась въ отдаленіи, мнѣ вдругъ становилось веселѣе, — и онущенная голова вдругъ гордо подымалась.

Люди ходили здѣсь ускореннымъ шагомъ; но съ такимъ спокойнымъ выраженіемъ лица, что, кажется, всякое чувство страха и опасности должно было считаться чѣмъ-то неестественнымъ, фантастическимъ и неумѣстнымъ.

Мы проходили мимо многихъ орудій, молчавшихъ или выпускавшихъ зарядъ съ оглушительнымъ гуломъ, брустверовъ, траверзовъ, офицеровъ, землянокъ, погребковъ, солдатъ и матросовъ курящихъ, расхаживающихъ, занимающихся работами и даже играющихъ въ карты; казалось, ужасный хаосъ существовалъ на мѣстѣ бастіона; все нонагромождено было безъ цѣли, въ грязи, и какъ-бы изъ прихоти стѣснено на самомъ небольшомъ пространствѣ.

Я не умѣю утаивать своихъ впечатлѣній и потому признаюсь откровенно, что во время прогулки по бастіону, теперь описываемой мною, былъ болѣе похожъ на неопытнаго туриста, озадаченнаго небывалымъ зрѣлищемъ,—

нежели на артиллериста, сколько-нибудь знакомаго съ своей спеціальностью.

Все металось и путалось предъ моими глазами, я ничего не понялъ и не разобралъ, находясь словно подъ вліяніемъ лихорадочнаго пароксизма. Кровь била въ разгорѣвшуюся голову, о чемъ я думалъ — и самъ не помню, но я не слышалъ даже свиста различныхъ снарядовъ, летающихъ поминутно.

Мы обошли весь пятый бастіонъ, побывали на Шварца редутѣ (къ которому въ то время не было еще блиндированнаго хода), а потомъ, спустившись въ лощину, пошли вдоль не высокой, каменной стѣнки, съ присыпанною къ ней снизу землею.—Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ насъ легко было замѣтить непріятелю; и дѣйствительно, штуцерныя пули скоро засвистѣли предъ самымъ моимъ носомъ. Не перемѣняя походки, прежнею мѣрною поступью, провелъ меня батарейный командиръ чрезъ это дѣйствительно опасное пространство. Совершенно не вдалекѣ, саженяхъ въ семидесяти отъ насъ, вспыхивали огоньки, съ вырывающимися въ слѣдъ бѣлыми клубами дыма — это и была ближняя непріятельская траншея, изъ которой теперь по насъ цѣлили, замѣтилъ батарейный командиръ, и потомъ прибавилъ: «Экъ ихъ строчатъ; да

только пулѣ кланяться не надо: она не любитъ этого. Да и толку тутъ нѣтъ: которой пули полетъ слышишь—та, значитъ, давно уже позади. А пули или ядра́, которое въ васъ попасть захочетъ, вы и не услышите.» Тутъ подполковникъ усмѣхнулся, а у меня сердце опять сжалось.

Вообще, весь переходъ подъ штуцерными пулями показался мнѣ страшно длиненъ. «А на бастіонѣ гораздо лучше», подумалъ я про себя, совѣстясь однако за свое разсужденіе.

Мы вышли прямо на правый флангъ 4-го бастіона и остановились у одной мортирной батареи, устроенной немного позади передпихъ орудій.

Я успѣлъ осмотрѣться и водворить порядокъ въ своемъ наблюденіи. Брустверъ, около котораго мы находились, былъ прорѣзанъ семью амбразурами, въ амбразуры же выглядывали два бомбовыхъ 3-хъ пудовыхъ орудія, одна морская 68-ми фунтовая карронада и четыре 36-ти фунтовыя пушки, наконецъ позади ихъ, какъ я выше упомянулъ, поставлена была мортирная батарея.

Все это, считая съ прислугой и прикрытіемъ, тѣсно мѣстилось между двумя огромными траверсами, на самой небольшой площадкѣ.

Офицеръ, взросшій на книгахъ и слѣпо слѣдующій правиламъ фортификаціи, ужаснулся бы отъ всего сердца, при видѣ такихъ узенькихъ мерлоновъ, такихъ причудливо-неправильныхъ фронтовъ укрѣпленій, устроенныхъ вдохновеніемъ Тотлебена, какъ бы на перекоръ всякой рутинѣ, всѣмъ преданіямъ состарѣвшейся науки.

Брустверы росли и утолщались съ такой же прихотливостью: тамъ брошено было лишь нѣсколько туровъ, насыпанныхъ землею; въ другомъ мѣстѣ громоздились стѣны изъ бочекъ, деревянныхъ брусьевъ, мѣшковъ съ землей, съ обшивкою изъ туровъ, фашинника, и такъ далѣе. Все строилось, все создавалось по мѣрѣ настоятельной потребности, не для щегольства или симметріи, конечно.

На каждой батареѣ непремѣнно былъ образъ, а иногда два или три, съ кисейнымъ или даже шелковымъ покрываломъ. Множество свѣчей теплилось у каждаго, особенно по вечерамъ.

Морякъ-лейтенантъ, командиръ батареи, почтительно встрѣтилъ моего спутника. Какъ помощникъ начальника артиллеріи, нашъ подполковникъ имѣлъ вліяніе на бастіонахъ; да сверхъ того, каждому было невозможно не уважать его за истинное мужество и неутомимую дѣятельность, соединенную съ мастерскимъ зна-

нісмъ своего дѣла. Утромъ и вечеромъ постоянно ходилъ онъ на бастіонахъ, дѣльно и съ любовью хлопоталъ по своей части. И теперь, чтобы вывѣрить заряды на разныя дистанціи для пяти-пудовой мортиры, отдалъ онъ приказаніе сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ для пробы.

Съ радостью подскочила прислуга. «А вотъ пошлемъ ему гостинчикъ», заговорили солдаты. Мигомъ дѣло сдѣлалось и пяти-пудовой гостинецъ отправился къ непріятелю; за нимъ другой и третій. Комендоръ * выскочилъ на банкетъ и съ радостью, одушевившею суровыя черты лица его, вскрикнулъ оборотясь къ намъ: «есть!»

— Въ первую канаву ** угодилъ, пояснилъ другой матросикъ, также смотрѣвшій, куда угодитъ *ему* бомба.

— Да, да, подтвердилъ лейтенантъ, въ подзорную трубу слѣдившій за паденіемъ снаряда.

Стоя возлѣ нихъ на банкетѣ, приложившись глазами въ ружейную амбразуру, слѣдилъ я — не за полетомъ бомбъ: я глядѣлъ на пространство за брустверомъ нашимъ, занятое непрія-

* Такъ называютъ моряки орудійнаго фейерверкера.

** Траншею.

телемъ, — *или*, какъ говорятъ солдаты: ни души тамъ не было видно, только взрыта была въ разныхъ направленіяхъ земля, да за версту почти выспались валы осадныхъ батарей, откуда мелькали огоньки, застилаемые дымомъ; въ слѣдъ за симъ громко раздавалось у насъ «пу-шка!» или «мар-ке-ла!» оглашаемое дежурнымъ сигнальщикомъ на каждой батареѣ.

На пущенныя нами бомбы непріятель отвѣчалъ тремя ядрами, изъ которыхъ два врѣзались въ брустверъ, а одно, съ рикошета, вырвало двухъ людей изъ недалеко стоявшей кучки.

— Ишь, осерчалъ! замѣтило нѣсколько солдатъ оттуда же.

— Носилки! крикнули другіе, быстро, но безъ замѣшательства кидаясь къ упавшимъ товарищамъ. *Собрать* убитаго считалось на бастіонахъ святымъ дѣломъ.

Сердце мое снова забило тревогу при видѣ крови и лицъ, обезображенныхъ страданіемъ; но волненіе мое уже не имѣло въ себѣ ничего невыносимо-тяжелаго, какъ при видѣ изуродованнаго егеря близъ дворянскаго собранія.

Осмотрѣвши весь 4-й бастіонъ, вышли мы по направленію къ городу, съ лѣваго фаса.

Часа четыре уже бродили мы съ батарей-

нымъ командиромъ, подъ безпрерывнымъ огнемъ. «Порядочное полевое дѣло выдержалъ я», подумалъ я не безъ нѣкотораго самодовольствія.

Подъ 4-мъ бастіономъ, также, какъ и подъ 5-мъ, видны были женщины — все почти матроски, торговавшія разными съѣстными припасами.

Но торговали онѣ не изъ барышей, а для *Севастопольцевъ*, по силамъ принося дань общему дѣлу, и объ ихъ посильной заслугѣ не слѣдуетъ забывать тому, кто хочетъ описывать событія знаменитой осады.

Въ Севастополѣ, между прочимъ, была даже одна батарея, называемая «Дамскою» (солдаты ее какъ-то иначе еще называли). Землю на эту батарею носили городскія женщины сами, въ корзинахъ, платкахъ и передникахъ.

Проходя по Театральной площади, батарейный командиръ едва успѣлъ сказать мнѣ: «А здѣсь опасно бываетъ....» какъ пуля сорвала мнѣ часть козырька у фуражки.

Я невольно пріостановился и, должно быть, поблѣднѣлъ, потому-что батарейный командиръ посмотрѣлъ на меня улыбаясь, и остановился на минуту. Пули дѣйствительно визжали по-

минутно. Мнѣ казалось, что онѣ летали не поодиночкѣ, а какъ-будто роями.

Мы ускорили шагъ, но въ это время еще одна пуля, жалобно взвизгнувъ, пробила полу шинели у батарейнаго командира.

— Ничего, молодой человѣкъ, на первый разъ хорошо, смѣясь замѣтилъ онъ мнѣ; затѣмъ уже продолжалъ весело разговаривать до самой квартиры.

Когда мы вышли наконецъ изъ-подъ выстрѣловъ, мнѣ сдѣлалось невыразимо-весело. Каждая вещь, казалось, теперь иначе смотрѣла. Какая-то порывистая радость, какое-то чувство наслажденія жизнью заставили кровь мою обращаться скорѣе. Удивительно! думалъ я:— сколько разъ жужжали пули у самыхъ моихъ ушей; на нѣсколько линій только подайся я впередъ, или прими немного въ сторону, и все было бы кончено со мной!

Какія же въ-самомъ-дѣлѣ могутъ быть разсужденія, умствованія, предосторожности? Пособятъ ли въ этомъ дѣлѣ какія-нибудь заботы о самосохраненіи? Нѣтъ, мои товарищи правы: здѣсь именно не надо *думать*, а идти куда слѣдуетъ, съ довѣріемъ на Всемогущій Промыслъ, безъ котораго *не упадетъ и волосъ съ головы нашей!*

—

ТЕТРАДЬ ВТОРАЯ.

Первое дежурство на бастіонѣ. — Первая встрѣча съ непріятелемъ.—Новый годъ въ Севастополѣ.—Январь мѣсяцъ и Лейтенантъ Т*.

Чрезъ нѣсколько дней, по пріѣздѣ моемъ въ Севастополь, пришла и моя очередь отправляться на бастіонъ—на дежурство.

Какъ бы это выразиться! готовясь идти на опасный постъ, подъ пули и ядра, я не ощущалъ особой робости — нѣтъ; но какое-то, не совсѣмъ однако веселое, весьма смутное и тревожное чувство, непріятно настроивало меня. Обыкновенная неохота идти въ должность, вставать до свѣта, — играла тутъ большую роль. Но она, какъ я увидѣлъ послѣ, сильна была лишь сначала, въ неохотѣ моей сказывалось дѣйствіе разнѣженности — привычка къ совершенно-праздной жизни, съ мелкими ея веселостями и комфортомъ. Самое передвиженіе—и особенно подъемъ съ мѣста, тяготили меня болѣе, чѣмъ предстоящая опасность, о которой, признаться, я мало и думалъ.

Не совсѣмъ пріятно было оторваться отъ будничной, обыкновенной жизни, отъ отдыха послѣ дороги и отправляться, куда же еще? на бастіонъ.

У товарищей по батареѣ нашелъ я нѣсколько книгъ и журналовъ, а такъ какъ я всегда любилъ чтеніе, то и не мудрено, что я послѣ дороги и первыхъ дней въ Севастополѣ, принялся за книги съ необычайнымъ удовольствіемъ. Въ эту ночь я не ложился спать, а сидѣлъ и читалъ съ великимъ усердіемъ, позабывши даже, что нахожусь въ осажденномъ городѣ.

— Взводъ готовъ-съ, ваше благородіе! громкимъ голосомъ доложилъ вошедшій въ комнату, дежурный по батареѣ, фейерверкеръ, вытянувшись въ струнку у дверей.

Дѣйствительность вмигъ предстала предо мною.

— Хорошо, сейчасъ буду, отвѣтилъ я, неохотно подымаясь съ мягкаго дивана и, вмѣсто удобнаго халата, надѣвая солдатскаго сукна шинель.

Прощаясь съ товарищами, я никакъ не могъ отогнать безпокойной мысли: что, можетъ быть, жму руку имъ въ послѣдній уже разъ. Досадно мнѣ было за это на самого себя.

Не смотря на обыкновенную и довольно будничную мою жизнь въ Севастополѣ, я совершенно успѣлъ свыкнуться съ мыслью, что пріѣхалъ сюда не для радостей и веселья.

— Что за вздоръ! что за малодушіе! думалъ я, стараясь вытѣснить неотвязчивую грусть; и вскочивъ въ сѣдло, поскакалъ въ паркъ батареи, на Николаевскую площадь. Взводъ собрался, словно на ученье; таже опрятность и точность фронта, тѣже спокойствіе и бодрость на лицахъ.

Я скомандовалъ, орудія тронулись; прислуга, снявъ фуражки, набожно начала креститься; невольно и я послѣдовалъ ихъ примѣру.

Уже совершенно смеркалось; полный мѣсяцъ давно плавалъ дозоромъ по небу, надъ враждебно-размежеванным пространствомъ у Севастополя.

Море, окутанное мракомъ ночи, глухо плескалось справа. Далеко на немъ видѣлась линія огоньковъ на непріятельскомъ флотѣ. Глухо отдавались выстрѣлы въ влажномъ, сыромъ воздухѣ.

Артиллерійскій огонь былъ рѣдокъ, только по временамъ, въ темной вышинѣ, надъ бастіонами, свѣтящимися во мракѣ звѣздами пролетали бомбы, то перекрещая полеты, то одна

одну нагоняя, оставляя за собою длинную огненную полосу, онѣ взносились стрѣлой, потомъ плавно подымались до крайней высоты своего полета; гдѣ, на нѣсколько мгновеній, будто задерживались, словно выбирая себѣ мѣсто паденія. Вслѣдъ за тѣмъ, едва замѣтно уклоняясь со стороны въ сторону, онѣ опускались все быстрѣе, и быстрѣе, и наконецъ стремглавъ слетали на земь, и глазу было уже трудно слѣдить за ихъ паденіемъ.

Я ѣхалъ у головнаго орудія, закутавшись въ надѣтую сверхъ солдатской шинели, другую прежнюю, изъ такъ-называемаго, сѣро-нѣмецкаго форменнаго сукна.

Отъ скуки я завелъ разговоръ съ уноснымъ фейерверкеромъ, видным изъ себя мужчиною, съ довольно облагороженною наружностью. Знакъ военнаго ордена и венгерская медель красовались у него на груди.

— Что,—обратился я къ нему, съ первымъ пришедшимъ мнѣ на умъ вопросомъ,—жутко въ Севастополѣ, а?

— Никакъ-нѣтъ, ваше благородіе! словоохотно заговорилъ онъ: право слово, ничего. Какъ мы шли—сюда-съ, такъ и нивѣсть что наговорили, просто такіе страхи; а покамѣстъ—благодареніе Господу! ничего-съ.

Мы оба помолчали немного, и фейерверкеръ опять началъ:

— По крайности, ваше благородіе, однимъ заобидно, что, извольте видѣть, идемъ, примѣрно, теперича, и въ насъ знай жучатъ; а мы молчимъ. Да и на баксонѣ—постоимъ, постоимъ, день, другой, да такъ и уйдемъ. Ничего не сдѣлали, гарнаты одной не выпустимъ; а смотришь, либъ орудію подбили, либъ недосчитались кого изъ своихъ-съ. Э-эхъ! не изъза стѣнъ бы, ваше благородіе, стрѣлять-то нашему брату, полевому-съ.

— Да, машинально проговорилъ я, думая совершенно о другомъ.

Принявъ это за одобрительный отзывъ, собесѣдникъ мой крякнулъ и, покрутивъ усы, заключилъ такими словами:

— Сидитъ, вишь, въ землѣ, точно кротъ; носа не кажетъ. На штурму-съ, небось, не кинется.

Мы подходили уже подъ пятый бастіонъ; пули чаще и чаще зажужжали намъ на встрѣчу.

И говорунъ фейерверкеръ мой, и весело балагурившіе солдатики спустились на тонъ ниже, стали какъ-бы посерьознѣе, изрѣдка лишь позволяя себѣ прибаутки, постоянно однако-

выя, постоянно встрѣчаемыя однимъ и тѣмъ же смѣхомъ, будто самая забавная новость.

Я нарочно изслѣдовалъ теперь себя, замѣчалъ за собою. Второй разъ приходилось мнѣ быть на бастіонѣ.

Опасность понималъ я теперь сознательнѣе; не было уже, какъ въ первый разъ, какого-то увлеченія — страннаго тумана въ головѣ, соединеннаго съ невольнымъ, тревожнымъ любопытствомъ.

Отъ силы невѣдомыхъ, новыхъ ощущеній, смѣшаннаго страха и гордости, ужаса и самолюбія, кровь не кидалась мнѣ въ голову. Поэзія войны и опасность трогали меня слабѣе.

Спокойно, съ яснымъ взглядомъ на свое положеніе, ѣхалъ я около взвода. Кто споритъ! во сто кратъ пріятнѣе было бы находиться въ безопасномъ мѣстѣ; но я уже вѣрилъ себѣ, не допуская въ душу излишней тревоги, зная очень хорошо, что съумѣю не уронить званіе русскаго офицера. И мысленно призвавъ на помощь Того, въ чьей власти все на свѣтѣ, я довольно успѣшно устранялъ въ себѣ даже незначительное внутреннее волненіе.

Взобравшись нѣсколько въ гору, взъѣхали мы на 5 * бастіонъ, съ праваго фланга,

* Bastion centra!

и прошли на вторую, съ лѣваго фланга, батарею.

Снявшись съ передковъ, орудія помѣстили у траверза.

Переложивши заряды въ отведенный для насъ погребокъ, я отослалъ лошадей съ передками обратно къ батареѣ.

Въ то время, пока я управлялся, морякъ-офицеръ, командиръ батареи, подошелъ ко мнѣ и дружески пригласилъ къ себѣ, въ свою «кануру», какъ онъ выразился.

Это была небольшая ниша въ траверзѣ, ограждаемая отъ выстрѣловъ съ трехъ сторонъ и сверху самимъ траверзомъ. Четвертая сторона состояла изъ составленныхъ картечныхъ жестянокъ, поддоновъ и просто кусковъ плитняку, накиданныхъ наскоро.

Небольшая дверца, съ отверстіемъ въ ней, въ видѣ сердечка, была прилажена очень искусно. На доскахъ устроенная постель и небольшой столикъ возлѣ, занимали все пространство *кануры*; такъ что, войдя въ нее, непремѣнно надо было садиться на постель.

Артиллерійская прислуга моя, не разъ бывавшая на бастіонѣ, размѣстилась по канурамъ у знакомыхъ матросовъ.

Черезъ нѣсколько времени пальба вдругъ

усилилась; чаще стали рваться бомбы, по всѣмъ направленіямъ, разметывая урчащіе осколки. Одна даже такъ близко отъ насъ лопнула, что горѣвшая на нашемъ столѣ свѣча потухла, и нѣсколько небольшихъ камней застучало по двери. Трое рядовыхъ уже выбыли изъ фронта нашей батареи, въ числѣ ихъ мой одинъ артиллеристъ — старый бомбардиръ. Небольшой осколокъ засѣлъ у него въ плечѣ.

— Ничего, братъ Скрёба, дастъ Богъ, скоро оправишься, сказалъ я, подойдя къ раненому, который самъ ложился въ носилки, хотя боль была сильная, и онъ весь похолодѣлъ отъ страданія.

— О-охъ, ваше благо-ро-діе! съ трудомъ говорилъ онъ; Божья воля на все! многимъ и ва-амъ до-воль-ны. Ай, братцы! смерть тошно идти-ть во шпи-таль; и горькія слезы, собственно отъ печали разлуки, заструились по его суровому лицу.

Русскій солдатъ, вообще, неохотно отправляется въ лазаретъ: при малѣйшей возможности, всегда предпочитая оставаться при своей части.

— Э!... да *пріятели* никакъ раскутились! замѣтилъ наконецъ мой хозяинъ—лейтенантъ, додѣлывая себѣ папироску и, закуривши ее,

вышелъ со мною на батарею, то-есть мы сдѣлали два шага впередъ отъ постели, на которой сидѣли все время.

— Послать комендора и прислугу къ бомбической! крикнулъ онъ.

«*Есть*», по старой морской привычкѣ отозвался комендоръ и нѣсколько человѣкъ мигомъ подбѣжали къ указанному орудію.

— Чѣмъ заряжено: бомбой или картечью? спросилъ лейтенантъ.

— Бонбой, на *стропкѣ*! *

— А наведено куда?

— На верхнюю шести-пушечную.

— Ну, валяй!

Трехъ-пудовое бомбовое орудіе — чугунная махина въ 300 пудовъ слишкомъ, разомъ отпрыгнуло назадъ, съ тяжелымъ своимъ станкомъ **; клубы горячаго пороховаго дыма охватили и насъ, и прислугу, затѣмъ грянулъ ударъ, почти невыносимый для непривычнаго уха, и, въ одно время съ выстрѣломъ, что-то полетѣло съ нашей стороны, шипя и гудя по

* Т. е. съ веревочкой, чтобъ при случаѣ обратно достать бомбу изъ канала орудія.

** Зарядъ для 3-хъ пуд. бомб. пушки, подъ бомбу 16 фунтовъ пороха.

воздуху. И вслѣдъ за тѣмъ, отвѣтное ядро отъ *него*, сейчасъ же взвизгнуло и пронеслось надъ нашими головами.

— Вишь, злодѣй, въ долгу никогда не останется! заговорилъ лейтенантъ, бросая докуренную напроску и затаптывая ее ногой; непремѣнно отвѣтитъ, и всегда двумя выстрѣлами на нашъ одинъ.

Дѣйствительно, опять раздался остерегающій возгласъ сигнальнаго, и граната, шурша своею горящею трубкою, ударилась въ гребень брустверa, рикошетировала по траверзу, у котораго мы стояли, и отправилась въ городъ: *разрываться*, какъ выразился кто-то изъ стоявшихъ въ нашей кучкѣ.

Изъ секрета дали знать, что у *него* въ траншеѣ работаютъ.

— Болтута! сказалъ лейтенантъ комендору у мортиры, выпали * по ближней траншеѣ темной **, пали черезъ каждые 1/4 часа, пока я не прикажу перестать; да послать на Бѣлкина лопоть, попроситъ, чтобъ палили также, имъ будетъ и сручнѣе.

* Вмѣсто стрѣлять, моряки говорили—палить.

** Темной или холодной картечью, называемой такъ въ различіе отъ *сигнальной*, т. е. гранатной картечи.

Съ четвертаго бастіона послали въ это время, должно быть также по работамъ въ траншеяхъ два *капральства* *. Гранаты ** букетомъ свѣтлыхъ звѣздъ разсыпались надъ непріятельскою траншеею; съ перекатнымъ трескомъ стали тамъ лопаться. Показалось ли мнѣ, или это такъ было въ самомъ дѣлѣ, — только слѣдомъ за паденіемъ снарядовъ, до насъ донесся крикъ непріятелей.

— Это самый губительный снарядъ для траншейныхъ рабочихъ, замѣтилъ мнѣ мой лейтенантъ.

— Что, Михайло Васильевичъ, потѣшаетесь? вдругъ раздался голосъ за нами. Это былъ комадиръ первой отъ насъ батареи, на 4 бастіонѣ. А я къ вамъ въ гости, продолжалъ онъ: — напойте чаемъ, мой самоваръ разбила сегодня проклятая *лахматка*; *** допекаютъ злодѣи!

Всѣ мы трое вошли въ каиуру и немпусмо усѣлись на постели.

У дверей привѣтливо пыхтѣлъ самоваръ, за-

* Такъ прозвали гранатную картечь.

** Въ пяти-пудовую мортиру кладется 21 6-ти фунт. граната, или 36 3-хъ фунт.

*** Такъ прозвали солдаты бомбу, пускаемую непріятелемъ изъ гаубицъ.

тягивая пѣсню на разные тоны? трубу самовара замѣнялъ корпусъ французской ракеты... Напившись чаю, хозяинъ мой ушелъ съ гостемъ, предложивши мнѣ свою постель: я мало сплю, пояснилъ онъ.

Я поспѣшилъ принять радушное предложеніе и растянулся на постели, хотя и не чувствовалъ особенной сонливости. Мнѣ было ясно слышно какъ перекликались бастіоны говоромъ артиллерійскаго огня; какъ штуцерныя пули, рѣяли роями. Иногда, при пѣсколько усиливавшейся стрѣльбѣ, я вставалъ съ постели и подходилъ къ бетарсѣ. Прикрытіе наше: двѣ роты егерей, размѣстилось довольно покойно по банкетамъ батареи, матросы сидѣли у своихъ орудій. Никто почти не спалъ. Люди курили и разговаривали въ полъ-голоса. Пѣхотные офицеры постоянно обходили и повѣряли свои ряды. — Во рву, въ амбразурахъ, на наружной покатости бруствера, всюду дѣятельно работали и копали землю. Посылки требовались довольно рѣдко, хотя батарея была набита народомъ; можно сказать, что по укрѣпленіямъ все было тихо.

Мнѣ не хотѣлось спать и я очень обрадовался, когда увидалъ выглядывавшую изъ-подъ подушки книгу—одинъ изъ современныхъ жур-

наловъ. Офицеры севастопольскаго гарнизона, особенно моряки и артиллеристы, читали много и слѣдили за новостями литературы. Въ городѣ легко было достать всѣ журналы и газеты.

Не долго однако продолжалось мое чтеніе. Въ исходѣ 11 часа, поднялась противъ 4 бастіона сильная перепалка. Выстрѣлы, казалось, близились и къ намъ; я вышелъ на батарею.

Возлѣ дверей, на землѣ, сидѣла кучка матросовъ, изъ которой часто слышались сдерживаемый смѣхъ и энергическіе возгласы, отъ прорывавшагося наружу восторга. Одинъ матросикъ разсказывалъ сказку, слушатели помѣщались гдѣ могли, и многіе солдатики, сидя на банкетѣ, свѣшивались головами книзу, чтобъ лучше слушать.

— Такъ вотъ, братцы вы мои, Ярославъ-то царевичь, какъ поймастъ ее за бѣлу-руку, какъ учистъ ее... тутъ голосъ разскащика прервался, потому что я спросилъ:—подойдя къ кучкѣ: гдѣ идетъ пальба? сказочникъ быстро отвѣтилъ:—никакъ на четвертомъ, наши пошли къ нему на батарею; вылазка, значитъ;—прибавилъ онъ, будто желая говорить съ неопытнымъ прапорщикомъ какъ можно вразумительнѣе.

Я опять усѣлся на постель и развернулъ свою книгу. Едва успѣлъ я прочесть нѣсколько строкъ, какъ вдругъ раздался на батареѣ громкій вскрикъ: «къ орудіямъ!» — и съ послѣднимъ замиравшимъ звукомъ его, загремѣлъ, потрясши самую землю подъ ногами нашими, залпъ цѣлой батареи, съ ясно-разслышавшимся изъ-за гула и грома его, пронзительнымъ свистомъ выпущенной картечи *.

Съ банкетовъ егеря также открыли безпрерывный ружейный огонь, вскорѣ слившійся въ одинъ рѣзкій и довольно плавный стукъ, сходный съ трескомъ барабанной дроби.

Первымъ моимъ дѣломъ было броситься къ своимъ орудіямъ.

Прислуга моя, по распоряженію, предварительно отданному мною, на случай тревоги, вскатывала уже ихъ, по аппарелямъ, на указанные барбеты.

Моими орудіями усиливались нѣкоторыя слабыя части батареи. Стрѣлять намъ приходилось черезъ банкъ; и поэтому мы, конечно, подвергались гораздо большей опасности, чѣмъ

* Въ картечную жестянку, для 3-хъ пуд. бомб. пушки, помѣщается 280 пуль, среднимъ вѣсомъ почти полуфунтовыхъ.

моряки-артиллеристы, которые находились на самой батарее, притомъ еще и углубленной.

Все, что перелетало, неслось прямо на насъ. Я позабылъ опасность и жадно выглядывалъ черезъ банкетъ, надѣясь увидѣть ряды непріятеля, наступленіе,—однимъ словомъ нѣчто похожее на настоящій бой. Ничего не было замѣтно. И мы, и непріятель изъ траншей перестрѣливались съ усердіемъ и все это была одна пустая тревога.

— Хороша иллюминація? куря папироску спросилъ меня лейтенантъ мой, указывая на безчисленныя, поднимающіяся и опускающіяся, свѣтлыя точки бомбъ.—Да! прибавилъ онъ, — пригласилъ бы я сюда, на иллюминацію-то эту, кого-нибудь изъ столичныхъ молодцовъ, въ особенности разочаровавшихъ.

— Скажите, что за причина тревоги? спросилъ я его.

— Наши хотѣли отрѣзать французскій секретъ; а непріятель, вѣроятно, принялъ это за вылазку.

Молча простояли мы нѣсколько мгновеній. Пальба видимо стихала; посовѣтовавшись съ лейтенантомъ, чтобъ не терять даромъ потери, я приказалъ было уже скатывать орудія, какъ шальное продольное ядро ударило по го-

ловамъ двоихъ изъ моей прислуги, и скользнуло по тарели шестаго орудія, приплюснувши ее совершенно.

— Вотъ и вамъ прибыль, проговорилъ лейтенантъ.

Мы находились въ двухъ шагахъ отъ катастрофы.

Панпческимъ ужасомъ обдало меня, когда я почувствовалъ на себѣ брызги теплой крови. Я даже замѣтилъ, что и лейтенантъ какъ бы отшатнулся немного, и уперся рукой на правило орудія, у котораго мы стояли. Чрезвычайнымъ усиліемъ воли, подавилъ я въ себѣ невольный ужасъ, и началъ ободрять своихъ артиллеристовъ. По къ удивленію моему, я не замѣтилъ въ нихъ ни какой особенной перемѣны, лишь нѣкоторые перекрестились только, за упокой павшихъ сотоварищей. Съ непривычки, я такъ былъ восхищенъ ихъ мужествомъ, что сказалъ нѣсколько привѣтливыхъ словъ, по всей вѣроятности, не очень складныхъ, хоть можно было поручиться, что они исходили отъ сердца. Потомъ я далъ старшему фейерверкеру денегъ на покупку вина всей командѣ, по смѣнѣ съ дежурства.

Къ утру перепалка укротилась, горячка прошла; по прежнему лѣнпво заговорили бастіоны.

Съ ослабленіемъ огня мнѣ показалось (какъ послѣ перваго обхода бастіоновъ), что всякая опастность миновалась, чуть не на вѣчное время. Дремота одолѣвала меня,—нервы раздражаемые столько времени, не раздражались болѣе. Канура лейтенанта и его досчатая постель показались мнѣ армидинымъ ложемъ. Умирая отъ усталости, не думая о завтрашнемъ днѣ и даже о слѣдующей минутѣ, я заснулъ завидным сномъ воеинаго человѣка.

Утро прошло безъ приключеній. На другой день вечеромъ меня смѣнили; но не вся моя смѣна, прибывшая на бастіонъ въ такомъ бодромъ состояніи духа, возвращалась теперь къ батареѣ. Нѣсколькихъ храбрыхъ солдатъ мы недосчитывались.

По приходѣ съ бастіона, на слѣдующее утро, пришлось мнѣ видѣть плѣнныхъ непріятелей.

Это былъ «*первый непріятель*», съ которымъ я стоялъ лицомъ къ лицу.

Съ удивительно-страшнымъ чувствомъ смотрѣлъ я на плѣнныхъ; точно въ эту минуту находились теперь передо мною не подобные мнѣ люди, а какіе-то сверхъестественныя чудовища, персоны особливаго покроя.

Ни чуть не бывало! Французы и Англичане были тѣ же Французы и Англичане, какъ и въ

магазинахъ на Невскомъ проспектѣ, но только въ военной одеждѣ.

Причиною же страннаго настроенія, съ которымъ я глядѣлъ на нихъ, были законы войны, налагающіе запретное состояніе, которое и окружаетъ для насъ все какою-то торжественностью.

Плѣнныхъ было пять человѣкъ: два Англичанина и три Француза, изъ нихъ одинъ зуавъ—унтеръ-офицеръ; удивительно стройный мужчина, высокаго роста, съ красивыми русыми усами, небольшою французскою бородкою, дававшею лицу его особенное мужественное выраженіе. Красная феска съ толстою, спущею кистью—чрезвычайно шла къ его мужественной фигурѣ. Стройный станъ охватывала синяя, суконная, распашная куртка, надѣтая сверхъ какого-то нагрудника также синяго; куртка эта была вышита въ нѣкоторыхъ мѣстахъ красными снурками. Широкій, голубой поясъ стягивалъ талію. Алые широкіе турецкіе шаравары запрятывались въ особаго рода сандаліи. Нога, у щиколотки, плотно обмотана была тонкимъ, кожанымъ ремнемъ; отъ чего, при слишкомъ широкомъ исподнемъ платьѣ, казалась чрезвычайно тонкою въ этомъ мѣстѣ. Глядя на зуава, я словно смотрѣлъ на человѣка, когда-

то со мной встрѣчавшагося; такъ пріучили насъ къ этому роду войскъ французскія гравюры и иллюстрированныя изданія. Два прочихъ француза: одинъ пожилой, съ черною курчавою бородою и волосами съ просѣдью, а другой — почти мальчикъ, оба солдаты какого-то линейнаго полка, закутаны были въ широкіе, длинные синіе плащи съ капишонами. У пожилаго капишонъ былъ наброшенъ на голову, отчего онъ смотрѣлъ какимъ-то капуцином.

Зуавъ и пожилой солдатъ линейнаго полка были угрюмы, глядѣли на насъ недружелюбно, неохотно отвѣчали на разспросы и даже ободрительныя выраженія русскихъ офицеровъ. Напротивъ того, мальчикъ-солдатъ смотрѣлъ на насъ съ любопытствомъ и наивнымъ добродушіемъ, его видимо интересовали видъ непріятеля, ласковая рѣчь непріятельскихъ офицеровъ. Много вопиственнаго придавала послѣднему красовавшаяся на его головѣ небольшая, красная шапочка, обшитая тонкимъ золотымъ галуномъ и заломленная напередъ, съ четвероугольнымъ козырькомъ, немного вздернутымъ кверху.

Англичане молодцы по росту, имѣли, впрочемъ, видъ настоящихъ откормленныхъ быковъ, тупо вокругъ озиравшихся; зуавъ, самъ чрезвычайно высокій, глядѣлъ дитятей въ сравне-

ніи съ ними. Круглая, черная шапочка, котелкомъ, безъ козырька, съ мѣднымъ полковымъ номеромъ, страшно мѣстилась на огромной, толстой головищѣ каждаго. Красныя куртки Англичанъ, разительно выказывали ихъ атлетическіе станы. Ручища каждаго, право , не вошла бы въ каналъ шестп-фунтоваго орудія. Маленькіе наши пѣхотинцы—егеря глядѣли на нихъ очень внимательно , изрѣдка говоря между собою: «ишь его вытянуло! головища-то , головища какая.»

У одного Англичанина, скулы порой судорожно двигались, и мнѣ все казалось, что онъ жевалъ жвачку.

Я заговорилъ съ зуавомъ, и между прочимъ спросилъ: имѣетъ ли онъ близкихъ родныхъ во Франціи. Что-то помѣшало нашему разговору, и такъ кончилась моя первая встрѣча, съ первыми непріятелями.»

—

Вотъ уже и канунъ новаго, пятьдесятъ пятаго года; послѣдній день бурнаго, для многихъ тяжелаго года!

Что сулитъ судьба Севастополю! много кровавыхъ дней; это вѣрно.

Много... но сколько ? Точный конецъ, все-

же отрада! Но и опъ подъ непроницаемой пеленой будущаго. Долго ли придется намъ перестрѣливаться съ непріятелемъ, глядѣть на его медленное приближеніе, роптать на эту медленность и прямо глядѣть въ глаза смерти?

Да, правда! Кто примкнулъ къ рядамъ защитниковъ Севастополя, тотъ записалъ свою жизнь на жертвенникъ отечеству, и не властенъ уже расчитывать на нее. Сохранитъ судьба—хорошо!

Нашъ старый годъ былъ закопченъ счастливою вылазкою *, распространившей совершенное смятеніе у непріятеля. Хотя всѣ мы достаточно понимали, что отъ небольшой вылазки, болѣе или менѣе удачной, судьба осады зависѣть не можетъ, но не взирая на то, было весело слушать и говорить о ней наканунѣ новаго года.

Смѣшной, при этомъ выдался случай:

Наши солдатики захватили въ англійской траншеѣ какое-то существо, закутанное въ шерстяныя одѣяла, мычавшее и кусавшееся все время, пока его несли. Раскутавши эти, новаго рода, пеленки, наши солдаты не безъ уди-

* Подъ командою: подполковника Маркова и лейтенантовъ: Астахова и Брюлева.

вленія увидали въ нихъ толстаго англичанина-офицера. Бѣдняжка истинно проспалъ свою свободу, но вольно-жъ ему было устроивать себѣ домашнюю постель передъ самымъ носомъ осажденныхъ?

Офицеры нашей батареи захотѣли встрѣтить новый годъ какъ можно торжественнѣе. Всѣ мы, сложившись, заказали у Томаса великолѣпный ужинъ, а потомъ, en masse, хотѣли пригласить къ себѣ нашего добраго, всѣми любимаго командира. Къ сожалѣнію, онъ былъ отозванъ уже къ генералъ-маіору Тимофѣеву. Нѣсколько моряковъ и пѣхотныхъ офицеровъ, коротко съ нами познакомившихся на батареяхъ, дополнили нашъ дружескій кружокъ. За *хозяйку*, какъ постоянно бывало въ подобныхъ случаяхъ, трудился одинъ нашъ подпоручикъ, очень молодой еще человѣкъ, но рано испытавшій особую немилость природы, чуть не съ дѣтскихъ лѣтъ надѣлившей его лысиной въ полъ-головы.

Много думъ завѣтныхъ теснилось на сердцѣ у каждаго, въ ожиданіи таинственнаго двѣнадцатаго часа.

Невольно мысль переносилась къ близкимъ сердцу, къ роднымъ и друзьямъ.

Но еще у всѣхъ была одна мысль — о загадочной будущности окруженнаго врагами го-

рода. Всякій изъ насъ хорошо зналъ, что въ эту минуту мысли всѣхъ, къ нему близкихъ, сосредоточились на немъ, и я зналъ, что теперь, передъ Новымъ Годомъ, вдали отъ меня, вспоминаютъ мою особу всѣ люди, любимые мною.

Около двѣнадцати часовъ я живо вообразилъ себѣ отсутствующую и плачущую обо мнѣ матушку, мысль, что она теперь возсылаетъ къ небу молитвы и о Севастополѣ, и о сынѣ, находящемся между севастопольцами—эта мысль не отходила отъ меня...

Пробилъ таинственный часъ полночи, кончился старый годъ. Улыбаясь и надѣясь, поздравили мы другъ-друга съ Новымъ Годомъ, даже съ *новымъ счастьемъ*; но намъ бы шло скорѣе сказать: «съ новымъ горемъ,» потому что оно висѣло надъ нами даже въ эту самую минуту.

Поздравляя другъ-друга, каждый изъ насъ навѣрное думалъ: «придется-ли то дождаться новаго года?» Другъ на друга посматривали мы, точно стараясь угадать тѣхъ, кому не было суждено дождаться такого же вечера передъ первымъ январемъ, чрезъ двѣнадцать мѣсяцевъ!

Ужасная темень глядѣла въ наши окна; съ-

верный вѣтеръ бушевалъ по улицамъ, жалобно завывая въ трубѣ нашей комнаты. Мелкій снѣгъ крутился и изрѣдка стучалъ въ окна; слабо долетали до насъ рѣдкіе звуки отдаленныхъ пушечныхъ выстрѣловъ.

Вся сцена имѣла въ себѣ что-то нерадостное, скорѣе зловѣщее, чѣмъ привѣтливое. Правда, бесѣда казалась довольно оживленною, — но только на время. Всѣмъ скоро захотѣлось спать и мы разошлись.

Я рано проснулся поутру.

Пасмурень и угрюмъ казался первый день Новаго года, вѣтромъ разносило падающій сильный снѣгъ.—Сѣрыя, мглистыя облака застилали небо, и гудящая даль Чернаго моря— грозно чернѣлась, перекатывая мрачныя свинцовыя волны.

Машинально вышелъ я на улицу и побрелъ по городу. — Былъ часъ десятый въ исходѣ. Унылое, похоронное пѣніе и музыка послышались въ отдаленіи, потомъ приблизились мнѣ на встрѣчу; показалась похоронная процессія, мимо меня пронесли два розовые гроба. Хоронили двухъ недавно убитыхъ офицеровъ. Одинъ, еще мальчикъ, лишь нѣсколько дней успѣлъ пробыть въ Севастополѣ; другой покойникъ былъ пожилой человѣкъ, подполковникъ по

чину. Рѣдко когда ощущалъ я такую потребность молитвы, какъ въ эти минуты. Звонили уже къ достойной; я направился къ церкви. При первыхъ заслышанныхъ звукахъ священнаго пѣнія, на душѣ просвѣтлѣло и мнѣ удалось помолиться такъ, какъ рѣдко молятся люди, не вѣдающіе тревогъ и опасности.

Январь начался большею частію пасмурными холодными днями. Обычная дѣятельность жизни и смерти кипѣла въ Севастополѣ. Цѣлыми толпами передавались къ намъ непріятели, страдавшіе отъ голоду и холоду. Нерѣдко попадались они съ отмороженными руками и ногами, вызывая на истинную жалость и сожалѣніе. Они голодали и холодали въ своихъ лагеряхъ, а между тѣмъ, за нѣсколько верстъ отъ нихъ — въ Балаклавѣ и Камышѣ — гибли громадные склады всевозможныхъ запасовъ. Трашшейшыя работы замедлялись, стрѣльба шла вяло, — и эти признаки утомленія въ непріятелѣ, — страшное дѣло! — отразились на насъ, молодыхъ офицерахъ, довольно необыкновеннымъ образомъ. Намъ стало скучно. Опасность уменьшилась, жизнь пошла правильнѣе,—нервы менѣе возбуждались, разговоры стали дѣлаться однообразнѣе. Для главныхъ дѣйствующихъ лицъ драмы, интересъ ея конечно все возвы-

шался и возвышался,—но мы, хористы и статисты, утомлялись днями отдыха.

Не скрою, что воспоминанія мои о времени протекшемъ до втораго бомбардированія города—и смутны и холодны. Много распространяться о нихъ я не въ состояніи.

Въ Январѣ рѣшилась и участь корабельной стороны—*корабелки*, какъ вообще ее называли.

15 этого мѣсяца, прибылъ къ союзникамъ изъ Парижа генералъ Ніэль, присланный самимъ Наполеономъ III, для обзора осадныхъ дѣйствій. По его предложенію, принятъ былъ Канробертомъ новый планъ осады; непріятели заключили: сосредоточить свои главныя дѣйствія противъ восточной части Севастополя, и Малахова кургана * въ особенности.

До этой поры главною мѣтою врага былъ 4 бастіонъ: **, противъ котораго на землѣ и подъ землею истощалъ онъ всѣ средства осады и всѣ усилія ума человѣческаго. Въ половинѣ января мѣсяца, наши минеры услышали непріятельскія подземныя работы, въ 26 саженяхъ впереди четвертаго бастіона, и самособой разумѣется, уничтожили галлереи, ими окрытыя.

* Bastion de la tour.

** Bastion du mât.

Пріѣздъ Великихъ Князей оживилъ и занялъ Севастополь. Они жили въ небольшомъ каменномъ домикѣ, на Сѣверной сторонѣ—въ сѣверной балкѣ. Юные предводители Царственной Семьи русской не покидали своихъ вѣрныхъ воиновъ, на равнѣ раздѣляя съ ними всѣ труды и опасности.

Одинъ вылазки съ нашей стороны шли своимъ чередомъ, доставляя предметъ для разсказовъ и сужденій. Смѣлыя предпріятія нашихъ удальцовъ повторялись безпрерывно; и только чрезъ нихъ отчасти разнообразилась монотонность осады, за это утомительное долгое время.

Въ одну изъ подобныхъ вылазокъ сильно былъ раненъ, хорошій нашъ знакомый, молодой лейтенантъ Т*. Товарищи его передали намъ всѣ подробности происшествія. Т*, въ полномъ смыслѣ слова, храбрый, испытанный севастополецъ, съ самаго начала осады не покидалъ бастіона. Съ успѣхомъ участвовалъ уже онъ въ нѣсколькихъ вылазкахъ; но передъ послѣдней имѣлъ какое-то недоброе предчувствіе.—Боязнь смерти, до тѣхъ поръ незатрогивавшая ни разу его молодую, но закаленную душу, пришла ему на мысль съ особенной ясностью. Рокъ увлекалъ его и самъ же онъ напро-

сился на вылазку. Коротко знавшіе Т*, удив-лялись внезапной его перемѣнѣ, и самые не-вѣрующіе печально посматривали на него.

Его мужество всѣмъ было извѣстно; тутъ не могло быть никакого сомнѣнія.—А между тѣмъ, предъ вылазкой, Т* былъ какъ бы потерянный; сдѣлался задумчивымъ, разсѣяннымъ. Нѣсколь-ко разъ прощался онъ съ одними и тѣми же, забывалъ разныя вещи; не слушалъ того, что ему говорили, ходилъ какъ-будто въ туманѣ. Даже по выходѣ уже съ командою изъ басті-она, онъ позабылъ что-то взять съ собою и почти съ половины дороги вернулся за своею шашкою—широкій и тяжелый клинокъ которой, сдѣланный изъ косы, былъ остеръ, какъ брит-ва. Безъ этой шашки, по словамъ лейтенанта, онъ никогда не могъ идти въ дѣло.

Предчувствіе Т*, къ несчастію, вскорѣ оправ-далось на немъ; и его, тяжело раненнаго въ грудь, принесли на плащахъ.

Первымъ бросился онъ въ непріятельскую траншею, и грудь съ грудью столкнулся, въ темнотѣ, съ высокимъ французскимъ офице-ромъ, выросшимъ какъ бы изъ земли. Фран-цузъ въ упоръ выстрѣлилъ въ Т* изъ пистоле-та, заряженнаго двумя пулями.

Внѣ себя съ горячки, какъ бѣшеный, ки-

нулся Французъ на нашихъ солдатъ, съ разряженнымъ пистолетомъ; «ажно зубамъ заскрипѣлъ, разбойникъ», говорилъ намъ матросъ, находившійся при Т* за ассистента и первый передавшій все случившееся на вылазкѣ. Француза схватили и вмѣстѣ съ Т* принесли на бастіонъ.

Французъ бился и бѣшено рвался, кусая даже руки державшихъ его солдатъ. Нашлись вынужденнымъ бросить его на грязную землю и кто-то изъ матросовъ заблагоразсудилъ вылить ему на голову ведро воды, Французъ вскочилъ, какъ встрепанный.

— Où, suis-je donc?... спросилъ онъ, безсмысленно на всѣхъ озираясь.

— Вишь! дивится чему-то! замѣтилъ кто-то изъ солдатиковъ.

— Какъ не дивиться, изъ Франціи пріѣхалъ! замѣтилъ въ отвѣтъ кто-то изъ толпы матросовъ.

— Вы нашъ плѣнникъ, вѣжливо сказалъ плѣнному, подошедшій въ это время командиръ батареи, и взявши его за руку, повелъ въ свой блиндажъ, гдѣ лежалъ несчастный Т*, которому дѣлали необходимую первоначальную перевязку.

Французъ-офицеръ, былъ высокій, немного

сутуловатый, сухощавый мужчина, довольно пожилыхъ лѣтъ, съ лысиною и рѣдкими волосами на вискахъ и затылкѣ.

Тоска и досада ясно выражались на его лицѣ, очень выразительномъ и прорѣзанномъ нѣсколькими морщинами.

При взглядѣ на раненаго, онъ какъ бы вдругъ вспомнилъ что-то, закрылъ глаза руками, вскрикнувъ громкимъ голосомъ: «ah! c'est horrible,—ah! je m'en souviens... ah, c'est l'officier russe!» и кинувшись къ лейтенанту, предался всѣмъ порывамъ страшнаго отчаянія.

Видя непритворную горесть Француза, его стали увѣщать, говоря между прочимъ, что всему виною война, печальная необходимость ея законъ.

Но Французъ ничего не слушалъ, и взглядывая на раненаго отъ его руки Т*, грустно качалъ головою, приговаривая: «Dieu! que la guerre est une horrible chose!...» и по его щекамъ текли даже слезы. «Il pourrait être mon fils; j'en ai un, de son âge a peu près», повторилъ онъ разъ десять, указывая на Т*.

Всѣ были разстроены этою сценою и видомъ страданій Т*, дѣйствительно ужасныхъ.

Вылазка, впрочемъ, стоила названія «блистательной» и вполнѣ достигла своей цѣли.

—

ТЕТРАДЬ ТРЕТЬЯ.

Масляная. — Главныя дѣйствія за февраль. — Дѣло съ 11-го на 12-е февраля.—Библіотека. — Великій постъ и свѣтлые праздники. — Второе усиленное бомбардированіе.—Смерть нашего батарейнаго командира.

Настала и наша сѣверная масляная,—время разгульнаго веселья по всему раздолью матушки-Руси. Масляница и на насъ словно наложила обязанность веселиться на распашку, оставляя всѣ труды и занятія, и отстраняясь отъ всякаго рода заботъ. По возможности веселились и Севастопольцы,—блины забирались даже на бастіоны. Осколки изъ *черепковъ* переименовались даже на это веселое время въ *блины*; солдатики, пробираясь по землѣ, ими усѣянной, говорили какому-нибудь рекрутику: «вотъ-те блиновъ накидали—подымай съ полу да и ѣшь на здоровье!»

Не зная сще этого, разъ я былъ удивленъ, когда на спросъ мой одного солдатика: «чѣмъ раненъ?» тотъ отвѣтилъ:—блиномъ, ваше благородіе.

Офицеры нашей батареи каждый день на масляной пировали съ пѣхотными офицерами нашей дивизіи; жили мы съ ними очень дружно, и на службѣ и въ городѣ, сходясь какъ истинные пріятели.

Въ пѣхотѣ офицеры вообще любятъ хорошо попить и покушать, совершенно придерживаясь пословицы: «не красна изба углами, а красна пирогами»; у кого были средства, тотъ занимался хлѣбосольствомъ въ полномъ смыслѣ; артиллеристовъ же они всегда любили. Въ особенности же привязанъ былъ каждый полкъ къ своей батареѣ, какъ раздѣляющей съ нимъ и труды и славу, да и вообще сближенной съ ними не черезъ одну трудную минуту осады. Неприхотливость, умѣнье сживаться съ походной жизнью, наконецъ полное сознаніе цѣны покою, вотъ причины той удивительной способности пѣхотинцевъ, вмигъ, всюду, будто у себя дома, основываться. На бивуакѣ ли, на постоянной ли квартирѣ, въ незадолго отнятомъ у непріятеля лагерѣ или городѣ,—всюду сразу расположится онъ такъ, словно вѣкъ здѣсь стоялъ. У него все скоро поспѣетъ, у него все мигомъ устроится, и черезъ полчаса послѣ прихода на новое мѣсто, смотришь, ужъ

какой-нибудь усатый Микатюкъ или Карпаухъ, состряпалъ обѣдъ на славу.

И теперь, въ Севастополѣ, также какъ и всегда, радушіе пѣхотныхъ хлѣбосоловъ не понесло никакого измѣненія. Война не нанесла никакого ущерба гостепріимству. Положимъ, приглашаетъ насъ на блины, хотя капитанъ Т* полка, ротный командиръ перваго баталіона. Истинно обрадовавшись, нѣсколько разъ пожимая обѣ ваши руки, привѣтливо проговоритъ онъ свое обычное, чрезвычайно идущее къ его простому, открытому лицу:

— Здоровенько, здоровенько; наконецъ-то заглянули!

Послышатся при появленіи знакомыхъ артиллеристовъ, дружескіе вскрики присутствующихъ: *Артиллерія*! и пойдутъ привѣтствія. Наконецъ, кто-нибудь замѣтитъ, что: «артиллерія на лицо, такъ не мѣшало бы того,»—и къ дѣлу!... на что нѣсколько суетящійся хозяинъ добродушно отвѣтитъ: «одну минуточку! сейчасъ должны поспѣть блинчики». Еще нѣсколько разъ, самъ онъ, юнкеръ его роты, и еще кто-нибудь изъ молодыхъ офицеровъ, ему подсобляющихъ, юркнутъ промежъ тѣсной кучки гостей, кто съ бутылкою, кто съ тарелкою, и наконецъ появится торжественное

шествіе дешьщика и вѣстовыхъ, съ разнообразною закускою и грудами дымящихся блиновъ. Угощенія подобнаго рода и бесѣды, ихъ сопровождающія, могли казаться однообразными, но за то они всегда были обильны весслостью. Однополчане хозяина, стоя и въ этомъ случаѣ за честь своего полка, всѣ также наперерывъ стараются угощать *гостей*, то-есть насъ—артиллеристовъ; а балагуръ и весельчакъ, штабсъ-капитанъ того же Т* полка, подливая гостю вина, процитируетъ извѣстный стихъ Грибоѣдова:

Ну вотъ великая бѣда,
Что выпьетъ лишнее мужчина,
Ученость, вотъ чума....

и улыбаясь, дѣлаетъ ударсніе на словѣ «ученость», указывая при этомъ на такъ-называемый *учсный капитъ* нашего артиллерійскаго воротника.

Также гостепріимный хозяинъ, все угощая, хотя совершенно уже сытыхъ гостей, будетъ извиняться «въ скудости угощенія», съ тою только теперь разницею, что прибавитъ: «на осадномъ положеніи, господа, не взыщите», и потирая руки, лукаво улыбнется, вспомнивъ о едва уничтоженной, громадной закускѣ и грудахъ блиновъ.

Но вотъ все поприбирается, раскладываются

столы, покрытые зеленымъ сукномъ, и хозяинъ, ловко разламывая въ одной рукѣ издѣліе Александровской Мануфактуры, приглашаетъ желающихъ,—по его выраженію: «гнуть карту»; а не то: «въ коммерческую», прибавляя, что не надо терять золотаго времени, что въ девятомъ часу вечера, онъ долженъ будетъ идти съ ротою на бастіонъ.... Бастіонъ.... да! и немного непріятное чувство воспоминанія, о забытой было дѣйствительности, опять приходитъ вамъ на мысль.

Также сытно, какъ на всей Руси, хотя по бивуачному, подъ пулями и ядрами, проводилъ Севастополь масляную.

Еще съ третьяго февраля дѣятельно принялись Французы за восточную часть Севастополя, взявъ на себя все по осаднымъ дѣйствіямъ съ этой стороны, кромѣ одного третьяго бастіона, который предоставленъ былъ Англичанамъ, истощеннымъ въ числительной своей силѣ, пагубнымъ для нихъ, Инкерманскимъ сраженіемъ...

— Grand redan — pour la Grande Bretagne, приведу здѣсь слова, сказанныя мнѣ въ послѣдствіи, однимъ французскимъ офицеромъ.

Бѣдная, мирная Корабелка! и тебѣ предстоитъ страшная опасность бомбардированія. Ужели подвергнется разрушенію и этотъ скромный

домикъ, съ своею уютною комнаткою, обитою голубыми обоями, съ покойною, хотя и простенькою мебелью, гдѣ часто, часто находили мы истинное радушіе и дружбу, гдѣ отдыхали и тѣломъ и душой; гдѣ за круглымъ чайнымъ столомъ, порой совершенно забывались и отъ рокота вокругъ гудящихъ выстрѣловъ, и отъ самой смерти, которая, быть можетъ, ждала насъ въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ гостепріимнаго порога.

Въ противодѣйствіе новымъ затѣямъ врага, съ нашей стороны составили смѣлый и рѣшительный планъ, планъ почти небывалый въ лѣтописяхъ какой бы то ни было старой или новой осады. Обороняющійся сталъ дѣйствовать наступательно!

Съ лѣваго фланга нашей оборонительной линіи, гораздо впередъ, повыдвинули новыя укрѣпленія. Первое изъ нихъ заложено въ ночи съ 9-го на 10-е февраля, на отлогости Сапунъ-горы, образующей правый флангъ Килень-балки, и по имени полка, производившаго работы, названо Селенгинскимъ редутомъ. Еще впереди и, немного лѣвѣе, также соорудили потомъ Волынскій редутъ. Изумленный непріятель пытался-было попрепятствовать намъ, и всякій разъ былъ отбрасываемъ назадъ съ большимъ урономъ.

Мѣстность отъ Малахова Кургана шла къ сторонѣ непріятеля понижаясь, до небольшаго пзволока, отъ котораго, опять возвышаясь, заканчивалась небольшимъ пригоркомъ *. Разстоянія было 290 саженъ.

Этимъ-то пригоркомъ и намѣревались овладѣть Французы; но наши, предвидя всѣ ихъ замыслы, опять устроили здѣсь новое укрѣпленіе, названное Камчатскимъ люнетомъ, и заложенное съ 26-го на 27-е этого мѣсяца. Случайно довелось мнѣ быть зрителемъ дѣла, противъ перваго изъ этихъ укрѣпленій, начавшагося въ два часа ночи, съ 11-го на 12-е февраля.

Въ этотъ день, передъ вечеромъ, поѣхалъ я съ однимъ офицеромъ нашей батареи на корабельную сторону, и возвращаясь уже за полночь, встрѣтили на пристани знакомаго намъ лейтенанта съ парохода «Громоносецъ». По его приглашенію, мы поѣхали къ нему на пароходъ въ гости; тамъ подали ужинъ—мы всѣ разговорились, и не замѣтно засидѣлись до ночи. Уже пробила не одна склянка, а мы все сидѣли и болтали: время было свободное, разставаться не хотѣлось, — а тотъ, кто бывалъ въ осажденномъ городѣ, вѣрно пойметъ всю

* Mamelon Vert.

пріятность нашего тихаго собранія. Внезапно, по направленію вновь возведеннаго редута, затрещалъ сильный ружейный огонь, и ясно долетѣло до насъ, по водѣ, русское ура, съ громкими безпрерывными протяжными переливами.

Всѣ мы выбѣжали на палубу; нѣкоторые изъ числа экипажа взобрались на ванты. Въ полъоборота налѣво, отлогость Сапунъ-горы, между Георгіевской и Киленъ-балкою, была опоясана огнями. Луна, привѣтно до-сихъ-поръ сіявшая на небѣ, какъ бы нарочно въ эти минуты закрылась тучами, «испугавшись кроваваго дѣла», какъ говорится въ романахъ.

Жадно глядѣли мы по направленію къ мѣсту боя, но надо признаться—больше слышали, чѣмъ видѣли.

Урывками стихала пальба, смѣняясь какою-то странною, мучительной тишиною. Казалось мнѣ, что иногда доносилось замиравшее эхо стоповъ, командныхъ словъ, да лязготня скрещивавшагося холоднаго оружія. Потомъ опять все заливалось частой дробью ружейной пальбы, похожей на стукъ града въ окна, и за ней снова опять гремѣли сердце возбуждающіе крики обѣихъ бьющихся сторонъ, во время наступленія.

Мы все глядѣли, а уже нашъ пароходъ ши-

пѣлъ, ворочался, двигался. На палубѣ его люди хлопотали около огромныхъ орудій.

По данному сигналу, державшіеся подъ парами, пароходы: Владиміръ, Херсонесъ и нашъ Громоносецъ, подлетѣли къ мѣсту боя, на картечный выстрѣлъ, и стали стрѣлять въ непріятеля. Пальба, какъ говорятъ, была до крайности удачна.

Я и не замѣтилъ, какъ все это сдѣлалось.

Мы все глядѣли (по-крайней-мѣрѣ я, оставшійся безъ дѣла). По мѣрѣ напряженія зрѣнія, предметы стали обозначаться яснѣе, да и разстояніе было теперь не велико.

Отъ сильнаго огня, порой совершенно все озарявшаго, можно было отличить массы сражавшихся. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ по двѣ черневшихся стѣны, напирали одна на другую, сталкивались, смѣшивались. Крики каждой толпы, набѣгавшей впередъ, при каждомъ наступленіи, были полны энергіи,—но потомъ ослаблялись и покрывались наконецъ стонами и болѣзненными возгласами раненыхъ.

Французскій строй, своими синими мундирами, замѣтно оттѣнялся отъ нашего, въ сѣрыхъ шинеляхъ. Видимо рѣдѣли тѣ стѣны, что казались черньѣе; колебались, сгущались, опять бросались; вслѣдъ затѣмъ, громче, сильнѣе

раздавалось русское ура-а-а-а-а!—отъ котораго, просто такъ и норывало вплавь броситься къ мѣсту боя.

Съ удовольствіемъ разсказывали наши солдатики про это дѣло.

— Хоть разъ довелось потѣшиться, говорили одинъ; — перевѣдались съ *ними* на чистоту; прибавляли другіе. —Не все ему бить изъ-за угла, да изъ норъ, — подтверждали третьи разскащики, послѣ боя.

У многихъ нашихъ было штыковыхъ ранъ до пятнадцати; не смотря на это, раненые смотрѣли бодро и весело. Нѣкоторые изъ нихъ сами приходили на перевязочный пунктъ. О Французахъ даже раненые отзывались съ нѣсколько комическимъ уваженіемъ.

— Молодецъ народъ драться; выражались иные солдатики: — да *великаты* очешо на штыки: царапаются только.

Дѣйствительно, раны отъ французскихъ штыковъ, которыя приходилось мнѣ видѣть, рѣдко имѣли опасный характеръ. Не могу сказать того же о ранахъ причиненныхъ нашими штыками.

На перемпріяхъ и при уборкѣ тѣлъ послѣ штыковаго дѣла, Французы всегда жаловались на нашу манеру колоться штыкомъ. C'est une abomination—c'est faire de la boucherie inutile,

неразъ повторяли они, глядя на ужасныя раны своихъ убитыхъ.

Въ-самомъ-дѣлѣ было чрезвычайно странно смотрѣть на исковерканныя судорогами предсмертной агоніи—совершенно-искаженныя лица людей, заколотыхъ штыками. Солдаты, убитые пулями, почти всѣ лежали въ покойныхъ положеніяхъ, на ихъ лицахъ не выражалось особенныхъ страданій. Нечего и говорить о томъ, что сами раны были не такъ отвратительны, и крови около нихъ не было такъ много.

18-го числа уѣхали въ столицу высокіе гости изъ Севастополя; а чрезъ нѣсколько времени послѣ того долетѣла до насъ молва о кончинѣ Государя Императора Николая Павловича.

Въ началѣ февраля прекратились дежурства нашей батареи на бастіонѣ; и оттого намъ, офицерамъ, стало гораздо скучнѣе.

Погода по бо́льшой части стояла дурная, въ невольномъ бездѣйствіи нашемъ заключалось что-то томительное. Въ городѣ дѣлать было нечего, а ходить по укрѣпленіямъ «ради наблюденій» было бы весьма неловко, не имѣя на нихъ никакой опредѣленной должности.

Однимъ изъ утѣшеній моихъ въ это доволь-

но тяжелое время, была севастопольская библіотека. Въ свободные часы, а ихъ теперь выпадало довольно часто, хаживалъ я туда.

Необыкновенно пріятно, даже обаятельно казалось мнѣ, послѣ разныхъ невзгодъ осаднаго положенія, перенестись вдругъ въ прекрасную залу, и сидя тамъ на покойномъ вольтеровскомъ креслѣ, слѣдить за своими и иностранными новостями, въ мірѣ политики и искусства. Тотъ незнаетъ всей цѣны подобному занятію, кто не бывалъ въ положеніи севастопольцевъ.

Изящное, трехъ-этажное зданіе библіотеки Черноморскаго флота находилось на самомъ возвышенномъ мѣстѣ города, отстоящемъ на 135-ть футовъ отъ уровня моря.

По бокамъ парадной, мраморной лѣстницы, красовались на пьедесталахъ два огромные сфинкса.

Въ нишахъ нижняго этажа поставлены были двѣ статуи—Архимеда и Ксенофонта, вышиною каждая въ 16-ть футовъ. Наверху зданія, на портикѣ, поддерживавшемся, съ парадная входа, двумя іоническаго ордена колоннами, прежде стояло еще нѣсколько статуй, изъ бѣлаго каррарскаго мрамора, но во время осады они были сняты.

Чугунная, высокая рѣшетка окружала зданіе библіотеки, а возлѣ зданія находился неболь-

той, хорошенькій садикъ, въ которомъ, съ первой весною, все разцвѣло и распустилось.

Парадный входъ былъ запертъ. Всѣ ходили съ другаго, со двора. Фуражка и сабля непремѣнно отдавались внизу швейцару.

Поднявшись вверхъ, по внутренней широкой лѣстницѣ, также мраморной, проходили въ небольшое отдѣленіе съ моделями разныхъ кораблей, вдѣланными въ стѣну, и превосходными гравюрами морскихъ сраженій. Оттуда открывался ходъ въ огромную залу въ два свѣта, съ галлереею вокругъ, на чугунныхъ кронштейнахъ, съ чугунною же рѣшеткою.

На лѣво отъ входа въ эту залу стояла большая модель 120-ти пушечнаго корабля «Двѣнадцать Апостоловъ». По стѣнамъ вокругъ, помѣщались большіе шкафы для книгъ изъ краснаго дерева. Прямо вела дверь въ другую залу, съ прекрасною кабинетною мебелью. Огромный столъ посреди́нѣ завалснъ былъ журналами: французскими, русскими, англійскими и нѣмецкими. По стѣнамъ висѣли всѣ лучшія русскія ландкарты.

Непріятельскіе выстрѣлы не миновали этого великолѣпнаго зданія. Бомба, пробивши потолокъ въ первой залѣ, пролетѣла на $^1/_4$ аршина отъ модели корабля, развоpотило нѣсколь-

ко квадратовъ паркета и разорвалась въ подвальномъ этажѣ. Отъ библіотеки на право, сейчасъ же шло мѣсто, обнесенное каменной оградой, гдѣ заложенъ храмъ во имя св. Владиміра. Сюда, къ Лазареву и Корнилову, пріютили и Истомина, которому адмиралъ Нахимовъ уступилъ свое мѣсто.

О часахъ, проведенныхъ мною въ Севастопольской библіотекѣ, память во мнѣ сохранилась съ большой живостью. Трудно было придумать что-нибудь свѣжѣе, спасительнѣе этихъ періодовъ отдыха въ прохладныхъ залахъ библіотеки.

Наступили дни страстной недѣли и *многострадальный* Севастополь отбывалъ память страданій и крестной смерти Искупителя. Мнѣ безъ труда повѣрятъ, что подобной страстной недѣли я никогда не переживалъ,—и, безъ сомнѣнія, болѣе не увижу въ теченіе всей моей жизни. Неизъяснимая торжественность нашего положенія сказывалась всякому, всякій молился и не мѣшалъ другимъ молиться. Простая, горячая набожность простыхъ солдатъ, благоговѣйная задумчивость начальниковъ, величавые обряды, совершаемые повсюду, при громѣ пушекъ и при свистѣ пуль—все это взятое вмѣстѣ, уносило душу въ области рѣдко ей до-

ступныя. Не забыть мнѣ никогда, напримѣръ, тѣхъ высоко-умилительныхъ мгновеній, когда со священнымъ пѣніемъ, подъ вражескими выстрѣлами, нарочно иногда направляемыми въ нашу сторону, саповники и духовенство города вынесли Плащаницу! — Въ ярко-освѣщенномъ храмѣ и вокругъ него по всей улицѣ, множество молящихся съ зажженными свѣчами въ рукахъ, слушали божественное служеніе, дожидаясь радостнаго возглашенія: «Христосъ Воскресъ!» — Кто не молился съ жаромъ изъ числа всей толпы, окружавшей церковь, кто не помышлялъ о всемъ величіи минуты, мною сейчасъ описанной?

Прямо изъ церкви, всѣ офицеры нашей батареи отправились съ добрымъ своимъ командиромъ разговляться къ нему на квартиру. Слѣдомъ за нами пришелъ и генералъ-маіоръ Тимофѣевъ, давно подружившійся съ нашимъ подполковникомъ.

Всѣхъ насъ собралось теперь семеро; и кто могъ предвидѣть, что изъ этого числа семи человѣкъ, въ живыхъ останутся, къ будущимъ праздникамъ, только трое...

Даже первый день Свѣтлаго праздника не прошелъ спокойно для Севастополя. Мы давно знали, что около Святой Недѣли непріятель

готовился къ новому и страшному бомбардированію, давно уже припасая громадныя средства.

Всѣ мы однако полагали, что хотя первые дни праздниковъ — «Великіе дни» — какъ говоритъ само ихъ названіе, пройдутъ по возможности покойно.

Ожиданія севастопольцевъ не сбылись однако ни въ одномъ, ни въ другомъ отношеніи. Общаго бомбардированія не было, но не было и спокойствія. Пальба съ батарей осаждающаго шла безъ умолка, не дѣлая намъ особеннаго вреда, но раздражая почти каждаго солдата, собиравшагося встрѣтить праздникъ по русски.

Носились у насъ слухи, что союзники, совѣстясь вести огонь въ первые дни великаго праздника, насажали въ траншеи турокъ. Не знаю, справедливы ли были эти толки, но пальба дѣйствительно велась худо и нелѣпо.

Все это не помѣшало однако севастопольцамъ провести праздникъ съ обычной торжественностью и веселостью.

Женщины и дѣти, презирая опасность и явную смерть, шли на бастіоны подъ пулями, къ мужьямъ, отцамъ, братьямъ, сыновьямъ, похристосоваться, сѣсть освященной пас-

хи , и порадовать ихъ проблескомъ семейной жизни.

По долгу службы , пришлось мнѣ побывать въ этотъ день на третьемъ бастіонѣ, поутру, часу въ 11-мъ.

Все приняло праздничный видъ даже на бастіонахъ. Площадки усыпались пескомъ, платформы пообтерли и повычистили , станки немного подкрасили, люди пріодѣлись въ лучшее платье; и право, кажется, позабыли , что находятся на бастіонѣ , не подъ обыкновенною случайностью смерти.

У одной мортиры толпилась густая кучка матросовъ и пѣхотныхъ солдатъ.

Я подошелъ къ нимъ посмотрѣть причину этого необыкновеннаго собранія , и невольно разсмѣялся.

Какой-то удалецъ разскрасилъ разряженную двухъ-пудовую бомбу въ родъ пасхальнаго яйца, а другіе готовились послать этотъ оригинальный снарядъ непріятелю.

— Надо похристосоваться, —какже, нельзя. вотъ дружку и красное яичко,—замѣтилъ одинъ матросъ.

— Битка важная! — авось англичанъ лобъ-то подставитъ,—подхватилъ кто-то другой.

Не совсѣмъ ласково отвѣтили Англичане на

эту военную шутку, почти безвредную, если принять въ соображеніе, что крашеная бомба безъ разрывнаго заряда, не могла никого поразить осколками. Вскорѣ послѣ посланнаго нашими «краснаго яйца», прилетѣла на бастіонъ семи-пудовая бомба, наполненная разными гадостями, и вслѣдъ за нею съ подобною же начинкою, какой-то боченокъ.

Имѣя порученіе къ одному батарейному командиру, я зашелъ къ нему въ блиндажъ. Это была вырытая, подъ однимъ изъ траверзовъ, яма—почти въ сажень глубиною (считая съ вынутой частью траверза), шаговъ семь въ длину и нѣсколько менѣе въ ширину, раздѣленная земляною же стѣною, съ отверстіемъ въ ней для прохода, на два отдѣленія. Одно отдѣленіе назначалось для офицеровъ, а другое для матросовъ той батареи. Толстый накатникъ покрывалъ верхъ и поддерживалъ насыпь траверза. Входъ былъ общій, и спускаться надо было по двумъ доскамъ, съ прибитыми на нихъ поперечными брусками; эту лѣсенку солдаты также называли, по морскому: трапомъ.

Пробить подобный блиндажъ было почти невозможно самой тяжелой бомбой, но если двѣ бомбы большаго калибра, одна за другой, па-

дали въ одно и то же мѣсто поверхности, опасность отъ второй была большая. Оно не рѣдко и случалось, въ особенности за послѣднее жестокое бомбардированіе.

Въ спускающійся ходъ легко также могла спуститься бомба: что и случилось разъ даже съ описываемымъ мною теперь блиндажемъ. Осколки равно могли залетать отсюда, хотя рѣдко, *случайно*, какъ всегда говорится.

Полумракъ господствовалъ въ блиндажѣ даже днемъ; а потому свѣча горѣла тамъ постоянно.—Въ блиндажѣ, куда я вошелъ, зажжена была, въ офицерскомъ помѣщеніи, прекрасная карсельская лампа. Въ переднемъ углу висѣлъ образъ «Божіей Матери всѣхъ скорбящихъ», съ теплящейся серебряной лампадкой.

Вдоль стѣнъ шли деревянные прилавки, замѣнявшіе кровати. Два, три ковра и подушки, брошены были на нихъ. На небольшомъ столикѣ, покрытомъ чистою, тонкою скатертью, стояла пасхальная закуска. Все глядѣло, по возможности, опрятно въ этомъ земляномъ—боевомъ покоѣ.

На матросской половинѣ, посрединѣ, на столбахъ, утвержденныхъ концами въ полу и потолкѣ, прилажены были двухъ-ярусные нары,

на которыхъ и теперь лежало нѣсколько матросовъ. Нѣкоторые изъ нихъ забавлялись «въ носки»; кто-то пилилъ «камаринскую» на скрипицѣ,—а другой въ тоже время наигрывалъ на гармоникѣ: «по улицѣ...»

Отправляясь назадъ, мимоходомъ заглянулъ я изъ любопытства въ одну *курлыгу*, простѣе: фурлыгу. Такъ называли солдаты небольшую землянку, на двухъ—много на трехъ человѣкъ, и то тѣсно въ ней мѣстящихся. Курлыга состоитъ изъ небольшой ямы, съ навѣсомъ, прилаженнымъ изобрѣтательнымъ русскимъ умомъ. Нѣсколько вмѣстѣ сложенныхъ камней—*труба*—по солдатскому выраженію, замѣняла печь.

Осколокъ рѣдко пробивалъ курлыгу; за то попавшая въ нее бомба, истинно погребала тамъ несчастныхъ обитателей, не успѣвшихъ остеречься.

Въ той курлыгѣ, куда я заглянулъ только, а не вошелъ, потому что какъ-то хитро, на четверенькахъ надо было туда вползать, одинъ солдатикъ, развалясь и задравши ноги къ верху, читалъ по складамъ какую-то засаленную (сказать «замасленную», было-бы слишкомъ мягко); двое другихъ, сидя на корточкахъ и безсознательно смотря на тлѣющіе уголья, покуривали коротенькія трубочки—«носовертки»,

иногда вздыхая, и часто поплевывая на сторону, какъ-то сквозь зубы, съ чрезвычайной ловкостью. Курившіе солдатики, казалось, слушали чтеніе съ необычайнымъ вниманіемъ.

Нужно было имѣть крѣпчайшіе и вмѣстѣ привычные нервы, чтобъ высидѣть самое короткое время въ тѣсномъ, душномъ пространствѣ, въ сизомъ дымѣ «махорки» и угара отъ тлѣющихъ сырыхъ дровецъ.

Вечеромъ собрались къ намъ кой-кто изъ знакомыхъ намъ офицеровъ, и между прочимъ капитанъ Т* полка,—такъ радушно угостившій всѣхъ насъ блинами на масляной.

Голова его была повязана.

— Что это съ вами, капитанъ? почти въ одинъ голосъ спросили мы его, съ истиннымъ участіемъ.

— Пустое! небрежно отвѣтилъ онъ,—осколочкомъ немного задѣло (а на самомъ дѣлѣ, порядочно-таки пристукнуло — какъ разсказали его товарищи);—да и какъ разъ въ тотъ вечеръ—помните! послѣ моихъ блиновъ. Я ужъ насильно вырвался изъ лазарета; скучно стало! — А что-же, карту сломимъ? заключилъ онъ.

Долго засидѣлись мы, — и легли спать уже въ третьемъ часу утра, съ пріятною мыслію:

поспать по-крайней-мѣрѣ до полдня. Но предположенія наши не совсѣмъ удались, какъ сейчасъ увидитъ читатель.

Въ пять часовъ утра, заревѣло со всѣхъ концовъ повое, истинно адское бомбардированіе. Страшный свистъ, трескъ, гулъ, грохотъ раздались надъ самой нашей крышей и подняли всѣхъ насъ на ноги.

Ошеломленные деньщики наши бросились будить насъ.

Не совсѣмъ еще освободясь отъ сладкаго сна, свивавшаго такія свѣтлыя, радужныя мечты и образы,—смутно угадывая дѣйствительность, лежалъ я еще съ полузакрытыми глазами.

Деньщикъ мой, полагая, что я все-таки сплю, изо всѣхъ силъ, сталъ тормошить меня за ноги, суетливо крича надъ самыми ушами:

— Бандировка, ваше благородіе! надъ самымъ домомъ ракиты лопаются.

Всѣ мы вскочили и побѣжали къ окошкамъ.

Даже въ нѣсколькихъ шагахъ ничего не было видно.

Дождь лилъ, какъ изъ ведра.

Густой туманъ, смѣшанный съ неразсѣвавшимися отъ сырости клубами пороховаго ды-

ма, застилалъ непроницаемой мглой всю окрестность.

Зловѣще и тускло мелькали огоньки по всѣмъ направленіямъ семиверстнаго пространства укрѣпленій, опоясавшихъ Севастополь; въ воздухѣ стоялъ оглушающій, ревущій гулъ канонады, прерываемый иногда взрывомъ пороховыхъ погребовъ. Слушая этотъ бѣсовскій концертъ, я испыталъ подобное неловкое чувство, какъ въ день моего перваго обхода по бастіонамъ. Служба моя начиналась въ самомъ дѣлѣ: все что я испыталъ и видѣлъ до этой поры — было лишь приготовленіемъ. Война во всемъ ея ужасѣ наконецъ глянула мнѣ въ лицо.

Наскоро одѣвшись, отправились мы въ паркъ къ своей батареѣ, въ тревожномъ, невольномъ ожиданіи чего-то заставляющаго сильнѣе биться сердце.

Ѣздовые съ орудійными и офицерскими лошадьми также прискакали сюда. Въ конюшню къ нимъ, на Морской улицѣ, уже залетѣли двѣ бомбы и ракета, въ особенности перепугавшая лошадей, своимъ шумнымъ полетомъ.

Къ счастію, большая часть лошадей въ это время была на утренней выводкѣ.

Жители толпами сбѣгались къ единствен-

му теперь убѣжищу: Николаевской батареѣ, сдѣлавшейся теперь истиннымъ городомъ.

Забравшись въ безопасный пріютъ, когда первое впечатлѣніе ужаса поотлегло, мужчины, женщины, дѣти — усыпали галлереи казармы, наслаждаясь грознымъ, но почти безопаснымъ теперь для нихъ зрѣлищемъ.

Цѣлыя драмы и комедіи разыгрывались между жителями. Какія разнообразныя группы видѣлись повсюду!

Вотъ передо мной трогательная сцена, въ родѣ той, что изображена въ послѣднемъ днѣ Помпеи у Брюлова.

Больнаго старика-отца, принесли на рукахъ сынъ и дочь, безтрепетно пробрались они чрезъ грозное пространство,—но теперь, при концѣ подвига—силы оставили молодыхъ людей, они сами словно больны и едва держатся на ногахъ. За ними, безвредно прилѣпилась и старушка-мать. Кое-какъ вся семья помѣстилась въ углу въ коридорѣ у казеннаго ящика съ бомбами.

Какія-то молодыя дѣвицы, довольно нарядно одѣтыя (неужели и теперь, въ это утро, взглянули онѣ лишній разъ въ зеркало!!), опершись на перила галлереи и, уже успѣвши освоиться съ своимъ положеніемъ, беззаботно пе-

рекидываются любезностями съ кавалерами изъ военныхъ.

Въ сторонѣ отъ дѣвицъ—трое русскихъ купцовъ, вѣрно заѣзжіе гости, разговариваютъ между собою, почти шепотомъ, — крестясь иногда при близкомъ разрывѣ бомбы. Господи! Господи! Пресвятая Богородица! слышится изъ ихъ круга. «Хуже ада кромѣшнаго!» прибавляетъ одинъ изъ нихъ, и въ эти минуты, далеко отъ нихъ главная цѣль ихъ пріѣзда, то-есть надежда на барышъ и выгодный сбытъ своихъ товаровъ.

По улицамъ безпрестанно проносятся носилки, — начальство проходитъ озабоченными спѣшными шагами, адъютанты суетятся, запоздавшіе офицеры бѣгутъ къ своимъ частямъ, вездѣ скачутъ ординарцы и адъютанты.

По площади и предъ казармой суета; и суета непонятная непривычному глазу. Тамъ скачутъ конные офицеры, тамъ передвигаются отряды солдатъ; двигаются повозки и фуры съ водой, турами, снарядами, со всѣми разнообразными предметами, потребными для бастіоновъ.

Трескъ лопающихся бомбъ, грохотъ выстрѣловъ, крики людей, все сливается въ одинъ непрерывный гулъ, котораго описать невоз-

можно словомъ человѣческимъ. Суматоха передъ глазами, дымъ и огонь въ отдаленіи, огни бомбъ на небѣ, невыносимый звонъ въ ушахъ—тягостное ожиданіе на сердцѣ!

— Дивизіонъ 2-й легкой на 4-й бастіонъ, на правый флангъ! во весь голосъ, съ усиліемъ, закричалъ нашему батарейному командиру прискакавшій ординарецъ отъ начальника артиллеріи. Подполковникъ, давно уже стоявшій на своемъ мѣстѣ, тотчасъ же распорядился.

— Отправитесь вы и вы, угрюмо сказалъ онъ, обратясь ко мнѣ и къ поручику нашей батареи.

— 2-й дивизіонъ! запрягай!.. скомандовалъ поручикъ.

— Осмотрѣть заряды! зажечь фитили, — прибавили мы оба, подходя къ орудіямъ.

Въ это время шлепнулось, у самыхъ нашихъ ногъ, ядро брошенное съ Сапунь-горы, съ элеваціоннаго станка. Эти ядра * привыкли мы отличать, по ихъ равномѣрному, какъ-то стонущему полету. Грязь и мелкіе камешки закидали насъ будто изъ-подъ копытъ скачущей тройки.

Въ пять минутъ орудія были уже на передкахъ, съ выстроившейся по сторонамъ прислугою.

* Подобное ядро прозвали жеребцомъ.

— Съ Богомъ! сказалъ батарейный командиръ, пожимая руки мнѣ и поручику. Я къ вамъ ужо пріѣду! добавилъ онъ, будто жалѣя отпускать насъ безъ себя. «До свиданья» прибавилъ онъ, ласково махнувъ рукою.

Дождь все не переставалъ, онъ билъ насъ справа и слѣва, лился къ намъ на голову, какъ изъ ведра. Въ самое короткое время всѣ мы были промочены до послѣдней нитки, до костей, какъ говорится.

Нашъ дивизіонъ ѣхалъ молча. *За грохотомъ* выстрѣловъ почти не было слышно какъ катились по камнямъ наши орудія. Туманъ, стоявшій на сушѣ и на морѣ, еще болѣе сгустился. Дождь, туманъ и пороховой дымъ задернули горизонтъ какъ занавѣсью. Только по приближеніи къ морю, можно было, по чернотѣ угадать дымъ военныхъ пароходовъ, застилавшій пространство надъ сильно разбурлившимся моремъ.

Мы знали, что громадный союзный флотъ строился противъ севастопольской бухты, болѣе ничего на счетъ флота мы не знали, — а видѣть его было нельзя. Казалось мнѣ, что вотъ, сію минуту, эта траурная занавѣсь прорѣжется безчисленными огнями, что изъ-за нея сейчасъ полетитъ множество огромнѣйшихъ бомбъ

и ядеръ. Флотъ однакожс, за сильнымъ волненіемъ, все время оставался въ бездѣйствіи, не покидая своего боеваго расположенія во всѣ дни бомбардированія.

Едва успѣли мы повернуть за уголъ Морской улицы, какъ прилетѣвшая съ Херсонеса ракета, шумя, точно пароходъ, проѣхавшійся по воздуху, пронизала выносъ восьмаго орудія, высоко вскинувъ растерзаннаго ѣздоваго и страшно исковеркавъ лошадей, отъ которыхъ осталась лишь одна, смѣшанная съ грязью, безобразная кровяная масса.

Истинно непонятно, какъ добрались мы до четвертаго бастіона, какъ не были мы совершенно уничтожены на половинѣ дороги тучами чугуна и свинца, летящаго по всѣмъ направленіямъ.

Надъ нами, у ногъ, позади, спереди, направо и налѣво взвизгивали ядра, лопались бомбы, широко раскидывая осколки; шумя и фыркая, пролетали огромныя конгревовы ракеты. Какъ заколдованные, прошли мы чрезъ нѣсколько опаснѣйшихъ мѣстъ, не испытавши особенно значительной потери. Ни какая фантастическая сказка не можетъ дать понятія объ ужасѣ описаннаго мной переѣзда, во мракѣ, въ дыму и оглушающемъ шумѣ.

Даже лошади, вполнѣ понимая всю близость опасности, фыркали и жались другъ къ дружкѣ, притупляя уши и по времснамъ вздрагивая всѣмъ тѣломъ.

Артиллеристы иногда шутили, перебрасывались другъ съ другомъ своими обычными замѣтками, но въ шутливости ихъ , если позволено будетъ такъ выразиться, видна была своего рода рутина. Солдатикъ всегда не прочь поговорить, отпустить шуточку, сто разъ повторенную и всѣмъ извѣстную — засмѣяться при такой шуткѣ всякій слушатель считаетъ своимъ долгомъ. Такъ и теперь люди наши порой смѣялись, но смѣялись какъ-то машинально , по давно принятой привычкѣ. Впрочемъ, давно извѣстно, что разговоръ , какой бы онъ ни былъ, всегда отвлекаетъ умъ отъ тяжелыхъ помысловъ.

Наконецъ мы добрались до цѣли. Я почти не узналъ моей знакомой батареи. Грустная перемѣна съ нею предолжалась теперь въ моихъ глазахъ.

На площадку ея, гдѣ было столько народу, вещей, снарядовъ и всякихъ военныхъ предматовъ, безпрестанно падали бомбы и ядра, порой зацѣплявшія то человѣка, то какос-нибудь орудіе. Другіе непріятельскіе снаряды, били въ

брустверъ, врывались въ амбразуры, визжа, свистя и шипя, пронизывая укрѣпленіе по разнымъ направленіямъ.

Валъ, отъ врѣзывавшихся въ него ядеръ, отъ зарывавшихся въ него гранатъ и бомбъ, страшно разворачивающихъ землю, осыпался безобразной грудой земли и камней, дробимыхъ порой на мелкіе кусочки. Орудія — машины, изъ которыхъ установка каждаго занимала почти суточное время спѣшной работы, однимъ ударомъ, въ одно мгновеніе, приводились въ негодность. Щеки амбразуръ часто загорались, и тогда кто-нибудь изъ солдатъ и матросовъ, — иногда и офицеръ, перекрестившись, тотчасъ же бралъ мокрую швабру и влѣзалъ въ амбразуру, истинно засыпаемую снарядами. Не одинъ изъ подобныхъ смѣльчаковъ жизнью платилъ за мужественное дѣло, но на мѣсто убитаго всегда находился новый охотникъ. Люди, съ готовностью цѣлыми партіями кидались въ ту сторону, гдѣ отъ непріятельскаго огня повреждалось орудіе. Подъ пулями и ядрами шла безпрерывная работа. Запасныя орудія были подготовлены заранѣе, а потому подбиваемыя перемѣнялись съ возможной скоростью.

Здѣсь не *задумывались* о смерти, да и некогда было,—гораздо умнѣе и короче казалось

всѣмъ; глядѣть ей прямо въ глаза, во всемъ остальномъ положась на волю Божію.

При мнѣ, за короткое время, на батареѣ произошло множество случаевъ геройскаго безстрастія,—никѣмъ не разсказанныхъ по причинѣ изобилія въ самомъ геройствѣ. Одно ядро взвизгнуло неподалеку отъ меня, пролетѣвши чрезъ самую средину одной амбразуры; здоровый, красивый матросъ, наводившій орудіе, съ улыбкою что-то причитывавшій къ будущему своему выстрѣлу, незамѣтно осѣлъ, съежился, согнулся—и медленно рухнулся наземь; ядро снесло ему верхъ головы. Рядомъ стоявшій товарищъ, быстро сорвавши съ себя шапку, поспѣшилъ нахлобучить ее на убитаго; и молча, покойно замѣнилъ его мѣсто. Стоя на опаснѣйшемъ посту, на мѣстѣ, забрызганномъ кровью своего предшественника, онъ хладнокровно наводилъ орудіе, держась правой рукой за подъемный винтъ и командуя прочей прислугѣ: влѣво, немного вправо, чуточку еще влѣво и т. п. Ни минуты не было потеряно, и отвѣтный выстрѣлъ загремѣлъ своимъ чередомъ.

Далѣе, вправо, семи-пудовая бомба упала на пороховой погребъ, развороти́ла насыпь; другія бомбы дождемъ посыпались по тому же

направленію , но кучка рабочихъ , вмигъ подскочившая за матросомъ, надсмотрщикомъ погреба , засыпала воронку , не торопясь и не смущаясь.

Время шло очень скоро, да оно и не могло идти медленно. Въ полдень пришелъ къ намъ нашъ батарейный командиръ. Прежняя утренняя угрюмость его сгладилась ; но все-таки онъ смотрѣлъ суровѣе обыкновеннаго. Мы съ поручикомъ быстро вышли къ нему на встрѣчу: въ подобныя минуты такъ радостно видѣть любимаго начальника! «Что, какъ у васъ?» обратился подполковникъ къ поручику и ко мнѣ. «Пока ничего, одно колесо разбито; трое людей ранено, одного на повалъ убило.» — Вашему дивизіону счастье, замѣтилъ кто-то изъ пѣхотныхъ офицеровъ. Батарейный командиръ покрутилъ свой правый усъ , что означало у него тяжелое раздумье; и попрощавшись съ нами, пошелъ далѣе.

Черезъ часъ послѣ нашего свиданія, дошелъ до насъ слухъ о томъ , что нашъ командиръ, тяжело раненъ. Сперва мы не повѣрили слуху, но онъ въ скорости подтвердился.

При возвращеніи съ бастіона, почти у самой квартиры, осколокъ высоко разорвавшейся бом-

бы перебилъ ему руку и контузилъ въ животъ.

Горести, поразившей меня при этомъ извѣстіи, я описывать не въ силахъ. Всякій солдатъ нашей батареи горячо любилъ подполковника, имя его сто разъ повторялось при разсказѣ о блистательнѣйшихъ подвигахъ,

Онъ былъ честенъ и прямъ по сердцу, наружная суровость не вредила въ немъ ни начальнику, ни товарищу.

Переговоривши съ моимъ поручикомъ, кинулся я навѣстить раненаго. «Нѣтъ надежды», сказалъ мнѣ встрѣтившійся медикъ, «кишки парализованы при контузіи!»

ТЕТРАДЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Конецъ бомбардированія.—Похороны нашего батарейнаго командира. — Сороконожка. — Боевой салютъ. — Главный характеръ непріятельскихъ дѣйствій въ апрѣлѣ — Посѣщеніе минныхъ галлерей.—Весна въ Севастополѣ.—Бульваръ и непріятельскія ракеты.—Исторія основанія Севастополя—Сборъ пуль.—Перевязочный пунктъ Благороднаго Собранія.—Новый батарейный командиръ.—Мой знакомый П*.

Восемь дней продолжалась самая усплсшая канонада и бомбардированіе, вѣрно названное—адскимъ. Въ особенности 30-го марта огонь непріятеля былъ сплсчъ. Иногда до 30000 снарядовъ бросалъ непріятель въ сутки. Отъ 7000 до 8400 пудовъ пороху издерживалось съ объихъ сторонъ ежедневно, не включая сюда ружейныхъ зарядовъ, которыхъ мы выпускали въ сутки до 1650000; непріятель же, вѣроятно, гораздо болѣе.

Съ 5-го апрѣля огонь непріятеля сталъ видимо стихать и къ 9-му постепенно перешелъ въ обыкновенный.

Предпринимая подобное бомбардированіе — «страшный судъ въ большомъ видѣ« (en grand)— по выраженію непріятелей, они, конечно, разсчитывали на рѣшительныя мѣры. Дѣйствуя своими орудіями, какъ демонтиръ-батареями, союзники намѣревались сбить нашу артиллерію— и броситься наконецъ на штурмъ.

Это бомбардированіе — бойня, въ полномъ смыслѣ слова,—не принесло непріятелю никакихъ особенныхъ результатовъ; но ясно выказало, чего можетъ ожидать Севастополь отъ своихъ враговъ, владѣющихъ средствами всѣхъ портовъ Англіи, Франціи и Турціи.

Яснѣе также поняли теперь союзники геройскій духъ защитниковъ Севастополя, и, съ тѣмъ всю трудность осуществленія дальнѣйшихъ своихъ замысловъ.

Въ отдѣльныхъ эпизодахъ я, передъ этимъ, сдѣлалъ посильное описаніе бомбардированія.

Въ добавокъ, ко всѣмъ ужасамъ его, представьте себѣ, что цѣлыя сраженія давались за это время у твердынь Севастополя, гдѣ цѣлыя толпы бились на смерть, оспаривая каждый шагъ дорогаго клочка земли, гдѣ сходились они, лицомъ къ лицу, грудь съ грудью, на штыки и сабли; и смерть отъ холоднаго

оружія присоединялась къ ревущей и рѣющей смерти отъ свинца и чугуна.

Непріятель дѣйствовалъ большею частью разрывными снарядами, даже прицѣльно. Частый вертикальный огонь, поддержанный ровнымъ, какъ дробь, огнемъ пушекъ, былъ чрезвычайно губителенъ какъ для гарнизона, такъ и для земляныхъ укрѣпленій Севастополя. Впрочемъ къ утру, за ночь, всѣ поврежденія предъидущаго дня постоянно исправлялись. — Иногда порядочной кучкѣ рабочихъ приходилось сколяться въ какой нибудь сильно поврежденной амбразурѣ, и вдругъ, эту почти сплошную массу живаго тѣла пронизывала граната или ядро, кровавымъ слѣдомъ запечатлѣвая свой губительный полётъ.

Большаго труда стоила установка орудій, въ особенности тяжелыхъ калибровъ. Сначала нужно было устанавливать подъёмную машину, и осторожно, съ осмотрительностью, подымать и накладывать на лафетъ, чугунную махину; въ подмогу прислугѣ, созывалась иногда большая часть прикрытія батареи; и все-таки случалось, что работа продолжалась съ ранняго вечера, какъ только смеркалось, вплоть до утра.

Въ это время бомбардированія, большее вниманіе непріятеля обращено было на четвертый

бастіонъ—постоянную мѣту Канробера,—и на наши контръ-апрошные верки: редуты Селенгинскій, Волынскій * и, въ особенности, *Камчатскій* люнетъ, какъ сильно выдавшійся къ врагу.

Помнится, за нѣсколько времени до этого бомбардированія, было объявлено въ одной англійской газетѣ, что снарядами, назначаемыми для него, можно бы выкласть всю площадь земли, которую занимаетъ Севастополь; что готовящееся бомбардированіе *сбреетъ* Севастополь. Словомъ, Англичане выпустили *утку*; но многіе, кажется, повѣрили ей.

Въ послѣдствіи, въ оправданіе своей неудачи, союзники всю вину сложили на дурную погоду и дождь, разъигравшій въ этомъ случаѣ, нѣкоторымъ образомъ, роль мороза 12-го года.

Слободки Артиллерійская и Корабельная, какъ самыя приближенныя къ бастіонамъ, сильно пострадали; развалины ихъ, съ торчавшими голыми трубами, съ садиками и дворами, на которыхъ ни души не было видно, представляли въ лунную ночь что-то фантастическое.

Ураганъ разрушенія проникъ и до половины

* Редуты Селенгинскій и Волынскій назывались у Французовъ: ouvrages Blancs.

Екатерининской улицы. Вообще остальная часть города, къ сѣверу, пострадала менѣе. Какъ бы то ни было, прежняя торговая и обыденная дѣятельность не умепьшились; на улицахъ еще можно было встрѣтить порядочныхъ дамъ и дѣтей; что же касается до шляпокъ средней руки и скромныхъ платковъ, то они видѣлись въ изобиліи.

Многихъ изъ своихъ храбрыхъ героевъ-защитниковъ лишился Севастополь въ это бомбардированіе; многимъ отвели вѣчное, покойное помѣщеніе въ одномъ изъ быстро-разросшихся кварталовъ сѣверной стороны.

Докторъ былъ правъ: мы должны были лишиться нашего добраго батерейнаго командира и скоро отдали послѣднюю, прощальную почесть Николаю Ивановичу Розенталю.

Послѣдній день онъ былъ въ забытьи;—лишь за нѣсколько мивутъ до смерти пришелъ въ себя и спокойнымъ голосомъ проговорилъ: «позвать господъ.» Исповѣдался онъ и пріобщился Св. Тайнъ еще накануиѣ.

Какъ ни торопились мы на зовъ, предчувствуя, что то былъ послѣдній призывъ командира, однакоже уже не застали его въ живыхъ— передъ нами лежалъ холодѣющій трупъ.

Мы всѣ очередовались у постели больнаго;

но на этотъ разъ случилось обѣденное время и при подполковникѣ не было даже очереднаго.

Мы всегда любили и уважали Николая Ивановича; но въ минуту смерти, на рубежѣ вѣчной разлуки, чувства эти проснулись сильнѣе... Мысль, что у него есть жена, малютка дочь, что одна теперь вдовица, другая сирота, что онѣ, какъ всѣ люди, живутъ надеждой—снова увидать его.... мысль эта погружала насъ еще въ большое уныніе и намъ оставалось утѣшаться лишь тѣмъ, что командиръ нашъ умеръ честно и храбро.

Непріятель, не довольствуясь бомбардированіемъ съ сухаго пути и между тѣмъ, боясь ввести въ дѣло флотъ (будучи разъ уже проученъ, въ бомбардированіе 5-го октября), придумалъ средство, не много, впрочемъ, приносящее ему чести. Обыкновенно, въ глухую, темную ночь, держась отъ нашихъ береговыхъ батарей не ближе, какъ на 1000 саженей, непріятельскій парахо́дъ-фрегатъ, какъ тать, торопливо давалъ по залпу съ обѣихъ бортовъ и тотчасъ же улепетывалъ назадъ, внѣ нашихъ выстрѣловъ. При этихъ условіяхъ, конечно, не могло быть вѣрности въ стрѣльбѣ и снаряды его большею частью падали въ бухту.

Наши цѣлили по огню, и наконецъ выстрѣ-

лы съ Константиновской батареи задѣли его. Говорятъ также, что въ торопяхъ, непріятельскій фрегатъ цѣлымъ залпомъ угостилъ, вмѣсто нашего 10-го №, свою Херсонесскую батарею.

Ночной боязливый набѣгъ этого парохода-фрегата — *сорокапошки* какъ прозвали его, приносилъ болѣе стыда врагу, нежели дѣлалъ вреда намъ.

Съ бульвара былъ прекрасный видъ, когда въ темную-темную почь, фрегатъ разомъ пускалъ нѣсколько бомбъ. Гудящая, мрачная, бездонная даль надъ моремъ, прорѣзывалась вдругъ широкой, огнистой полосой, выбрасывавшей изъ себя нѣсколько огненныхъ шаровъ, свѣтлымъ букетомъ, быстро направлявшихся къ городу, и доносился наконецъ по водѣ глухой, перекатный грохотъ залпа цѣлымъ бортомъ.

17-го, въ день рожденія Государя Императора, Севастополь прогремѣлъ многолѣтіе Его Величеству и всему царственному дому по своему: 101 *боевымъ* салютаціоннымъ выстрѣломъ.

Красивый видъ представлялъ въ этотъ день нашъ черноморскій флотъ, разукрасившійся безчисленными флагами и вымпелами.

По показаніямъ плѣнныхъ и перебѣжчиковъ, у союзниковъ, между главнокомандующими: Канробером и лордомъ Раглаиомъ, произошелъ разладъ. Слѣдствіемъ этого было то, что первый сложилъ съ себя начальствованіе. Преемникомъ его назначенъ былъ маршалъ Пелисье, совершенно противоположный своимъ крутымъ, энергическимъ характеромъ—Канроберу, методическому и осторожному. И дѣйствительно, Пелисье выказался съ первыхъ же шаговъ.

Непріятель теперь видимо сталъ дѣйствовать предпріимчивѣе и рѣшительнѣе. Съ его стороны часто стали производиться мѣстныя канонады и бомбардированія. Упорнѣе началъ онъ вести свои подступы, и рѣшился на крайнія мѣры сопротивленія, по выводу нами новыхъ контръапрошей.

Я давно уже собирался побывать въ нашихъ минныхъ галлереяхъ, чтобы вблизи посмотрѣть нашу борьбу съ непріятелемъ подъ землею, борьбу столь славную для насъ, въ которой мы постоянно имѣли рѣшительный перевѣсъ надъ врагомъ. Лучшее тому доказательство то, что непріятель ни въ *одномъ* мѣстѣ не подкопался подъ наши бастіоны, ни одной батареи не подорвалъ у насъ, всюду останавливаемый, всюду предупреждаемый нами. Пелисье до того

былъ взбѣшенъ подобными неудачами своихъ минеровъ, что въ случаѣ новаго неуспѣха грозилъ разстрѣлять капитана, завѣдывавшаго минными работами противъ 4-го бастіона. Капитанъ этотъ передался къ намъ.

Улучивъ время, я нарочно пошелъ на Шварца редутъ, гдѣ саперный офицеръ былъ мнѣ знакомый. Съ нимъ я отправился въ севастопольское подземное царство. Прямо съ редута спустились мы, приблизительно по восемнадцати ступенькамъ, въ потерну, тянувшуюся на протяженіи семнадцати саженей, до самаго эскарпа, въ который она и выходила. Насупротивъ, въ контръ-эскарпѣ, начиналась галлерея не такъ уже просторная, фута въ $4^1/_2$ высоты; тутъ съ трудомъ могли идти два человѣка рядомъ.

Дневной свѣтъ мерцалъ слабѣе, мы погружались все болѣе и болѣе во мглу, насъ обдало могильною сыростью... Съ непривычки, я едва могъ различать предметы, не смотря на то, что здѣсь горѣли, не въ дальнемъ другъ отъ друга разстояніи, стеариновыя свѣчи, вставленныя въ особаго рода шандалы, воткнутые въ земляную стѣну. Подаваясь впередъ, надо было идти уже пригнувшись, потому что галлерея, углубляясь впередъ, постепенно понижалась, и наконецъ достигла только трехъ футовъ высо-

ты. Отъ дневнаго свѣта насъ отдѣлялъ пластъ земли въ восемнадцать футовъ.

Я почувствовалъ нѣкоторое головокруженіе. Гробовая тѣснота, мракъ и сырость непонятной тяжестью давили грудь, возбуждая какую-то тревожную тоску. Чтобы пройти въ нижнюю галлерею, намъ нужно было опуститься еще на тридцать девять футовъ. Сорокъ ступенекъ вели туда. Пластъ известковаго камня шелъ до самой вершины галлереи, откуда начинался уже пластъ желтой глины.

Даже привычнымъ людямъ трудно было дышать. Вентиляторы безпрерывно очищали воздухъ, который сильно портился отъ человѣческаго дыханія и горѣнія свѣчей. Время отъ времени вспрыскивали известковымъ молокомъ или окуривали хлоромъ. Свѣчи не могли здѣсь иначе горѣть, какъ наклонно. Во многихъ мѣстахъ просачивалась подъ ногами вода.

Я не могъ въ этомъ мѣстѣ оставаться долго, и поспѣшилъ подняться въ первую галлерею; тамъ все-таки было не такъ тяжело. Мнѣ непремѣнно хотѣлось добраться до головы работъ; а потому и вышелъ я въ ровъ, немного подышать свѣжимъ воздухомъ. Чрезъ нѣсколько минутъ я опять отправился въ подземное путешествіе, пробираясь, подъ конецъ, на четве-

ренькахъ. Я попалъ, какъ разъ, на интересную минуту: слышно было, какъ работалъ непріятель.

Наши прошли галлереей на 25 саженей.

Непріятель слышался съ лѣвой стороны. Я приложился ухомъ къ одной изъ пробуравленныхъ въ лѣвой стѣнѣ слуховыхъ дыръ, и едва-едва различилъ отдаленный, довольно слабый глухой гулъ. Саперы же отличали въ немъ даже стукъ инструментовъ и находили, что непріятель долженъ быть въ 7—8 саженяхъ, не далѣе.

Новость положенія, неопредѣленный свѣтъ, спертый воздухъ, все это сильно дѣйствовало на воображеніе: порой казалось мнѣ, что я уже не выйду изъ этого земляпаго гроба.... Признаюсь, въ первыя мгновенія, при вѣсти о заслышанныхъ работахъ непріятеля, мнѣ стало жутко. «Нѣтъ, думалъ я: лучше получить двадцать пуль на бастіонѣ, чѣмъ быть погребеннымъ за живо здѣсь подъ землей.»

Мысль эта промелькнула мгновенно, осмотрѣвшись и одумавшись, я ободрился и скоро былъ увлеченъ любопытствомъ.

При мнѣ велѣно было пріостановить нашп работы и выжидать дальнѣйшихъ дѣйствій врага, чтобъ дать ему потомъ камуфлетъ.

Передъ непріятелемъ мы имѣли теперь важное преимущество—самое главное въ подземной войнѣ: мы были ниже его.

Необыкновенно пріятное ощущеніе испытываешь, оставляя эти тѣсныя, могильныя подземелья; когда, добравшись до выхода, вдохнешь свѣжую струю неиспорченнаго воздуха, когда глазъ, который не могъ примириться съ неопредѣленнымъ полу-мерцаніемъ и между тѣмъ уже успѣлъ отвыкнуть нѣсколько отъ нормальнаго свѣта, снова увидитъ этотъ мягкій, ласкающій свѣтъ дня, — о, какая тяжесть спадетъ съ сердца, съ какимъ восторгомъ глубоко потянешь этотъ воздухъ грудью, съ какою жадностью начнешь всматриваться во всѣ окружающіе предметы!

Комната офицера находилась въ потернѣ. Это просто была ниша, почти въ сажень высоты, шаговъ семь въ длину и немного менѣе въ ширину, вся обшитая досками.

Надъ чисто поставленной складной желѣзной кроватью, развѣшенъ былъ по стѣнѣ прекрасный коверъ. У складнаго столика стояло довольно изящное вольтеровское кресло, которое какъ-то странно смотритъ при такой обстановкѣ и въ такомъ исключительномъ мѣстѣ. У изголовья висѣла этажерка, полная книгъ,

На небольшомъ выступѣ, въ углу, помѣщалось все хозяйство: маленькій складной самоваръ, нѣсколько стакановъ и шкатулка съ часмъ и сахаромъ. Двѣ стеариновыя свѣчи, горѣвшія постоянно, и днемъ, и ночью, довольно удовлетворительно освѣщали эту подземную квартиру. Хозяинъ ея, саперный офицеръ — мой спутникъ, угостилъ меня рюмкой отличнаго вина, не лишняго для меня теперь, послѣ непривычнаго вдыханія испорченнаго, подземельнаго воздуха.

Черезъ нѣсколько дней приходился день именинъ этого офицера и я получилъ приглашеніе на пирогъ, который хозяинъ хотѣлъ раздѣлить съ гостями и запить шампанскимъ непремѣнно въ своемъ подземельѣ.

Съ 27-го по 30-е апрѣля, безпрерывно шелъ дождь, истинно благотворный. Южная весна принарядила своимъ убранствомъ даже Севастополь, кой-гдѣ зазеленѣвшій и разцвѣтшій. Екатерининская улица стала чѣмъ-то въ родѣ натуральнаго бульвара. Кромѣ деревьевъ, насажденныхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, по сторонамъ тротуара,—на нее выходили небольшіе садики, обнесенные палисадниками. Портики и колонны, балконы и навѣсы обвивались зеленью ползучихъ лозъ винограда и плюща. Персико-

выя и абрпкосовыя деревья, вшоградъ и роскошные южные цвѣты — все зазеленѣло, разцвѣло и заблагоухало.

Подъ четвертымъ бастіономъ, у конца Екатерининской улицы, по лѣвой ея сторонѣ, возлѣ полуразрушеннаго двухъ-этажнаго каменнаго домика, раскидывался по небольшому склону, порядочный садикъ; проходя мимо, нельзя было не замѣтить его. Не смотря на настоящее запустѣніе и разрушеніе, все въ немъ было такъ хорошо и уютно; такъ увлекательно манила сирень и пахучая акація, подъ свою роскошную, свѣжую, благоуханную сѣнь.

И странно было здѣсь, предъ обновляющеюся, полной жизнью, природою испытывать страхъ смерти, ежеминутно напоминающей о себѣ, благодаря близкому сосѣдству бастіона.

Съ весною, невольно повѣяло на Севастополь живительной отрадой, стало привольнѣй и веселѣе. Самый рокотъ выстрѣловъ, казалось, отдавался теперь не такъ угрюмо.

Подъ такимъ чуднымъ, голубымъ небомъ, предъ улыбающейся природой, весь ужасъ возможности близкой смерти казался подъ часъ совершенной химерою. Но такая мысль не надолго овладѣвала человѣкомъ: безпрерывно свѣ-

жую, молодую зелень, орошала свѣжая, теплая кровь.....

Съ началомъ хорошихъ, ясныхъ дней, устроились постоянныя гулянья на бульварѣ, который примыкаетъ къ памятнику Козарскаго. Теперь имѣлся лишь одинъ этотъ бульваръ.

Въ мирное же время былъ другой, находившійся почти на мѣстѣ теперешняго 4-го бастіона и называвшійся: «большимъ», въ различіе отъ настоящаго, который носилъ названіе «маленькаго» или «мичманскаго».

Музыка играла у павильона и толпы гуляющихъ сновали до поздняго вечера, съ конца въ конецъ, отъ памятника до подъема къ библіотекѣ.

Въ особенности пріятно было гулять здѣсь, когда идущія по склону аллеи бѣлыхъ, душистыхъ акацій распустились и наполнили воздухъ благоуханіемъ, показавшимся самымъ нѣжнымъ и освѣжительнымъ для нашего обонянія, привыкшаго лишь къ запаху пороховаго дыма.

Случайная, залетная птичка, чилпкала также порой, пугливо перепархивая, когда вдругъ усиливался гулъ и рокотанье выстрѣловъ.

Всѣ эти проблески—обстановка жизни мирной, не насплованной у природы, дѣтски радовали сердце, исполняя его тихой радости.

Гуланье постоянно было оживленное.

Разнородный людъ спѣшилъ придти на бульваръ — послушать музыку. Конечно, военныхъ сравнительно было гораздо болѣе. Здѣсь перемѣшивались всѣ чины. Можно, однако же, сказать, что по верхней площадкѣ, гдѣ играла музыка, вообще собиралось отборное общество.

Если же и забирались сюда писаря, или какой-нибудь солдатикъ да матросъ (юнкеровъ конечно, причисляю я къ офицерскому обществу), то это были уже люди, или *съ глубокимъ сознаніемъ собственнаго достоинства*, опрятно одѣтые, непремѣнно съ перехватцемъ въ таліи, и съ особенно *цивилизованнымъ* видомъ; или такіе, которые находились подъ особенно пріятнымъ настроеніемъ духа. Настроеніе это выражалось подъ видомъ какой-то развязности, что мнѣ, молъ, море по колѣни, что мы, молъ, свое дѣло знаемъ.... Такъ, напримѣръ, если случалось, что трезвый товарищъ предупреждалъ, посредствомъ энергическаго подталкиванія подъ бокъ, подгулявшаго пріятеля о приближеніи офицера, то подгулявшій выражалъ подобнаго рода разсужденія: «ну чтожъ, что офицеръ? офицеръ, такъ офицеръ и есть!—знаемъ, что офицеръ! его благородіе! да.... и фуражку слѣдуетъ снять,

и фрунтъ, значитъ, какъ слѣдуетъ, отдадимъ». За тѣмъ, становясь во фронтъ предъ мимо идущимъ офицеромъ, или снимая фуражку, гуляка, неизвѣстно къ чему, прибавитъ: «виноватъ, ваше благородіе!»

Большая часть черной публики разсыпалась по нижнимъ аллеямъ и между отдѣльными кустами акацій и спреи, разбросанныхъ тамъ и сямъ, по скату бульварнаго возвышенія. Оттуда слышался веселый смѣхъ и энергическія, но нѣжные возгласы, сопровождаемые визгомъ и писком̀ъ.

Нѣсколько дамъ, большею частью изъ семействъ морскихъ офицеровъ, приходили также на бульваръ, послушать музыку и подышать свѣжимъ морскимъ воздухомъ. И дамъ этихъ, помимо удивленія и уваженія къ нимъ за ихъ рѣшимость не разлучаться съ родными имъ людьми, до послѣдней возможности,—должны благодарить всѣ севастопольцы. Присутствіе женщины вездѣ и всегда вноситъ въ общество что-то милое и отрадное; въ Севастополѣ же въ особенности пріятно было видѣть женское личико. Какъ-то легче становилось на душѣ, и невольно скрадывался весь ужасъ окружающаго.

Всѣхъ цвѣтовъ камеліями, или повѣс—тра-

віатами, Севастополь, можно сказать, цвѣлъ въ достаточномъ количествѣ.

Простой рабочій классъ женщинъ доставлялъ Севастополю серьозную выгоду. При трудной службѣ осажденнаго города, помощь ихъ сказывалась видиѣе.

По-крайней-мѣрѣ можно было имѣть всегда чистое бѣлье—вещь не маловажная, необходимая, какъ свѣжій воздухъ. Даже начальство, видя всю пользу, должно было сквозь пальцы смотрѣть на присутствіе нѣкотораго числа рабочихъ женщинъ. Многіе солдатики, какъ говорится, были «словно у Бога за печкой», пообзаведясь *кумушкой*, которая его и кормила, и поила, и обмывала.

Какъ бы то ни было, женщинамъ необходилась даромъ ихъ рѣшимость не покидать осажденныхъ: въ Севастополѣ можно было видѣть порой женщину безъ руки или на костылѣ; равно какъ и дѣтей. Одна прехорошенькая дѣвица была ранена осколкомъ въ ногу, выше колѣна, и умерла, ни за что не согласившись на ампутацію.

Вскорѣ непріятель получилъ новый запасъ ракетъ и сталъ угощать ими городъ, поставя на военную ногу и мирныя части его. Но гулянья отъ этого не прекращались. Ракеты пу-

скались большею частью передъ вечеромъ, съ Сапунъ-горы и Херсонеса. Нужно отдать справедливость непріятелю, ракеты его были весьма хороши и летѣли на пять верстъ разстоянія.

Сила этого снаряда удивительная; нѣкоторыя ракеты, бросаемыя съ Сапунъ-горы, прилетая къ бульвару, врывались въ землю почти на два аршина. Я захотѣлъ имѣть экземпляръ ихъ и долженъ былъ порядочно заплатить за отрываніе. Отрытая ракета была съ зажигательнымъ составомъ, заключавшемся въ особомъ цилиндро-коническомъ колпакѣ, сдѣланномъ изъ такаго же листоваго желѣза, какъ и ракетная гильза, привинченномъ спереди ея. Деревянный хвостъ, съ внутренней пустотой по оси его и наружными ложбинками или долами во всю длину его, также привинчивался.

Какъ сильно дѣйствіе этихъ ракетъ, видно изъ того, что одна ракета, съ Херсонеса, упавшая возлѣ самой Николаевской казармы, убила артиллериста, отбросивъ ногу его на крышу казармы!

Гуляя по бульвару, я часто любовался удивительнымъ видомъ, открывающимся отсюда. Однимъ взглядомъ можно было окинуть и Сапунъ-гору, бѣлѣющуюся своею обрывистою, извесковою вершиною, охваченною сильными

непріятельскими батареями, между которыми грозно выказывался редутъ Викторіи; и линіи правофланговыхъ непріятельскихъ траншей, обозначавшіяся взрытою землею и безпрестанно выкатывавшимися оттуда небольшими, бѣлыми клубами дыма, отъ штуцерной перестрѣлки; и нашъ Малаховъ курганъ — третій бастіонъ, почти вся наша оборонительная линія. А далѣе, на долго приковывало взоръ Черное море, съ рядами вражескихъ кораблей, повеселѣвшее съ приближеніемъ весны, отогрѣвающееся подъ голубымъ, свѣтлымъ небомъ, на южномъ солнцѣ. Невольно въ это время переносилась мысль къ первобытному Севастополю. По происхожденію своему, Севастополь чисто русскій городъ.

Еще въ послѣдніе годы ханскаго владычества, матросы приписныхъ къ здѣшней бухтѣ, позднимъ временемъ, русскихъ кораблей, получа позволеніе остаться на зимовку, основали здѣсь нѣсколько землянокъ. Въ послѣдствіи разрослась здѣсь небольшая деревенька. Мѣстность ея, состоящая изъ бѣлыхъ известковыхъ холмовъ, вѣроятно была поводомъ къ наименованію деревеньки татарами: *ахтіаромъ* (акъяромъ), что значитъ: *бѣлый утесъ*.

По присоединеніи Крыма къ Россіи, ахтіарскій портъ найденъ былъ превосходнымъ и,

седьмаго мая 1783 года, эскадра вице-адмирала Клокачева первая введена была въ него для зимовки, и была сдана контръ-адмиралу Мекензи, который и положилъ основаніе Севастополю.

Нынѣшняя Маккензіева гора, получившая въ настоящее время такую большую извѣстность въ слѣдствіе своего стратегическаго положенія, подарена была Императрицею Екатериною II, въ числѣ прочихъ владѣній, адмиралу Мекензи, по имени котораго и была тогда прозвана. Густой лѣсъ покрывалъ ее; но теперь въ продолженіе осады, вырубался онъ по необходимости.

Знаменательное имя: «Севастополь», дано было городу, какъ говорятъ, самою Екатериною II. Оно составлено изъ двухъ словъ: сево или *севазаман* — почитаю и *полисъ* — городъ, то-есть почитаемый городъ, или, иначе, знаменитый городъ. Теперь, думалъ я, конечно, каждый признаетъ за нимъ это пророческое наименованіе.

Въ настоящее время говорятъ даже, что это новая Троя.

Не могу не вспомнить при этомъ шутливаго замѣчанія, высказаннаго разъ кѣмъ-то изъ сева-

стопольцевъ, при сравненіи Севастополя съ Троей. «Это сказалъ онъ, «*Троя—втрое.*»

Съ оживившейся природой неминуемо оживилась и осада. Вліяніе этого отразилось и на нашей батареи; всѣ офицеры, кромѣ обыкновенныхъ своихъ служебныхъ занятій, получили новыя назначенія.

Между прочимъ, мы по очереди ходили въ адмиралтейство для пріема собираемыхъ непріятельскихъ пуль и выдачи за нихъ денегъ. Эта была прекрасная мѣра со стороны нашего начальства. До 120 пудовъ пуль собиралось въ иной день. За каждый фунтъ положена была плата. Матросы и пѣхотные солдаты толпами приходили съ посильною находкою, и получаемыя ими за нея деньги были для нихъ истинной находкой. Ребятишки также часто приносили свою долю собраннаго свинца, когда-то несшаго съ собою смерть.

Разъ я былъ пораженъ благороднымъ видомъ одного мальчика лѣтъ 12-ти, притащившаго въ мѣшечкѣ четыре фунта собранныхъ пуль.

Я сталъ его распрашивать и узналъ, что онъ сынъ цейхвахтера, убитаго еще во время перваго бомбардированія 5-го октября, ядромъ; что мать очень больна и не встаетъ даже съ постели; а десятилѣтняя сестра сильно ушибле-

на, съ недѣлю тому назадъ, камнемъ, при разрывѣ бомбы, и также лежитъ теперь; наконецъ, что, хотя Государь, какъ онъ выразился, и прислалъ имъ денегъ чрезъ начальниковъ, но денегъ этихъ недостаточно для нихъ, а потому и рѣшился онъ добывать кой-что со сбора пуль.

— Развѣ же вы не боитесь быть убитымъ? спросилъ я его: вѣдь гдѣ большій излетъ пуль, тамъ и собираютъ ихъ.

— Нѣтъ, не боюсь, отвѣтилъ онъ, съ совершенно спокойнымъ, дѣтски простодушнымъ видомъ. Я бы и къ пушкѣ пошелъ; право, не боюсь! прибавилъ онъ.

— Да какъ же пускаетъ васъ матушка?

— Она не знаетъ; я не говорю ей.

Я сказалъ этому мальчику, что онъ, вѣроятно, ошибся; пуль оказалось не четыре фунта, а цѣлыхъ десять, и за прибавленное количество доплатилъ изъ своихъ денегъ.

Наша семья офицеровъ батареи вновѣ понесла потерю: поручикъ М* сильно былъ раненъ штуцерною пулею въ грудь. Мы часто навѣщали его, когда онъ лежалъ на перевязочномъ пунктѣ, въ домѣ Благороднаго Собранія. Потомъ рана его получила хорошій исходъ и его отправили на сѣверную сторону.

Прекрасное помѣщеніе Собранія, на роскошное убранство котораго всегда роптали дамы, такъ какъ оно скрадывало своимъ великолѣпіемъ блескъ ихъ нарядовъ, — наполнено было теперь госпитальною мебелью, — извѣстными зелеными кроватями и столиками. Не блестящая, нарядная толпа, веселившаяся здѣсь когда-то, подъ обаяніемъ звуковъ бальной музыки, но страдальцы-герои наполняли боковыя комнаты и пышную, даже въ теперешнемъ своемъ видѣ, залу, съ бѣло-мраморными стѣнами. Тяжелый госпитальный запахъ обдавалъ входящаго; стоны и крики амутируемыхъ и перевязываемыхъ непріятно поражали слухъ. Присутствіе сестеръ милосердія было здѣсь истиннымъ небеснымъ благодѣяніемъ и видимо сказывалось во всёмъ. Нужно было удивляться твердости духа, съ какимъ эти слабыя, по своей природѣ, существа переносили всѣ ужасы и труды по уходу за ранеными. Это — подвигъ и подвигъ высокій. Сколько чрезъ это сгладилось слёзъ отчаянья, сколько облегчилось страшныхъ минутъ страданья!

Развѣ можно сравнить женскую материнскую заботливость и нѣжную женскую руку съ грубымъ обращеніемъ и ручищей солдата-фельд-

шера или его помощника? Безъ преувеличивания можно сказать, что появленіе сестеръ милосердія—*сестрицъ*, какъ звали ихъ солдаты,—было для Севастополя истиннымъ благодѣяніемъ.

Я самъ былъ свидѣтелемъ того отраднаго вліянія, которое сестры милосердія оказывали на страждущихъ. Одному матросу приходилось дѣлать трудную, важную операцію. Бѣдному предстояли ужасныя мученія. Съ первыми дѣйствіями хирургическаго ножа, на лицѣ раненаго, сильнаго сложенія мужчины, выразилось невыразимое страданіе; сдерживая однако крикъ, невольно вырывающійся изъ тѣла, онъ ломалъ возлѣ стоявшую сестру милосердія. «Сестрица, сказалъ онъ ей,—позвольте мнѣ вашу ручку;—всё будетъ полегче;» и крѣпко сжавши тотчасъ поданную ему руку, онъ терпѣливо перенёсъ всю операцію. Бѣдняга, быть можетъ, воображалъ, что сжимаетъ руку матери, сестры или жены, которыхъ оставилъ давно и далеко....

Невольно морозъ пробѣгалъ по кожѣ, глядя на отрѣзанныя руки и ноги.

Наконецъ, прибылъ къ намъ новый батарейный командиръ, капитанъ, молодой еще человѣкъ, высокаго роста, полный мужественной

красоты. Своимъ простымъ, открытымъ обращеніемъ онъ съ перваго раза понравился всѣмъ. Въ добавокъ, онъ былъ музыкантъ: часто подслушивали мы его превосходную игру на флейтѣ.

Гуляя однажды, послѣ обѣда, по бульвару, я замѣтилъ одного статскаго, щеголевато и изящно одѣтаго, человѣка еще очень молодаго. Фигура его казалась мнѣ знакомою. Дѣйствительно это былъ П*,—мой однокашникъ. Онъ служилъ въ конной артиллеріи, но по особымъ, домашнимъ обстоятельствамъ вышелъ въ отставку, передъ самымъ началомъ нынѣшней кампаніи. При первыхъ севастопольскихъ громахъ, онъ сейчасъ же подалъ просьбу о поступленіи на службу и, не дождавшись даже опредѣленія, прискакалъ изъ своего новгородскаго помѣстья въ Севастополь, чтобы, не теряя времени, примкнуть къ его защитникамъ хотя волонтеромъ. Еще болѣе удивился я, когда узналъ, что онъ — женихъ. Встрѣча со мною обрадовался онъ тѣмъ болѣе, что не имѣлъ въ Севастополѣ никого знакомаго.

Мы условились съ нимъ вмѣстѣ отправиться на другой день къ генералъ-лейтенанту Хрулеву. Неотступно также просилъ меня П* немедленно свести его на одинъ изъ бастіоновъ;

но я отклонилъ его, представляя на видъ, что, можетъ быть, съ завтрашняго же числа получитъ онъ назначеніе на бастіонъ и вдоволь успѣетъ тогда наглядѣться на него и набраться самъ сильныхъ ощущеній.

На завтра случился свѣтлый, ясный день. Раннимъ утромъ отправились мы съ П* на Малаховъ Курганъ, гдѣ жилъ генералъ-лейтенантъ Хрулевъ.

Пройдя мостъ черезъ южную бухту, едва мы стали подыматься подъ гору, какъ двѣ бомбы, одна за другой, слетѣли совершенно не вдалекѣ отъ насъ, такъ что при паденіи каждая ясно обозначилась небольшимъ чернымъ шаромъ. Опасность была очевидная; — «ложитесь!» крикнулъ я П*, самъ поспѣшно присѣдая на колѣно. Потерялся ли П* или не вполнѣ сознавалъ опасность, только онъ промедлилъ нѣсколько мгновеній и опустился на земь уже мертвымъ.

Странно былъ онъ убитъ! разомъ двумя осколками. Одинъ врѣзался ему въ грудь, другой пронизалъ черепъ.

Надъ моей головой также проурчалъ огромный осколокъ, и не припагнись я, постигла бы и меня участь П*.

Я подошелъ къ убитому и осѣнилъ его крест-

нымъ знаменіемъ. Ни одинъ еще случай смерти не поражалъ меня такъ сильно, какъ смерть П*. До-сихъ-поръ, по-крайней-мѣрѣ, мнѣ не приходилось быть свидѣтелемъ гибели такого молодаго, полнаго свѣтлыхъ надеждъ, человѣка.

Не меньше поражены были и всѣ мои товарищи, когда, придя домой, разсказалъ я имъ о случившемся. Съ П*, образованнымъ, прекраснымъ молодымъ человѣкомъ, познакомились они вчера, черезъ меня, и невольно приняли въ немъ большое участіе.

Люди и вещи П* переправились на южную сторону лишь только теперь. Съ грустью отослалъ я ихъ, сказавъ, что они могутъ ѣхать обратно, въ свою новгородскую губернію, но только безъ барина, который останется здѣсь навсегда...

—

ТЕТРАДЬ ПЯТАЯ.

„Дѣло съ 10-го на 11-е мая, — Май мѣсяцъ въ Севастополѣ.—Обозрѣніе непріятеля съ обсерваторіи севастопольской Библіотеки. — Краткое обозрѣніе Камчатскаго люнета и редутовъ: Селенгинскаго и Волынскаго. — Нѣсколько словъ о нашихъ ложементахъ. — 26-е мая. — Уборка тѣлъ.

Противъ четвертаго бастіона непріятель постоянно велъ ожесточенную атаку.

Противъ пятаго, въ особенности на пространствѣ между кладбищемъ и карантинною бухтою, непріятельскія работы стали подвигаться также настойчиво.

Нашему правому флангу угрожала теперь опасность; къ тому же онъ былъ слабѣе лѣваго, усиленнаго цѣлой передовой оборонительной линіей; а потому генералъ-лейтенанту Хрулеву, ставшему уже душею знаменитой обороны, поручено было, вмѣсто командованія лѣвой половиной, начальство надъ 1-мъ и 2-мъ отдѣленіемъ севастопольской оборонительной линіи. Вдохновенно сообразилъ онъ мѣры противудѣй-

ствія врагу, составивъ планъ новыхъ контръ-апрошей.

Выгоды отъ этого были большія: мы не давали врагу утвердиться на мѣстности передъ 5-мъ бастіономъ; значительно затрудняли его наступленіе на 4-й бастіонъ и освобождали отъ сильнаго огня наши траншеи и батареи, лежащія правѣе этого бастіона.

Словомъ, мы сокращали нашу правую оборонительную линію, и отдаляли врага, подобно тому, какъ противъ корабельной стороны.

Намѣреніе было превосходное, отлично соображенное. Главнокомандующій тотчасъ же одобрилъ планъ генералъ-лейтенанта Хрулева, проверенный генералъ-маіоромъ Тотлебеномъ, но при тогдашнихъ обстоятельствахъ севастопольскаго гарнизона не возможно было дать требуемаго по плану числа людей.

По мнѣнію же г.-л. Хрулева, траншеи слѣдовало намъ вывести въ одну ночь; а въ слѣдующую предполагалось уже повести атаку на наши траншеи, занятыя непріятелемъ въ ночь съ 19-го на 20-е апрѣля.

Настала туманная ночь съ 9-го на 10-е мая. Осторожно и тихо вышли наши войска изъ-за укрѣпленій и начали предполагаемыя работы.

Я также находился здѣсь, въ числѣ артил-

лерійскихъ офицеровъ, посланныхъ для ознакомленія съ мѣстностью.

Солдаты, какъ бы сознавая важность предпринимаемаго, работали живо и осмотрительно. Впереди расположилась цѣпь. Секреты поползли къ непріятелю какъ можно ближе, чтобъ замѣчать малѣйшее его движеніе.

Приказанія отдавались тихо—шопотомъ. Г.-л. Хрулевъ и съ нимъ генералы: Семякинъ, князь Васильчиковъ и Тотлебенъ присутствіемъ своимъ и распоряженіями, ободряля и ускоряли работы, очень затруднительныя въ оказавшемся каменистомъ грунтѣ.

Было что-то таинственное въ этомъ молчаливомъ, ночномъ предпріятіи. Перестрѣлка съ бастіоновъ шла обычная. Кое-гдѣ мигала въ туманной, мглистой дали бомба, быстро пролетала, описывая свѣтлую траекторію, лахматка; или грохотало дежурное орудіе, посылая невидимое ядро, да трескотали неугомонные штуцера. Я съ удовольствіемъ расхаживалъ по мѣсту работъ, доступному теперь, но долженствовавшему, съ разсвѣтомъ дня, перейти опять въ запретное состояніе.

Настоящія работы наши производились на скатѣ хребта, обращеннаго къ непріятелю; а потому непріятельскіе снаряды, пускаемые въ

этомъ направленіи, по нашимъ укрѣпленіямъ, перелетали черезъ головы работавшихъ.

Непріятель, конечно, не ожидалъ такого смѣлаго и рѣшительнаго шага осажденныхъ на этомъ пунктѣ; въ слѣдствіе чего, мы не встрѣтили ни малѣйшаго сопротивленія и потеряли лишь одного человѣка раненымъ. *

Съ разсвѣтомъ, Французы съ удивленіемъ увидѣли передъ собою цѣлую линію траншей бастіоннаго начертанія. День прошелъ, незамѣтно, въ перестрѣлкѣ съ непріятелемъ изъ вновь начатыхъ траншей.

Наступалъ вечеръ; слѣдовало ожидать нападенія непріятеля. Съ сумерками, г.-л. Хрулевъ приказалъ подкрѣпить штуцерныхъ, засѣвшихъ въ новыхъ полу-выведенныхъ траншеяхъ, цѣлымъ баталіономъ. Войскамъ, назначеннымъ для окончанія работъ предъидущей ночи, приказано было забирать туры, мѣшки и прочій рабочій инструментъ.

Въ девять часовъ, егерскіе—генералъ-фельдмаршала князя Варшавскаго и Подольскій полки и 2 баталіона Житомірскаго егерскаго полка потянулись за оборонительную линію, по направленію къ новымъ траншеямъ.

* Донесеніе главнокомандующаго.

Непроницаемая темнота безлунной ночи раскинулась надъ осажденнымъ Севастополемъ. Совершенная тишина, вмѣстѣ съ темнотою ночи, распространилась по всему нашему правому флангу. Даже непріятельскія батареи утихли. Только на Селенгинскомъ редутѣ мелькали и слышались вдали рѣдкіе ружейные выстрѣлы.

Вдругъ, по всему протяженію вновь заложенныхъ траншей, засверкалъ самый частый, бѣглый штуцерный огонь; послышалось: «vive l'Empereur!» и наше «ура-а-а-а!», по всѣмъ непріятельскимъ траншеямъ заиграли рожки и сигнальныя трубы.... Казалось, каждый ихъ тонъ звучалъ теперь торжественнѣе. Войска наши не успѣли дойти по назначенію, какъ выжидавшій непріятель предупредилъ ихъ, бросившись на полу-выведенныя наши траншеи.

Въ одинъ мигъ труды предъидущей ночи очутились въ рукахъ непріятеля, постоянно прибывавшаго.

Съ разу мы должны были выбивать его штыками. Чрезъ это объясняется значительная наша потеря въ этомъ кровавомъ бою.

Но и непріятель сдѣлалъ ошибку, подавъ боевой кликъ раньше, чѣмъ слѣдовало; поэтому онъ слишкомъ рано подвергся нашему баталь-

ному огню штуцерныхъ, находившихся въ атакованныхъ траншеяхъ.

Возобновляя свои нападенія съ величайшимъ упорствомъ, носившимъ на себѣ видимый отпечатокъ непреклонной воли Пелисье, непріятель ввелъ въ дѣло до семнадцати баталіоновъ, въ числѣ коихъ, кромѣ двухъ баталіоновъ гвардіи, было два баталіона «Chasseurs de Vincennes» (Венсенскихъ стрѣлковъ) и два баталіона иностраннаго легіона.

Съ нашей стороны участвовало въ дѣлѣ лишь двѣнадцать баталіоновъ.

Бой достигъ чрезвычайнаго разгара. Нѣсколько разъ непріятель бросался въ штыки, но постоянно былъ опрокидываемъ. Баталіоны Подольскаго егерскаго полка, отбивши штыками нападающихъ, преслѣдовали врага даже до самыхъ его окоповъ, у передняго угла кладбища, и часть ихъ разорили.

Послѣднее ожесточенное усиліе непріятеля сокрушилъ неотразимый ударъ прибывшихъ на помощь къ сражавшимся войскамъ нашихъ баталіоновъ Минскаго пѣхотнаго и Угличскаго егерскаго полковъ.

Болѣе пяти часовъ продолжался кровопролитный бой. Наконецъ, съ разсвѣтомъ, непріятель, окончательно отбитый, отступилъ въ

свой окопы. Г.-л. Хрулевъ самъ водилъ войска въ штыки. Генералъ-маіоръ Адлербергъ былъ убитъ въ головѣ колонны, направленной имъ на непріятеля, на штыки. Сынъ этого генерала, не участвовавшій въ дѣлѣ, но отправившійся въ него, для отысканія тѣла отца, также былъ убитъ.

При началѣ боя я находился въ числѣ зрителей, собравшихся на бульварѣ, не смотря на то, что бомбы порой залетали и сюда.

Даль надъ бастіонами праваго фланга гудѣла и горѣла безпрерывными огненными вспышками орудійныхъ выстрѣловъ, которымъ вторила перекатная ружейная пальба. Крикъ: «ура!» долеталъ порой по вѣтру. Раненыхъ безпрестанно приносили на носилкахъ и вели подъ руки. Отъ нихъ ничего нельзя было добиться о ходѣ дѣла. Это тоже отличительная черта русскаго солдата. Когда нашъ солдатикъ раненъ и не можетъ болѣе участвовать въ бою, ему уже кажется, что все потеряно, что непріятеля несметное число—*сила*. Вскорѣ я получилъ приказаніе состоять въ распоряженіи одного генерала, участвовавшаго въ бою, и немедленно отправился къ нему, съ казакомъ. Благополучно пробрался на мѣсто.

Сплошное облако пороховаго дыма стояло

надъ сражавшимися. Позади съ бастіоновъ, гудѣла самая частая канонада по непріятельскимъ батареямъ, старавшимся, въ свою очередь, не допускать нашихъ резервовъ. Надъ нашими головами, взадъ и впередъ, съ ревомъ и гуломъ, двигалась чугунная туча. Изъ безпрерывно пускаемыхъ бомбъ, съ батарей обѣихъ сторонъ, образовалась надъ полемъ битвы какая-то огненная шапка. Красноватый, матовый, колеблющійся свѣтъ отъ выстрѣловъ, освѣщалъ битву. По разнымъ направленіямъ двигались чернеющіеся квадраты; то были полки, свернувшіеся въ ротныя колонны. Небольшими точками чернѣлись разсыпавшіеся застрѣльщики. Подъ ногами постоянно попадались раненые и убитые. Въ темнотѣ я наступилъ на одного раненаго, и должно быть на рану, потому что подъ моими ногами вдругъ раздался страшно болѣзненный вопль, невольно заставившій меня споткнуться. Падая, я уперся руками въ землю и попалъ во что-то теплое, липкое; это была свѣжая лужа крови. О помощи раненому нечего было думать: я спѣшилъ къ своему генералу, притомъ же раненыхъ было множество; ихъ не успѣвали даже прибирать. Вскорѣ я отыскалъ генерала и представился ему. Въ ту минуту онъ находился возлѣ г.-л. Хрулева,

руководившаго боемъ и, со свойственнымъ ему хладнокровіемъ и распорядительностію, отдававшаго приказанія и выслушивавшаго адъютантовъ и ординарцовъ.

Нахлынувшая вдругъ которая-то изъ нашихъ колоннъ увлекла меня въ своемъ стремленіи. Съ трудомъ освободился я изъ этого стремительнаго потока и бросился къ тому мѣсту, гдѣ оставилъ генерала; но его уже не было тамъ; тщетно проискалъ я еще нѣсколько минутъ.

Дѣло, между тѣмъ, разгоралось сильнѣй и сильнѣй.

Въ оглушительномъ громѣ, среди криковъ, стоновъ и движенія, я не зналъ на что рѣшиться, что предпринять, и почти безсознательно бросился впередъ, въ самый разгулъ боя. Мимо меня, бѣглымъ шагомъ, съ ружьемъ на перевѣсъ, промелькнуло нѣсколько колоннъ, стремившихся на помощь нашимъ. Офицеры, съ саблями наголо, были впереди и ободряли солдатъ, которые крестились и тихо разговаривали между собою. Нѣкоторые, пораженные пулями, падали и слышался ихъ жалобный голосъ: «прощайте, братцы!» или «отцы родные! не покиньте!»

Не останавливаясь, бѣжалъ я впередъ. Голова кружилась, я весь горѣлъ. Густой поро-

ховой дымъ ничего не позволялъ уже разглядѣть.

— Ишь валитъ! совсѣмъ попятилъ Подольцевъ! проговорилъ кто-то запыхавшійся, пробѣгая мимо, и скрылся въ дыму.

Я зналъ, что Подольскій полкъ былъ посланъ отбивать тѣ ложементы, гдѣ предполагалось вывести одну изъ главныхъ батарей первой линіи, противъ кладбища; зналъ всю важность этого проэкта, а потому бросился на высоту, гдѣ дрался этотъ полкъ, надѣясь принести какую-нибудь пользу въ общемъ дѣлѣ. Перепрыгивая черезъ тѣла раненыхъ и убитыхъ, побѣжалъ я туда. На встрѣчу мнѣ, отстрѣливаясь, отступала толпа нашихъ солдатъ. Подъ горой я успѣлъ остановить ихъ. Нѣкоторые изъ этихъ солдатъ, видавшіе меня на бастіонѣ прізнали теперь, и кто-то изъ толпы закричалъ: «Ведите насъ, ваше благородіе; а то не знаемъ, что дѣлать, всѣ командиры побиты!»

Я скомандовалъ: «въ ротную колонну!» коскакъ устроилъ эту безпорядочную, сборную дружину; строго запретилъ стрѣлять при наступленіи, и, велѣвъ ударить «наступленіе», бросился на гору.

Взойдя на гребень высоты, я увидѣлъ передъ собою, шагахъ въ пятидесяти, черпѣю-

щійся брустверъ нашего ложемента, увѣнчанный земляными мѣшками. Едва показалась моя колонна, весь гребень бруствера вспыхнулъ, какъ молнія, и самый частый ружейный огонь засверкалъ намъ на встрѣчу, освѣщая красныя шапочки съ горизонтальными козырьками и козьи бородки французскихъ егерей, засѣвшихъ въ ложементѣ.

Разстояніе было такъ близко, что свиста пуль не было слышно. Я только видѣлъ, какъ вокругъ меня повалились мои сподвижники. Минута была рѣшительная; я невольно взглянулъ на небо, крикнувъ: «впередъ, братцы!» и кинулся на ложементъ.

Оглушительный, радостный крикъ: «ура!» раздался въ отвѣтъ на мое зазывное восклицаніе и въ мгновеніе я очутился въ ложементѣ со своей временной командой.

Пальба здѣсь замолкла; вокругъ меня застучали приклады, зазвенѣли штыки, послышались вопли, ожесточенные крики и крупная брань даже на гармоническомъ салонномъ французскомъ языкѣ. Попавши въ самую середину свалки, между непріятелей, я началъ рубить на удачу передъ собою шашкой, поднятой мною не задолго передъ этимъ на полѣ здѣшней битвы; слышалъ удары клинка по чему-то

металлическому; раза два брызнуло мнѣ въ лицо чѣмъ-то теплымъ.

Передъ самыми моими глазами мелькали французскіе штуцерные кортики. Вдругъ эта рѣзня прекратилась и живой ружейный огонь посыпался уже съ нашей стороны. Ясно было, что Французы отступили.

Черезъ нѣсколько минутъ прибыли свѣжія войска и смѣнили насъ.

Я отправился на бастіонъ отыскивать своего генерала. Было около трехъ часовъ утра и начинало разсвѣтать. Непріятель всюду былъ отбитъ, и всѣ линіи новыхъ траншей остались за нами, исключая нѣсколькихъ ложементовъ у карантинной бухты, въ которыхъ непріятель удержался и продолжалъ отстрѣливаться.

Но покачнулись тѣни ночи,
Бѣгутъ, шатаясь, назадъ....

Взошло солнце.... и освѣтило кровавую нпву...

Съ любопытствомъ взошелъ я на вышку 5 бастіона и взглянулъ на поле только-что прекратившагося сраженія.

Смотря на отбитый мною ложементъ, заваленный тѣлами, я, съ замираніемъ сердца, припомнилъ всѣ ужасы боя, испытанные мною въ эту ночь, всѣ невыразимыя, тяжелыя мгно-

венія, перенесенныя въ продолженіе ея, и невольно порадовался, что остался живъ и здоровъ.

Легкая только контузія въ правую руку пулею, и три пробитыя пулями отверстія въ полахъ моей сѣрой шинели, служили мнѣ видимымъ воспоминаніемъ боя, въ которомъ я въ первый разъ сошелся съ вооруженнымъ непріятелемъ, какъ говорится: лицомъ къ лицу...

На слѣдующую ночь, въ тотъ же самый часъ, какъ и наканунѣ, упорствующій непріятель, не жалѣвшій видно людей, опять густыми массами накинулся на наши траншеи, столь безуспѣшно атакованныя имъ вчера. Занимавшіе ихъ два баталіона Житомірскаго егерскаго полка, по данному сигналу, отошли къ нашимъ укрѣпленіямъ.

Наступающія же колонны непріятеля подверглись сосредоточенной перекрестной нашей пальбѣ, и понесли при этомъ весьма большой уронъ.

Два ближайшіе къ кладбищу наши завала, были разрушены непріятелемъ.

Соединительная же траншея съ 5 бастіоновъ осталась нейтральною.

Въ Севастополѣ опять настала обычная тишина.

Начались сильные жары; лѣнь и нѣга такъ

и напрашивались, такъ и обаяли сѣверную натуру русскаго человѣка. Появились лѣтнія пальто-шинели, изъ самыхъ легкихъ матерій, и бѣлыя фуражки, которыя, по особому приказу главнокомандующаго, вслѣно было носить всѣмъ солдатамъ.

Быть разстегнутымъ и снимать галстухи, также позволялось.

На бастіонѣ солдатики наши не столько заботились укрыться отъ пуль и осколковъ, сколько отъ зноя, сильно ихъ допекавшаго.

Зной и пыль замѣнили грязь, но трудно было рѣшить, что изъ нихъ лучше.

На праздникъ св. Троицы въ особенности было тихо по всей севастопольской линіи, казалось, не слышно было даже ружейной перестрѣлки, обыкновенно неугомонной.

На второй день праздника, завернувши въ библіотеку, я взошелъ на устроенную на верху ея обсерваторію; отсюда, какъ съ самой высшей точки въ Севастополѣ, далеко можно было обозрѣть, въ зрительную трубу, позицію непріятеля. Притомъ же морскія трубы были превосходныя. Съ часъ, по-крайней-мѣрѣ, простоялъ я здѣсь, не отрывая глазъ отъ трубы.

Я пожиралъ взоромъ запретное для Севастополя пространство; тамъ, за его стѣнами, раз-

кидывались непріятельскія траншеи и батареи, желтѣвшія и бѣлѣвшія въ настоящую минуту мирными линіями и валами.

Съ обсерваторіи библіотеки ясно было видно даже какъ прохаживались часовые на валахъ осадныхъ батарей; какъ смѣнялись траншейные караулы, передвигались партіи непріятельскихъ войскъ. Вотъ, за батареями проѣхалъ какой-то всадникъ на сѣрой лошади, въ красномъ мундирѣ, должно быть Англичанинъ. По огромной свитѣ, проскакавшей за нимъ, можно судить, что это былъ одинъ изъ главныхъ начальниковъ.

Мнѣ досадно было, что эта кавалькада не видна ни съ одного изъ нашихъ бастіоновъ; а то, разсуждалъ я, славно бы пустить въ нее бомбочку.

Какъ артиллеристъ въ душѣ, я вычислялъ уже, для воображаемаго выстрѣла, и уголъ возвышенія, и зарядъ, и время горѣнія бомбовой трубки; живо воображая, замечтавшись и провожая взоромъ скрывавшійся за возвышеніемъ хвостъ кавалькады, тотъ эффектъ, который произвела бы бомба, попавши въ кучу ѣхавшихъ, и то, какъ разскакались бы они по всѣмъ направленіямъ отъ нежданнаго гостя.

На какомъ-то холмѣ, противъ 6-го бастіо-

на *, отчетливо рисуются силуэты непріятелей, обозрѣвающихъ наши укрѣпленія; замѣтно даже каждое движеніе ихъ рукъ. У ската, вожатые держатъ лошадей. Херсонесъ, карантинная бухта, маякъ, все пространство передъ 10 и 6 №№, не видные съ бульвара, съ этой точки совершенно открыты для взора.

Какъ я уже сказалъ, тихо было въ Севастополѣ; но это была тишь передъ бурею. 24 мая пришлось мнѣ побывать на Камчатскомъ люнетѣ и редутахъ: Селенгинскомъ и Волынскомъ. А потому и сдѣлаю небольшой очеркъ сказанныхъ укрѣпленій, предъ разсказомъ о бурѣ, разъигравшейся у нихъ, въ этомъ мѣсяцѣ.

Заложеніе Камчатскаго люнета, произведенное въ то время, когда сильныя непріятельскія батареи занимали всѣ главнѣйшія высоты, окружающіе Корабельную сторону, по истинѣ должно почитаться чудомъ инженернаго искусства и доблести нашихъ войскъ.

Сознавая всю важность этого укрѣпленія, непріятель громилъ его безпрерывно.

Наружный видъ Камчатскаго люнета—*Камчатки*—какъ его прозвали, былъ дѣйствительно грозенъ. Оба длинные боковые фаса, изрѣзан-

* Bastion de la Quarantaine.

ные глубокими, издалека черпѣвшимися амбразурами, постоянно сверкали молніями, посылая въ отвѣтъ непріятелю свои меткіе выстрѣлы. Амбразуры передняго фаса угрюмо молчали. Выглядывавшія въ нихъ дула орудій, казалось, ждали момента, когда появятся передъ ними, изъ ближайшей непріятельской траншеи, штурмовыя колонны, чтобъ встрѣтить ихъ картечью. Постоянный туманъ пороховаго дыма, разстилавшійся надъ люнетомъ, высоко, ворошками, взбрасываемая земля отъ безчисленнаго множества лопающихся непріятельскихъ бомбъ и гранатъ, спиреватые дымки неугомонной перестрѣлки изъ ложементовъ, полукругомъ раскинувшихся впереди у подошвы холма, все придавало этому укрѣпленію грозно-боевой видъ.

Внутренность *Камчатки* была пересѣчена высокими, циклопической постройки траверзами, съ трудомъ, однако, ослаблявшими перекрестный огонь осадныхъ батарей. Картина непрерывавшейся дѣятельности внутри этого укрѣпленія представлялась взорамъ, во всякое время дня и ночи: перемѣняли подбитые лафеты, настилали платформы, таскали лѣсъ на блиндажи и погреба, носили землю на траверзы, на валъ и на банкеты, чинили амбразуры и мерлоны; словомъ, здѣсь всюду обычно кипѣла таже

дѣятельность, какъ на бастіонахъ, во время бомбардированія.

Сообщеніе люнета съ Корабельной стороной было устроено въ тылу его.

Отъ задняго конца праваго фаса шла глубокая траншея, опускавшаяся съ холма въ каменныя ломки, которыми достигала лощины разстилавшейся впереди куртины, между бастіонами Корнилова (Малаховымъ-Курганомъ) и № 2-мъ. По этой лощинѣ можно было достигнуть выхода въ сказанной куртинѣ, такъ-называемой *Рогаткѣ*.

Вправо и влѣво отъ люнета протягивались глубокія наши траншеи. Первая шла почти до доковаго оврага; вторая же, по направленію къ Килень-балкѣ. Въ этой послѣдней была расположена наша 4-хъ орудійная батарея, для противудѣйствія непріятельскимъ траншейнымъ батареямъ, направленнымъ на люнетъ. Впереди укрѣпленія, въ видѣ полукруга, раскидывались наши ложементы, соединенные траншеею.

Кстати скажу нѣсколько словъ и о ложементахъ.

Происхожденіе нашихъ ложементовъ было почти случайное. По большей части они возникали безъ особыхъ распоряженій начальства. Люди, высылаемые изъ укрѣпленій для содер-

жанія ночной цѣпи, чтобы защитить себя хотя нѣсколько отъ непріятельскихъ пуль, складывали мѣстами изъ камня тоненькія стѣнки, въ видѣ полукруга, и укрывались за ними. Но пули часто пронизывали эти утлыя защиты, а потому ихъ обсыпали снаружи землею, выбирая ее изъ нутри ложемента.

Въ такомъ видѣ ложементы представляли уже болѣе самостоятельности, не спасая однако отъ ядеръ и гранатъ.

Въ послѣдствіи у насъ обратили на ложементы особенное вниманіе, и придали имъ еще большую силу и назначеніе. Войска стали занимать ихъ потомъ не только днемъ, но и ночью. На ночь располагалась въ нихъ цѣпь, высылавшая впередъ свои секреты; а днемъ занимали ихъ штуцерные, человѣка по 4—5-ти въ каждомъ.

Но положеніе нашихъ удальцовъ въ ложементахъ, въ продолженіи дня, надо признаться, было не завидное. Ложементы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были удалены отъ укрѣпленій на значительное разстояніе, саженей на 200, и сначала не имѣли ни какого сообщенія даже между собою. Въ лѣтніе дни, съ трехъ часовъ утра до одиннадцати вечера, подъ жгучимъ южнымъ солнцемъ, среди тысячи опасностей,

проводили почти цѣлыя сутки почтенные герои-труженики.

Непріятель былъ крѣпко золъ на эти *стрѣлковыя ямы*, какъ онъ называлъ наши ложементы, и порой не умолкаемо громилъ ихъ ядрами и гранатами, рѣдко, впрочемъ, попадавшими, по малой цѣли ложементовъ для артиллерійскаго огня.

Въ противномъ же случаѣ, когда выстрѣлъ попадалъ въ самый ложементъ, то уже тогда разлеталась въ дребезги вся эта непрочная защита, и уцѣлѣвшимъ стрѣлкамъ приходилось перебѣгать въ ближайшій сосѣдній ложементъ, подъ настоящимъ свинцовымъ дождемъ. Положеніе редутовъ: Селенгинскаго и Волынскаго, окруженныхъ, подобно Камчатскому люнету, постоянною огненною бурею, было тѣмъ болѣе критическое, что при слабомъ своемъ вооруженіи, сравнительно съ громившими его непріятельскими батареями, они были предоставлены почти одной собственной оборонѣ.

Батареи сѣверной стороны и бастіонъ № 2-й хотя и могли дѣйствовать по черными редутамъ, и вообще на Сапунъ-гору, но, по значительному разстоянію, нельзя было надѣяться на успѣшное дѣйствіе ихъ артиллеріи.

Еще въ апрѣлѣ непріятельскія работы про-

тивъ нашихъ редутовъ значительно усилились. Сильныя батареи, съ трехъ сторонъ, обложили ихъ, но приводя въ порядокъ свое вооруженіе, не открывали еще огня. Сознавая слабость нашихъ редутовъ, сравнительно съ окружающими ихъ осадными батареями, можно было также сознать близкій конецъ упорной, геройской обороны этихъ передовыхъ укрѣпленій.

Наступила минута, когда храбрость должна была уступить силѣ.

Въ три часа по-полудни 25-го мая, усиленная канонада загремѣла противъ Корабельной стороны. Самый сильный огонь непріятель сосредоточилъ противъ передовыхъ нашихъ укрѣпленій. Сначала люнетъ и редуты отвѣчали смѣлой и частой пальбою, но черезъ нѣсколько часовъ выстрѣлы ихъ стали рѣже, и наконецъ, къ вечеру, замолкли совершенно. Безъ преувеличенія можно сказать, что *тучи* чугуна врывались въ амбразуры, врѣзывались въ мерлоны, срывая и засыпая ихъ.

Подобное бомбардированіе продолжалось всю ночь.

Ни какія сверхъестественныя усилія не могли, въ теченіи ночи, исправить всѣ сдѣлан-

ныя и безпрестанно возобновляемыя поврежденія.

Утро 26-го мая, озарило лишь одни развалины передовыхъ нашихъ укрѣпленій. Брустверовъ, въ обоихъ редутахъ и даже въ Камчатскомъ люнетѣ, почти не существовало. Это были, просто, нопагромождепныя въ безпорядкѣ кучи земли, туровъ, фашинъ, мѣшковъ съ землей, досокъ, брусьевъ и всякой всячины. Платформы были разбиваемы бомбами, бросаемыми непріятелемъ съ ожесточеніемъ; подбитая, по большой части, артиллерія сброшена съ мѣста, и до половины засыпана землею. Гарнизонъ, не имѣвшій, какъ говорится, свободной минуты, чтобъ вздохнуть, кое-гдѣ лѣпился за уцѣлѣвшими остатками вала; о банкетахъ нечего и говорить!

Непріятель непрерывно продолжалъ бомбардированіе этихъ развалинъ.

Съ полудня, однако, оно было поутихло, но часа черезъ два возобновилось съ новой силою.

Передъ вечеромъ, часовъ въ шесть съ половиною, начался штурмъ сказанныхъ редутовъ и люнета.

Понятно, что сопротивленіе многочисленно-

му врагу было невозможно; храбрость должна была уступить силѣ.

Три французскія дивизіи, при двухъ баталіонахъ стрѣлковъ, кромѣ резервовъ и охотниковъ, отъ всѣхъ полковъ Франціи, бросились теперь на штурмъ.

Самъ Пелисье находился въ траншеѣ, ниже редута Викторіи. Преслѣдуя слабыя остатки гарнизона нашихъ передовыхъ укрѣпленій, непріятель захватилъ, находившуюся въ тылу редутовъ, небольшую Забалканскую (Колокольцова) батарею и увлеченный успѣхомъ бросился черезъ Килень-балку на Корабельную сторону.

Бастіонъ № 1-й, возвышавшійся на крутизнѣ надъ самымъ почти килень-балкскимъ мостомъ, почему и могъ дѣйствовать по непріятельскимъ колоннамъ за Килень-балку, не могъ обстрѣливать картечью самаго моста. Уже нѣсколько зуавовъ перебѣжало мостъ; еще моментъ—и непріятель ворвался бы на 1-й бастіонъ. Но въ эту минуту, изъ-за бастіона вылетѣла легкая № 5-го батарея 11-й бригады, спустилась съ высоты и картечью отбросила непріятеля съ моста. Въ то же время, съ другой стороны, на рейдѣ, явился пароходъ Владиміръ и открылъ губительный огонь

по непріятелю. Подоспѣвшіе наши баталіоны бросились черезъ мостъ, ударили въ штыки на Французовъ и заставили ихъ отступить.

Забалканская батарея взята была нами съ бою.

Генералъ-лейтенантъ Хрулевъ, въ слѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, вновь назначенный начальникомъ лѣвой половины оборонительной линіи, но получившій это назначеніе только за часъ съ небольшимъ до нападенія непріятеля на люнетъ и редуты, находился однако уже на Корабельной сторонѣ и принималъ начальствованіе.

Ординарецъ генерала, прапорщикъ Спкорскій, только-что успѣлъ прибыть на Корнилова бастіонъ для занятія помѣщенія генералу, который намѣревался прибыть сюда въ слѣдъ за нимъ, какъ непріятель повелъ уже штурмъ.

Генералъ-маіоръ Заливкинъ принесъ большую пользу въ это время своими энергическими распоряженіями. Несмотря на томившую его болѣзнь, съ трудомъ позволявшую ему ходить, онъ, при первой вѣсти о штурмѣ, чтобъ не терять времени, поскакалъ на неосѣдланной лошади къ резервамъ и направилъ ихъ къ оборонительной линіи.

При первомъ извѣстіи о нападеніи непріяте-

ля , Хрулевъ поспѣшно прискакалъ на мѣсто дѣйствія и, съ подоспѣвшими резервами, лично повелъ войска въ штыки и отбилъ Камчатскій люнетъ. Но вскорѣ вновь понахлынули цѣлыя толпы упорнаго непріятеля.

Ужс смеркалось. Наши, видя необходимость уступить превосходнымъ силамъ непріятеля, отодвинулись отъ люпета, два раза переходив-шаго изъ рукъ въ руки.

Адмиралъ Нахимовъ, верхомъ пріѣхавшій на Камчатскій люнетъ, за нѣсколько минутъ до его штурма, не успѣлъ, обойдя укрѣпленіе, проѣхать до половины траншеи, соединяющей люнетъ съ корабельной сторопою, какъ непрія-тель повелъ штурмъ. Услыхавши выстрѣлы, залпомъ раздавшіеся изъ небольшаго числа уцѣ-лѣвшихъ орудій люпета, адмиралъ вернулся на штурмуемое укрѣпленіе, и въ общей свалкѣ едва не былъ взятъ въ плѣнъ. По обыкновенію, на немъ были эполеты и орденъ св. Георгія 2-го класса. Матросы едва выручили своего отца-адмирала, бросившись на непріятеля съ банни-ками и ганшпигами, которые уносили они съ про-чей принадлежностью, отъ заклепанныхъ орудій люпета.

Французы, въ жару минутнаго своего успѣ-ха, зарвались было даже до самаго Малахова-

кургана; но всѣ подобные смѣльчаки уже не вернулись назадъ.

Англичане, которые должны были занять ложементы * у камнеломни, впереди 3-го бастіона, соревнуя Французамъ, безумно бросившимся на Малаховъ-курганъ, кинулись на 3-й бастіонъ ** и потерпѣли такую же участь, какъ и Французы.

Во все время настоящаго штурма, я оставался въ городѣ, не имѣя ни какихъ порученій, и смотрѣлъ на дѣло, вмѣстѣ съ цѣлою толпою зрителей, съ крыши Николаевской казармы.

Видъ боя днемъ не такъ эффектенъ, какъ ночью.

Цѣлыя облака пороховаго дыма и поднявшейся земляной пыли отъ разрыва бомбъ, гранатъ и рикошетировавшихъ ядеръ, застилали корабельную сторону. Было что-то грозно-величественное, когда наши пароходы развели пары, и густой, черный дымъ длинной полосой сталъ надъ рейдомъ, когда нѣкоторые изъ нашихъ линейныхъ кораблей, залпами цѣлымъ бортомъ, загудѣли по непріятелю, такъ что

* L'ouvrage des carrières.

** Grand redan.

потряслись даже огромные своды Николаевской казармы.

Ординарцы постоянно пріѣзжали къ Начальнику гарнизона; но отъ нихъ трудно было чего-нибудь добиться о ходѣ дѣла. Вообще, если и получались какія-либо свѣдѣнія о боѣ, то они были недостаточны, туманны и сбивчивы: первый признакъ неудачи съ нашей стороны.

Наконецъ, вотъ прискакалъ одинъ ординарецъ, съ радостною вѣстью, что люнетъ взятъ нами обратно. Былъ восьмой часъ въ исходѣ.

Веселый говоръ зажужжалъ въ толпѣ и имя генералъ-лейтенанта Хрулева перелетало изъ устъ въ уста.

Только на другой уже день дошли до насъ достовѣрныя вѣсти объ участи редутовъ и люнета.

Храбрый генералъ-маіоръ Тимофѣевъ командовалъ войсками по ту сторону Килень-балки, всѣми уважаемый, всѣми любимый, генералъ, подававшій большія надежды и особенно отличившійся при большой нашей вылазкѣ изъ Севастополя 24-го октября 1854 года, смертельно былъ раненъ въ голову осколкомъ бомбы, и вскорѣ умеръ.

28-го, въ полдень, началось перемиріе, для уборки тѣлъ, и продолжалось до 6-ти часовъ

вечера. Сначала, парламентерскій флагъ выставили союзники, а потомъ отвѣтно появился онъ съ нашей стороны на Малаховомъ-курганѣ и 3-мъ бастіонѣ.

Огромныя толпы нашихъ и непріятелей собрались на позорище битвы.

Со стороны непріятелей пріѣзжали даже кавалькады какихъ-то амазонокъ и людей въ статскомъ платьѣ.

На здѣшнемъ боевомъ мѣстѣ, подобныя мирныя фигуры казались чѣмъ-то необыкновеннымъ.

Я также пришелъ сюда посмотрѣть на новое для меня зрѣлище.

Зеленѣющееся, испещренное красивыми южными полевыми цвѣтками, пространство земли между Малаховымъ-курганомъ и холмомъ, на которомъ находился Камчатскій люнетъ * и далѣе по ту сторону Киленъ-балки, около редутовъ **, покрыто было тѣлами, изковерканными, изможженными.

Особенное мое вниманіе привлекъ одинъ молодой, чрезвычайно красивый собою Французъ

* Камчатскій люнетъ, вмѣсто: «Mamelon Vert» — переименованъ былъ Французами по взятіи его: въ **Redoute Brancion.**

** Селенгинскій и Волынскій редуты были также переименованы изъ **ouvrages Blancs**, въ **ouvrages Lavarande.**

офицеръ, убитый картечною пулею въ голову. Порядочная дыра во лбу его, надъ правымъ глазомъ, какъ бы нарочно, отчетливо высверленная, ясно указывала родъ смерти убитаго. По какому-то случаю мундиръ и даже рубашка Француза были разстегнуты. На груди его, съ различными амулетами, висѣлъ медальонъ съ изображеніемъ молодой, красивой женщины.

Можетъ быть, то была его невѣста!...

Я снялъ этотъ медальонъ и вручилъ его какому-то французскому генералу, небольшаго роста, толстенькому и живому. Послѣ я узналъ что это былъ Брюне (Brunet).

Убитыхъ непріятелей было множество; не легко достался имъ люнетъ!

Со стороны нашей и союзниковъ высланы были цѣпи, опредѣлившія нейтральное пространство.

Странно было видѣть людей, за нѣсколько времени до этого сражавшихся между собою на смерть, а теперь сходившихся и разговаривавшихъ весело и непринужденно, какъ бываетъ между добрыми знакомыми.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня происходила слѣдующая сцена.

— Что, братъ-мусью, на сапоги-то мои смотришь? а? спрашиваетъ нашъ егерь одного зуава, съ любопытствомъ его осматривающаго.

Послѣдній что-то отвѣчаетъ по своему.

Ловя смыслъ отвѣтной фразы, со свойственной русскому солдату смышленностью, и подхватывая въ ней знакомое себѣ по звукоподражанію слово: «bottes», нашъ егерь не лѣзетъ за словомъ въ карманъ, и тотчасъ же возражаетъ Французу, какъ бы поняви его совершенно:

— Ну, *боты* такъ *боты*; по нашему же: сапоги. Полякъ тоже говоритъ: «боты». А знаешь, камрадъ-мусью, для чего Государь далъ намъ такіе *боты*—крѣпкіе сапоги? Чтобъ крѣпче было становиться на ногу, когда маршируемъ; вотъ такъ: разъ, два, три; разъ, два, три... поясняетъ онъ, маршируя.

Французъ улыбается.

Возлѣ нихъ собралась уже порядочная кучка любопытныхъ.

— А вотъ вамъ, продолжаетъ егерь, указывая на сандаліи зуава, пантуфли-то эти дали, чтобы лучше было, того, на утекъ, *лататы* задавать, говоритъ онъ, сопровождая сказанное выразительной мимикой, подбирая

полы своей шинели и показывая видъ, какъ бы убѣгаетъ.

За выходкой этой послѣдовалъ общій взрывъ смѣха, какъ нашихъ, такъ и непріятелей, понявшихъ, какъ казалось, всѣ оттѣнки разговора, точно рѣчь шла на ихъ родномъ языкѣ.

Между прочимъ никто и не примѣтилъ, какъ французскій генералъ съ однимъ офицеромъ подошли сюда и были свидѣтелями всей продѣлки молодца-егеря.

Когда послѣдній кончилъ, генералъ этотъ подошелъ къ нему, спросилъ у него фамилію, записалъ къ себѣ въ бумажникъ и подарилъ разскащику двадцати-франковую монету.

Я пошелъ далѣе. Подойдя поближе къ небольшой группѣ, состоявшей изъ двухъ французскихъ офицеровъ и одного нашего, я различилъ въ нашемъ офицерѣ штабсъ-капитана П*, большаго весельчака.

Два французскіе офицера, съ которыми онъ разговаривалъ, были юные поручики, какого-то «régiment de ligne».

Я предчувствовалъ, что П* непремѣнно выкинетъ какую-нибудь шутку. Французы сами напросились на нее.

Одинъ изъ поручиковъ спросилъ П*, не

знаетъ ли онъ фамиліи командира батареи на 5 мъ бастіонѣ, изъ которой такъ особенно часто допекаютъ ихъ капральства «les bouquets», какъ выразился Французъ.

— «Это я, къ вашимъ услугамъ. Capitaine Thadet», отвѣтилъ П*.

Въ сущности же онъ даже не числился на 5-мъ бастіонѣ; при томъ же, былъ не артиллеристъ.

Импровизированную же фамилію свою «Тадэ», произвелъ онъ вѣроятно отъ своего имени: Фаддѣй.

При отвѣтѣ П*, со стороны французовъ, посыпались любезности.

— Мы вообще замѣтили, продолжалъ другой Французъ, поручикъ, что вы болѣе всего угощаете насъ бомбами и bouquet'ами передъ вечеромъ.

— Ah! c' est que je vais gouter alors l'eau de vie: je dine à cette heure:

Французы приняли что за чистую монету.

И долго потомъ, когда упомянутая батарея 5-го бастіона (слыхомъ не слыхавшая ни о какомъ Capitain'ѣ Thadet), бросала порой, передъ вечеромъ, капральства, слышался изъ французскихъ траншей противъ этого бастіона крикъ;

«Capitaine Thadet, va prendre de l'eau de vie, hourrraaa, capitaine Thadet!»

Но вотъ, бѣлые флаги скрылись, и опять, по прежнему, завизжали ядра, засвистали бомбы, зажужжали пули... а съ ними зарыскала смерть по Севастополю.

ТЕТРАДЬ ШЕСТАЯ.

Перемѣны въ городѣ послѣ 26 мая. — Неудавшаяся поѣздка.—Я отправляюсь на бастіонъ, на постоянное тамъ пребываніе.—Нѣсколько словъ объ адмиралѣ Нахимовѣ.—Іюньское бомбардированіе.—День 5 іюня.—Я отправляюсь на Малаховъ курганъ.—Бѣглый взглядъ на укрѣпленіе Малахова кургана.—Штурмъ 6 іюня.

Со взятія люнета и редутовъ, въ городѣ, кромѣ Николаевской площади, почти не было безопаснаго мѣста.

Куда залетали прежде развѣ только ракеты, появились теперь и бомбы и ядра. Екатерининская улица видимо пустѣла, торопливо выселяясь или на сѣверную сторону, или въ Николаевскую казарму. Но рынокъ, находившійся въ началѣ Морской улицы, близь седьмаго бастіона, кишилъ людомъ по прежнему, не смотря на частое посѣщеніе его различными артиллерійскими снарядами и даже пулями. Послѣднія, впрочемъ, были еще случайныя — *шальныя*. Весь городъ становился на совершенно боевую ногу. Огненный ураганъ

осады захватывалъ уже всѣ его отдаленные, мирные дотолѣ уголки. Грустно, тоскливо становилось на душѣ при видѣ всеобщей гибели и разрушенія; нельзя было выискать мѣста, гдѣ бы свободно можно было дохнуть, забыться хотя кратковременно ото всего окружающаго. Рейдъ также началъ обстрѣливаться сильнѣе: ядра стали ложиться у самаго Михайловскаго укрѣпленія.

Линія нашихъ кораблей отодвинулась по направленію къ бонамъ. На пристани сѣверной стороны стало окалѣчивать людей, какъ и на бастіонахъ.

Одинъ знакомый мнѣ офицеръ былъ назначенъ къ отправленію изъ Севастополя въ Петербургъ, съ какимъ-то важнымъ порученіемъ. Мать, сестры, братъ ждали его тамъ... Но смерть раньше всѣхъ подготовила ему встрѣчу! И гдѣ же? не на бастіонѣ, на которомъ бывалъ онъ сотню разъ, не въ бою, въ которомъ онъ вдавался въ самый жаркій огонь; а на пристани сѣверной стороны, при послѣднемъ шагѣ отъ ужасовъ Севастополя; въ виду почтовой тройки, которая чрезъ нѣсколько минутъ должна была умчать его къ почестямъ, мирной жизни и родному семейству.... Едва успѣлъ мой несчастный знакомый вый-

дти изъ перевозившаго его катера и ступить нѣсколько шаговъ по сѣверной сторонѣ, какъ ядро выбрало его одного изъ цѣлой толпы народа и оторвало ему обѣ ноги.

29 мая, какъ теперь помню, былъ особенно хорошій день. На небѣ ни облачка, кромѣ, развѣ, дымныхъ облаковъ отъ высоко рвавшихся бомбъ. Черное море, тихо плескавшееся у береговъ—страдальца Севастополя, сталось мелкой рябью и, съ самой дали, пригрѣтое южнымъ солнцемъ, переливалось чисто голубымъ, гдѣ-гдѣ позлащеннымъ цвѣтомъ. Свѣжій вѣтерокъ вѣялъ съ моря, едва помахивая верхушками сильно благоухающихъ акацій и сирени. Въ самой природѣ все было далеко отъ ужасовъ и смерти... все чаровало, все казалось созданнымъ на благо и негу для человѣка... Въ этотъ день приходилось мнѣ ѣхать, по порученію своего батарейнаго командира, въ нашъ бригадный штабъ на Меккензіеву гору. Заранѣе отправилъ я на пароходѣ, на сѣверную сторону, свою верховую лошадь; самъ же остался ожидать только присылки отъ батарейнаго командира необходимыхъ бумагъ, съ которыми долженъ былъ ѣхать.

Съ истинно дѣтскимъ удовольствіемъ помышлялъ я о пріятности предстоявшаго мнѣ

пути, въ совершенной безопасности, на чистомъ свѣжемъ воздухѣ, средп безконечной зелени, горъ, цвѣтовъ и лѣсу. Мы давно уже отвыкли думать о завтрашнемъ днѣ, день, проведенный спокойно, казался вѣчностью; можно себѣ представить, какъ радовался я перспективѣ нѣсколько пріятныхъ часовъ впереди, какъ жаждалъ я сбросить хотя на время пыль и прахъ севастопольскаго ада.

Скоро, очень скоро рушились мои мечты о поѣздкѣ. Съ досадой внутренне сознался я, что лучше уже было бы не загадывать на передъ, по-крайней-мѣрѣ избавился бы непріятности обманутаго ожиданія.

Вмѣсто бумагъ, съ которыми приходилось мнѣ ѣхать на Меккензіеву гору, получилъ я бумагу, опредѣлявшую мнѣ: отправляться на бастіонъ, и притомъ на неопредѣленное время, быть можетъ—до самаго *конца* осады.

Неожиданность эта произошла въ слѣдствіе внезапно полученнаго отъ главнокомандующаго приказанія: отправить на нѣкоторые бастіоны, для усиленія ихъ обороны, нѣсколько легкихъ полевыхъ орудій.

Серьозному своему назначенію я, впрочемъ, очень обрадовался. Давно уже хотѣлось мнѣ находиться на бастіонѣ постоянно. Между про-

чимъ, признаюсь—былъ здѣсь и маленькій расчетецъ съ моей стороны.

Въ городѣ во всякое время могло меня, убить или ранить, безъ всякой пользы; лучше же думалъ я, если уже мнѣ суждено быть убитому, пусть постигнетъ меня эта участь при исполненіи долга, въ первой предъ непріятелемъ линіи, нежели на прогулкѣ, во время сна, или гдѣ и какъ-нибудь еще хуже того.

Подобное моему назначеніе получилъ въ нашей батареѣ, кромѣ меня, еще одинъ офицеръ. Одному изъ насъ приходилось отправляться на Шварца редутъ; другому же къ каземату 5 бастіона. Въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно принято: бросать жребій. Но я рѣшительно отказался какъ отъ жребія; такъ и отъ собственнаго выбора, что весьма любезно предлагалъ мнѣ товарищъ мой. Взамѣнъ его любезности, я также предоставилъ ему право выбора...

— Когда такъ, отправляйтесь же на Шварца редутъ, сказалъ онъ, и пеняйте на самого себя; шутливо отвѣчалъ онъ мнѣ.

Шварца редутъ, дѣйствительно, признавалъ весь Севастополь за весьма опасное мѣсто, но я ни мало не жалѣлъ о томъ, что отказался отъ выбора.

Вообще между военными людьми считается

не хорошимъ дѣломъ напрашиваться куда бы то ни было: у насъ въ Севастополѣ этотъ взглядъ раздѣлялся всѣми. Были даже мистики своего рода, положительно утверждавшіе, что судьба всегда жестоко наказываетъ *напрашивающихся*.

Въ обычный часъ передвиженій войскъ въ Севастополѣ—о сумеркахъ, прибылъ я съ четырьмя орудіями на мѣсто новаго своего назначенія. Вѣренный мнѣ дивизіонъ назначался для обстрѣливанія Шварца-редута, на случай штурма. Траверзъ, на который должно было вскатывать мои орудія, находился у самой горжи редута, на примыкавшей къ нему батареѣ, крайней лѣво-фланговой 5 бастіона, сообщавшейся съ редутомъ посредствомъ блиндированнаго хода.

Выполнивши все, что требовалось сдѣлать тотчасъ же, по приходѣ на бастіонъ, отправился я въ блиндажъ къ командиру батареи, лейтенанту А*, чтобы познакомиться съ тѣмъ, въ чьихъ владѣніяхъ находился я съ моей командою.

Не на одно дежурство собрался я теперь на бастіонъ, а потому не мѣшало поустроиться немного; послѣ чего, обыкновенно, становится какъ-то легче, даже въ самыхъ тяжелыхъ слу-

чаяхъ жизни. Съ переходомъ отъ обыкновенной жизни къ бастіонной, человѣкъ невольно становится мрачнѣе. Съ подобнымъ настроеніемъ, усилившимся во мнѣ еще болѣе по случаю неудавшейся загородной поѣздки, сходилъ я въ блиндажъ, по крутой лѣсенкѣ. Небольшое офицерское отдѣленіе полно было офицеровъ; тамъ пили чай и веселымъ хоромъ, довольно стройно, пѣли какую-то пѣсню: съ перваго разу, казалось, піаліанскую. Прислушавшись, я увѣрился, что это происходило отъ сочетанія въ ней словъ италіанскихъ съ русскими.

Пѣсенка, о которой говорю, была въ большомъ ходу на 5-мъ бастіонѣ и пѣлась довольно часто; впрочемъ, по случайному впечатлѣнію, произведенному сю въ то время на меня, я запомнилъ ее съ разу. Заговоривши о ней, даю мѣсто и ей самой.

Вотъ она:

Полно прясть Chiara mia
Брось свое веретено,
Въ Санъ-Луиджи прозвонили
Къ Ave Maria давно.

У сосѣдняго фонтана
Собрался веселыхъ рой
Всѣхъ Transtewer'скихъ красавицъ,

Лишь тебя нѣтъ, ангелъ мой.
Слышишь — строятъ инструменты,
Всѣ такъ веселы, мой свѣтъ,
Звуки бубна, мандолины,
И бряцанье кастаньетъ.
Поскорѣй, въ нарядъ воскресный,
Нарядись, моя краса;
Что, готова? — О, per Bacco,
Какъ ты дивно-хороша!...

Нечего говорить о томъ, что и пѣсня, и живая ея музыка произвели на меня сильное впечатлѣніе.—Да и вообще говоря, что за диво было человѣку, втянувшемуся въ Севастопольскую жизнь, изнуренному одними и тѣми же, суровыми впечатлѣніями, поддаться обаянію и простенькой пѣсенки, но рисовавшей свѣтлыя картины жизни безмятежной, полной тихихъ радостей и веселья, которыя скорѣе представлялись чѣмъ-то фантастическимъ, нежели обыкновенною дѣйствительностью.

Я напился чаю по радушному угощенію цѣлой компаніи; говорю цѣлой, потому что по незатѣйливости бастіоннаго хозяйства А*, угощать меня пришлось почти каждому: тотъ предложилъ мнѣ свой стаканъ, допивши его, другой далъ чайную ложечку, кто блюдечко, а кто безъ церемоніи наложилъ мнѣ въ стаканъ

сахару, ближе къ нему бывшаго, нежели ко мнѣ; напившись чаю, вышелъ я изъ блиндажа на батарею. Напѣвъ пѣсенки все звучалъ въ моихъ ушахъ, хотя её и перестали уже пѣть; такъ всё и чудилось веселое гулянье, итальянская природа и трастеверянки съ черными волосами. Оглядѣвъ свои орудія и прислугу, въ которой одного человѣка я уже недосчитывался, остановился я у ближней амбразуры, прислонясь къ орудійному станку. Ночь была темная, но тихая. Батарея наша молчала. Всѣ ея орудія, наведенныя какъ для штурма, таили въ своихъ огромныхъ жерлахъ тяжелую картечь; даже скорострѣльныя трубки поставлены были въ запалахъ. Зажженныя фитили, воткнутые въ землю, каждый у своего орудія, свѣтились какъ заостренный и раскаленный уголь; прислуга и прикрытіе бодрствовали на своихъ мѣстахъ.

Было тихо. Лишь изрѣдка залетала непріятельская бомба или ядро, да пропосились пули, то жужжа или тихо гудя, то жалобно завывая, то вдругъ звеня, какъ струна, или отрывисто пощелкивая, попадая во что нибудь твердое. Въ глубинѣ батареи, длинной, тонувшей во мракѣ, вереницей тянулась смѣна прикрытія на Шварца редутъ. Безпрестанно выдѣ-

лялись оттуда темныя фигуры, всё яснѣе и яснѣе опредѣлявшіяся по мѣрѣ приближенія ихъ къ освѣщенному образу, на который, какъ на единственную свѣтлую точку батареи, глаза мои устремлялись сами собою.

Теплящіяся у божницы восковыя свѣчи бросали вокругъ причудливый матовый свѣтъ, полуобрисовывая лишь, на ночномъ фонѣ, энергическія, спокойныя лица подходящихъ молиться солдатъ. Осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, каждый изъ нихъ творилъ краткую молитву, иногда тихо, иногда во весь голосъ, а потомъ задумчиво отодвинувшись назадъ, совершенно терялся во мракѣ.

Вѣроятно я былъ свидѣтелемъ не одной послѣдней молитвы, не одной исповѣди. Многіе изъ тѣхъ, кто появлялся теперь на свѣтломъ кругу, образованномъ слабыми лучами теплящихся у образа свѣчей, многіе должны были исчезнуть, за эту ночь, съ лица земли, и пропасть для цѣлаго свѣта, какъ пропадали они предо мною, отходя въ темноту отъ свѣтлаго круга. Долго глядѣлъ я на мелькавшіе предо мною закалённыя серьозныя лица защитниковъ Севастополя; вдругъ возлѣ меня раздались такія слова:

«А вѣдь здѣсь не ладно — кабы того...»

Затѣмъ говорившій выразительно крякнулъ.—Я оглянулся: близь меня, на поворотной платформѣ того же орудія, у котораго я стоялъ, сидѣлъ матросъ, раскуривая трубочку.—«А что такое?» спросилъ я его оглядываясь.

«Да вонъ какъ садитъ пули-то; этта абразура, значитъ, не хорошее мѣсто.» И я дѣйствительно услышалъ частое пощелкиваніе въ амбразурѣ, и по занавѣсившему её тросовому щиту *. Прежде я полагалъ, что тамъ копошатся рабочіе.

— А вотъ ты же сидишь, замѣтилъ я матросу.

«Мы вѣдь здѣшніе...» возразилъ онъ, преспокойно продолжая себѣ кейфовать, съ трубочкой во рту. — Въ это самое время подошелъ ко мнѣ А*, и съ первыхъ словъ также предупредилъ меня, что я стою не на *хорошемъ* мѣстѣ.—На этотъ разъ я инстинктивно отодвинулся отъ амбразуры.

— Здѣсь у меня бомбическое, добавилъ А*, такъ французъ и зарится подбить мнѣ его; и

* Щиты эти сплетены были изъ корабельныхъ веревокъ (тросу.) Занавѣшивая ими амбразуры, защищались отъ штуцернаго огня, весьма губительнаго; въ особенности въ послѣдній періодъ осады.

ночью часто стрѣляетъ по немъ , думая , что мы починяемся. Вчера вотъ , продолжалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія: лучшаго комендора моего прихлопнуло на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ вы прежде стояли. Да, частенько похлопываетъ здѣсь, прибавилъ онъ.

Лейтенантъ А* былъ средняго роста, прекрасно сложенный, молодой и очень красивый собою брюнетъ. Впрочемъ, постоянная жизнь на бастіонѣ, гдѣ онъ находился съ самаго начала осады, разрушительно на него дѣйствовала: А* похудѣлъ, пожелтѣлъ, словомъ опустился. Немного походивши вмѣстѣ по батареѣ, мы разошлись: А* пошелъ осматривать работы, на своей батареѣ, я же въ блиндажъ. Никого тамъ не было. Не смотря, что А* самъ, безъ моей просьбы, пригласилъ меня раздѣлить съ нимъ его помѣщеніе , я , лучше теперь осмотрѣвши блиндажъ, призадумался о возможности воспользоваться радушнымъ его приглашеніемъ. Двѣ кровати, между которыми стоялъ въ головахъ небольшой столикъ , занимали все пространство. Надъ одною висѣла флотская полусабля съ «Анной за храбрость»; надъ другою пѣхотная , съ тѣмъ же украшеніемъ. Очевидно, съ А* помѣщался еще кто-то , и вторая кровать не гуляла.

— Викторъ Александровичъ! Викторъ Александровичъ здѣсь?.. прокричалъ кто-то сверху входа; и не дожидаясь отвѣта, тяжело и шумно сбѣжалъ по лѣсенкѣ. Это былъ мичманъ П*, помощникъ А*, очень молодой человѣкъ, еще безусый, но полный, высокій и очень недурный собою. Я уже познакомился съ нимъ, при первомъ моемъ приходѣ въ блиндажъ.

— Знаете-ли что, обратился онъ ко мнѣ, не хотите ли помѣститься со мною; я живу отдѣльно, здѣсь, на этой же батареѣ. Третьяго дня убило кондуктора, который жилъ со мною, такъ вотъ на его мѣсто и милости просимъ.—Я искренно поблагодарилъ его за приглашеніе, которому, признаться, очень обрадовался. Даже, грѣшный человѣкъ, не сильно пожалѣлъ о убитомъ. Сейчасъ же П* повелъ меня осмотрѣть общее наше жилище. Оно было въ родѣ конуры, и состояло изъ двухъ отдѣленій, тѣсныхъ и низкихъ до того, что ходить въ нихъ надо было припагнувшись. Въ первомъ, у внутренней стѣны, на лавкѣ, постлана была постель П*; на супротивъ ее стоялъ столикъ; во второмъ же, кромѣ необходимаго мѣста для прохода, все пространство занимали двѣ лавки, приложенныя у смежныхъ

стѣнъ. Одна изъ этихъ лавокъ и назначалась въ мое владѣніе. Другая же принадлежала кондуктору, завѣдывавшему письменной частью батареи. Это второе отдѣленіе, не смотря на чрезвычайно малый размѣръ его, поддерживалось внутри двумя столбиками, поддерживавшими досчатый потолокъ, удерживавшій насыпь траверза. Сквозныя окошечки, прорѣзанныя въ наружной стѣнкѣ каждаго отдѣленія, служили для пропуска свѣта и воздуха.

Немедля велѣлъ я застлать свою лавку принесеннымъ съ квартиры принадлежностями моей постели, и съ удовольствіемъ улегся на ней, размышляя о треволненіяхъ кончающаго дня. П' куда-то ушелъ; моего сожителя, кондуктора Севастопольской инженерной команды, также не было. Уже дремота начала одолѣвать меня. Вдругъ я невольно соскочилъ и инстинктивно началъ разстегиваться. Казалось, тысячи булавокъ прогуливались по мнѣ. Въ первую минуту я не могъ даже хорошенько сообразить весьма простой тому причины. Судорожно зажегши свѣчу, отдернулъ я свое одѣяло и моя догадка оправдалась совершенно: предо мною запрыгала, заскакала цѣлая орда такъ называемыхъ *черкесовъ*.

— Викторъ Александровичъ приказали про-

сить васъ къ нимъ на ужинъ-съ,—басомъ проговорилъ кто-то возлѣ, почти испугавши меня. Я оглянулся, все держа еще въ рукахъ свѣчу, и увидѣлъ усатую, обросшую густыми бакенбардами физіономію какого-то матроса. «Кто такой Викторъ Александровичъ?» съ досадой спросилъ я его.—«Командиръ нашей батареи—лейтенантъ А*,» опять пробасилъ тотъ-же лѣсъ волосъ, казавшійся теперь немного удивленнымъ. — «Хорошо, сейчасъ буду, отвѣтилъ я, и переодѣвшись, отправился въ блиндажъ къ А*. Скажу кстати, что матросы не величали своихъ офицеровъ: «его благородіемъ», а просто звали по имени и отечеству.

Вся ужинающая компанія была въ сборѣ, ждали только меня. О постигшемъ меня на новосельи сюрпризѣ, умолчать я не смогъ, и повѣдалъ предъ всѣми свое горе, вызвавшее единодушный веселый смѣхъ. «Вы, вѣроятно забыли посыпать вашу простыню персидской ромашкой,» замѣтилъ мнѣ наконецъ А*. Дѣйствительно, мнѣ, которому доводилось, во время дежурствъ своихъ на бастіонѣ, почевать постоянно на чужихъ, устроенныхъ уже постеляхъ, не пришло въ голову остеречься отъ внутренняго врага бастіоновъ, донекавшаго здѣсь хуже пуль. Въ пользу мою тотчасъ же

была сдѣлана складчина, и меня вдоволь снабдили спасительнымъ персидскимъ снадобьемъ. До самаго разсвѣта никто не ложился спать. Мы, съ П*, съиграли между прочимъ въ шахматы. А* составилъ партію въ преферансъ. Уже въ четвертомъ часу утра разбрелись мы на покой. Не раздѣваясь, какъ и всѣ, по общепринятому обыкновенію на бастіонахъ, заснулъ я уже спокойно на своемъ ложѣ, и проспулся на другой день лишь въ десять часовъ утра. Мнѣ кажется, я проспалъ бы еще болѣе, еслибъ не разбудилъ меня одинъ изъ моихъ взводныхъ фейерверкеровъ, докладывавшій о только-что подбитомъ орудіи непріятельскою бомбою; двое моихъ солдатъ были ранены.

Подъ вечеръ посѣтилъ нашу батарею адмиралъ Нахимовъ, часто обходившій бастіоны. Всегда твердый, спокойный, какъ ангелъ-утѣшитель являлся онъ морякамъ, готовымъ въ огонь и въ воду, по одному мановенію своего отца-адмирала. Вліяніе Нахимова на матросовъ было неограниченное. Въ него вѣровали они, и мощный рычагъ для нихъ былъ: слово Нахимова. Во время мартовскаго бомбардированія, въ одинъ день, непріятель особенно сильно сталъ громить 4-й бастіонъ: всего *развороталъ*, какъ поразительно вѣрно выражались моряки.

Донесли Нахимову, что нѣтъ силъ исправить поврежденія. Онъ тотчасъ пріѣхалъ туда самъ.

— Что это за страмъ-съ! съ гнѣвомъ обратился онъ къ матросамъ:—шесть мѣсяцевъ-съ учатъ васъ подъ огнемъ строиться и исправляться. Пора бы-съ приноровиться, сметку имѣть.

— Ради стараться!... Будетъ сдѣлано! дружно вскричали матросы, у которыхъ всё закипѣло. И дѣйствительно, они исполнили почти невозможное.

Не забуду также слѣдующаго случая, которому я самъ былъ свидѣтель.

26-го мая, въ то время, какъ непріятель бросился на штурмъ редутовъ и Камчатскаго люнета, одна матроска, стоя у дверей своего домика; на взрыдъ плакала.

— Чего, баба, разревѣлась... спросилъ ее проходившій матросъ.

— О-о-охъ! сердешный ты мой, какъ не плакать-то головушкѣ моей бѣдной, сынокъ-то мой на Камчатскомъ! а вишь ты... што тамъ за страсти!...

— Ээ... баба! Да вѣдь и Нахимовъ тамъ.

— И вправду! Ну, слава-жъ тѣ Господи! проговорила матроска, будто оживившись и крестяся весело.

На видъ, Павелъ Степановичъ былъ угрюмъ и серьозенъ, особливо во время осады Севастополя. Рѣчь его была отрывиста, но вмѣстѣ ясна и опредѣлительна. Иногда одного мѣткаго слова его достаточно было, для уразумѣнія самаго сложнаго обстоятельства. Одѣтъ онъ былъ теперь, по обыкновенію, въ сюртукѣ съ эполетами и Георгіемъ. Адмиралъ былъ выше средняго роста, но держался немного сутуловато. Сложенный плотно; лицомъ румяный, онъ казался совершенно здоровымъ, въ сущности же Павелъ Степановичъ страдалъ, какъ отъ давнишняго своего недуга, такъ и отъ контузіи *, полученной имъ въ Севастополѣ, о которой онъ не хотѣлъ и думать и только разъ какъ-то проговорился.

Всѣ матросы радостно высыпали на встрѣчу своего любимаго адмирала. Въ то время, когда адмиралъ проходилъ по нашей батареѣ, непріятельское ядро подбило одно орудіе; двадцати-четырехъ фунтовую пушку-карронаду, стоявшую на кремальерѣ; Нахимовъ тотчасъ же подошелъ къ ней и приказалъ снять запавѣсившій амбразуру щитъ. Одинъ изъ матро-

* 26 мая, во время штурма редутовъ и Камчатскаго люнета, Нахимовъ былъ контуженъ осколкомъ бомбы въ спину.

совъ , работавшихъ около подбитаго орудія , тотчасъ же полѣзъ исполнять приказаніе , но снялъ напередъ фуражку предъ адмираломъ.

— Я ему дѣло говорю дѣлать, а онъ-съ фуражку ломаетъ, съ досадой сказалъ Нахимовъ. А все-таки молодецъ, прибавилъ адмиралъ, видя, что матросъ , не смотря на посыпавшіяся на него пули , сталъ снимать щитъ со стороны непріятеля. Со вниманіемъ осмотрѣвши направленіе амбразуры и позицію непріятеля, адмиралъ пошелъ далѣе , сказавши ласково матросу: когда дѣло велятъ дѣлать , пустяками заниматься нечего-съ.

Съ 3-го іюня непріятель открылъ канонаду по лѣвой половинѣ нашей оборонительной линіи; у насъ же на правой половинѣ все было спокойно. Даже обычная перестрѣлка шла очень вяло. Вотъ уже 4-е и 5-е іюня, огонь на лѣвой половинѣ все не прекращается , а у насъ все тишина. Начиная съ перваго іюня, всѣ дни стояла сильная жара; въ особенности 5-го. Солдаты и матросы лѣниво дремали, прикурнувши гдѣ кто могъ, подъ тѣнью. Только и раздавался на батареѣ голосъ сигнальнаго, изрѣдка лѣниво прокрикивавшаго: пу-у-шка, а еще лѣнивѣе: ма-а-ркс-ла. Казалось, сама смерть за-

лѣнилась; и на нашей батареѣ, пока, не было ни одного убитаго.

Пробило три часа по полудни. Я читалъ одинъ изъ нашихъ журналовъ, сидя у входа въ своей блиндажикъ, на картечи для бомбоваго орудія. П* также сидѣлъ возлѣ, и то тянулъ лимонадъ чрезъ соломинку, съ наслажденіемъ, то напѣвалъ любимую свою: «La donna e mobile»... Комендоръ, родомъ изъ татаръ, по-прозванію Шамай, сообщалъ мичману свои похожденія въ городѣ, гдѣ онъ отбывалъ какой-то изъ своихъ магометанскихъ праздниковъ, и откуда только что вернулся. По площадкѣ батареи важно прохаживался рьяный пѣтухъ, изрѣдка гонявшійся за двумя-тремя курицами, принадлежавшими, какъ и онъ, къ хозяйству офицеровъ. На доскѣ, у большаго блиндажа, грѣлся на солнцѣ котъ, жмуря глазами. Мухи смертельно надоѣдали, зарясь и на насъ всѣхъ, и на пѣтуха съ его гаремомъ, и на самаго кота, который, скалясь, щелкалъ иногда зубами, какъ собака, желая поймать особенно докучавшую ему муху. Зной нагонялъ такую тоскливую лѣнь, что, казалось, и выстрѣлъ лѣниво звучалъ, и бомба просвистывала лѣниво; лѣниво стрѣляли штуцера; летали лѣниво пули.

Вдругъ отъ непріятеля изъ лощины, ударп-

ли три раза картечью по нашей батареѣ и, какъ по сигналу, началась страшная канонада. Декораціи перемѣнились! Въ мигъ все было у насъ по мѣстамъ. Бомбовое орудіе, находившееся близъ нашего блиндажика, рявкнуло первымъ, за нимъ прогрохотали прочія орудія; далѣе подхватила слѣдующая батарея, принялъ весь 5-й бастіонъ, за нимъ слѣдующій, далѣе-далѣе и весь Севастополь задымился, загудѣлъ, затрясся. Первыя минуты бомбардированія всегда бывали особенно гибельны.

Комендоръ Шамай, за минуту передъ тѣмъ весело балагурившій съ мичманомъ, былъ убитъ въ шагѣ отъ меня первымъ же непріятельскимъ ядромъ, влетѣвшимъ на батарею; оно вырвало ему грудь. Еще одно ядро, ворвавшееся въ ближайшую амбразуру, на-повалъ убило двухъ солдатиковъ.

Въ это самое время кто-то судорожно схватилъ меня за руку, я оглянулся, предо мною стоялъ товарищъ мой, назначившій себѣ стоянку у каземата 5-го бастіона. Онъ былъ чрезвычайно блѣденъ, но спокоенъ. Я полагалъ уже, что онъ сильно раненъ, не объясняя себѣ блѣдность его ни чѣмъ инымъ, потому что онъ дѣйствительно былъ храбрѣйшій человѣкъ. Въ этихъ мысляхъ хотѣлъ я уже спросить его,

куда онъ рашенъ; но онъ предупредилъ меня, первый начавши говорить. «Я пришелъ проститься съ вами, сказалъ онъ мнѣ, особенно страшно произнося слово: «проститься»; — я отправляюсь со своими орудіями на Малаховъ-Курганъ... Прощайте же однако, меня ждутъ... пора...» торопливо сказалъ онъ, и поцѣловавшись со мною, что также было довольно необыкновенно съ его стороны, скорыми, но твердыми шагами пошелъ отъ меня и скоро скрылся въ свирѣпствовавшемъ вокругъ хаосѣ огня, дыма и пыли.

Выбравши себѣ удобное и по возможности прикрытое мѣсто, я сталъ наблюдать за полётомъ снарядовъ и, по просьбѣ лейтенанта, присматривать за порядкомъ. Въ прицѣливаніе я не вмѣшивался, потому что камендоры сами отлично наводили свои орудія, зная ихъ въ совершенствѣ. Болѣе обращалъ я вниманіе на пальбу разрывными снарядами, какъ требующую тщательнаго заряжанія и которая, конечно, не могла быть хорошо знакома морякамъ во всѣхъ ея тонкостяхъ. Безъ труда различилъ я, что бомбовыя орудія батареи дѣйствовали удивительно. Они стрѣляли рѣдко, но за то каждый ихъ выстрѣлъ попадалъ въ цѣль и сильно вредилъ непріятелю. Выстрѣлами изъ

нихъ, на моихъ глазахъ, совершенно были разрушены одна за одной четыре непріятельскія амбразуры, которыя тотчасъ же и были заложены Французами. Отличительная черта настоящаго ночьскаго бомбардированія состояла въ сильномъ вертикальномъ огнѣ, при слабой только поддержкѣ прицѣльнаго, — слабой сравнительно съ прочими бомбардированіями.

Къ вечеру подплылъ къ Александровской батареѣ англійскій пароходъ-фрегатъ, стрѣлявшій залпами по рейду и городу, съ цѣлью, вѣроятно, поражать наши резервы. По ракетѣ съ этого парохода-фрегата, большинство непріятельскихъ батарей давало по городу мортирный залпъ, въ совокупности съ залпомъ цѣлымъ бортомъ фрегата. Ракеты боевыя, и съ зажигательнымъ составомъ, цѣлую ночь безпрестанно были бросаемы въ городъ, въ огромномъ количествѣ. Бомбардированіе стоило звать адскимъ, но рѣшусь сказать, со стороны непріятеля оно было ошибочно въ томъ смыслѣ, что, какъ вспомогательное средство для штурма, оно не могло ему принести выгодныхъ результатовъ.

Съ октябрьскаго бомбардированія по мартовское, непріятель удостовѣрился, что вредить севастопольскому гарнизону безнаказанно можно

вертикальнымъ огнемъ по небольшему числу мортиръ въ Севастополѣ. Усилившись мортирами въ мартовское бомбардированіе, непріятель имѣлъ ощутительный перевѣсъ надъ нами: мы теряли несоразмѣрно много людей. Съ этого времени стало замѣтно у союзниковъ рѣшительное преобладаніе навѣснаго огня надъ прицѣльнымъ. Вѣроятно, непріятель хотѣлъ поколебать этимъ стойкость гарнизона.

Поощряемый свѣдѣніями о нашей потерѣ людьми, непріятель еще болѣе увеличилъ количество мортиръ къ настоящему іюньскому бомбардированію, и оно, главнымъ образомъ, состояло изъ вертикальнаго огня. Но если цѣль бомбардированія должна была заключаться не въ одномъ истребленіи нѣсколькихъ тысячъ народа *, но въ скоромъ обезоруженіи верковъ, въ приведеніи ихъ въ негодность къ рѣшительной минутѣ штурма, то она далеко не выполнила своего назначенія. Въ предштурмной бомбардировкѣ; притомъ кратковременной, какова была настоящая, перевѣсъ вертикальнаго огня былъ совершенно неумѣстенъ. Для

* Тѣмъ болѣе, что цифра севастопольскаго гарнизона, при небольшомъ колебаніи, постоянно была одинакова, по случаю возможности безостановочнаго пополненія убылыхъ.

пораженія брустверовъ необходимы длинныя орудія; дѣйствуя изъ нихъ, можно только разсчитывать сбить орудія, разрушить амбразуры, засыпать ровъ. Тогда навѣсный огонь удвоиваетъ свою пользу: поражая войска, онъ мѣшаетъ починять верки.

3-го и 4-го іюня полки наши таяли подъ страшнымъ мортирнымъ огнемъ непріятеля, но укрѣпленія повреждались мало, или по-крайней-мѣрѣ на столько, что была возможность исправить ихъ за ночь.

5-го прицѣльный огонь чрезвычайно усилился въ связи съ навѣснымъ, такъ-что многіе бастіоны были сильно повреждены; но это положеніе продолжалось лишь до вечера. Со времени же открытія огня съ непріятельскаго парохода-фрегата, подошедшаго къ Александровской батареѣ на пушечный выстрѣлъ, союзныя батареи сосредоточили свой огонь большею частью по городу. Цѣлыя тучи бомбъ, ракетъ, калсныхъ ядеръ преимущественно перелетали черезъ бастіоны, падали въ Корабельную слободку, морской госпиталь, Екатерининскую улицу, Театральную и Николаевскую площади.

Словомъ непріятель не напрягъ всѣхъ своихъ усилій противъ самихъ бастіоновъ, а увлекшись мыслью поражать наши резервы, далъ

намъ возможность исправить наши поврежденія въ ночь на 6-е іюня.

Весьма также полезно было для насъ предусмотрительное распоряженіе начальника артиллеріи Севастополя, полковника Шейдемана (нынѣ генералъ-маіоръ), приказавшаго, видя ошибочное направленіе бомбардированія отвѣчать на огонь непріятеля по возможности рѣдко, отодвигая орудія къ мерлонамъ. Чрезъ это непріятель также вдался въ ошибку, полагая, что наши орудія подбиты имъ, и мы оттого слабо ему отвѣчаемъ *.

Предъ началомъ штурма непріятель прекратилъ канонаду по лѣвой половинѣ совершенно. Это была огромная ошибка, тѣмъ болѣе важная, что разстояніе отъ непріятельскихъ траншей до рва нашихъ бастіоновъ всюду было не менѣе 100 саженъ. Вмѣсто того, чтобъ штурмовать подъ впечатлѣніемъ усиленной канонады, по давши своимъ орудіямъ бо́льшій уголъ возвышенія, такъ что снаряды его стали бы падать въ городъ далеко за бастіонами, непріятель мгновенно прекратилъ огонь. Маневръ этотъ не могъ провести севастопольцевъ. Притомъ же за часъ до штурма, находившійся въ

* Bazancourt: L'expedition de Crimée.

ескретѣ, предъ бастіономъ № 1-го, генералъ-адъютанта князя Горчакова полка подпоручикъ Хрущовъ далъ знать, что весьма значительныя части непріятельскихъ силъ сосредоточены въ Киленъ-балочномъ оврагѣ.

Въ слѣдствіе этого, войска наши, занимавшія бастіоны, приготовлены были къ занятію предварительно опредѣленныхъ имъ мѣстъ. Всё говорило, что непріятель готовится на штурмъ; къ каждому утру мы всегда готовы были къ штурму и ждали его съ нетерпѣніемъ.

Въ ночи бомбардированіе на самыхъ бастіонахъ, какъ я замѣчалъ, уже немного поутихло—по-крайней-мѣрѣ ослабился прицѣльный огонь. Усталый, избитый каменьями, разлетавшимися во всѣ стороны при каждомъ почти ударѣ ядра, я немного задремалъ, сидя въ блиндажѣ у А*. Нашъ же съ П* блиндажикъ совершенно разрушила лахматка, *разрывшаяся* притомъ, какъ послѣ оказалось, на моей постелѣ и сщо на подушкѣ. Только что я началъ немного забываться, какъ кто-то сталъ будить меня; я тотчасъ вскочилъ. Предо мною стоялъ одинъ изъ фейерверкеровъ моего дивизіона и передалъ мнѣ только что полученное приказаніе отъ нашего батарейнаго командира отправляться мнѣ на Малаховъ-Курганъ.—Да вѣдь тамъ ***,

возразилъ было я, вспомня о товарищѣ, который приходилъ ко мнѣ въ началѣ бомбардированія попрощаться. «Ихъ благородіе изволили-съ Богу душу отдать, прервалъ меня фейерверкеръ. Въ лѣвой бокъ ядромъ хватило-съ, ажно сабля-съ ин вѣсть гдѣ дѣлась», заключилъ онъ, крякнувъ и, повернувшись налѣво-кругомъ, вышелъ на верхъ. Довольно счастливо; безъ особенной потери, пробрался я на Малаховъ-Курганъ, на указанную батарею и, явившись къ начальнику отдѣленія, капитану 1-го ранга Керну, тотчасъ же размѣстилъ свои орудія на заранѣе приготовленныхъ барбетахъ.

Корниловскій бастіонъ имѣлъ почти овальное очертаніе. Большимъ своимъ діаметромъ подавался онъ къ корабельной сторонѣ и къ непріятелю. Укрѣпленіе это было сомкнутое и окруженное со всѣхъ сторонъ рвомъ и брустверомъ долговременныхъ профилей (по-крайней-мѣрѣ очень большихъ). Внутренность бастіона изрѣзана была траверзами для защиты отъ продольныхъ выстрѣловъ непріятеля, облегающаго бастіонъ почти полукружіемъ. Большая часть изъ этихъ траверзовъ служила также и блиндажами для матросовъ и прикрытія; между ними оставались довольно узкіе проходы. Отъ гласисной ба-

тарси * до развалинъ башни было открытое пространство, такъ называемая *чёртова* площадка. Мѣстность позади бастіона, къ городу, спускалась еще круче, нежели къ сторонѣ непріятеля. Корниловскій бастіонъ былъ тѣмъ замѣчателенъ, что, кромѣ командованія городомъ, командовалъ еще надъ всѣми верками корабельной стороны.

Вотъ уже третій часъ утра въ началѣ! Непріятель сталъ бить залпами. Молва о штурмѣ неясно стала носиться по бастіону. Распоряженія начальства быстро слѣдовали одно за другимъ. Орудія заряжены были картечью и наведены. Прикрытіе зорко сторожило за непріятелемъ на банкетахъ. «Хозяинъ» Малахова-Кургана, капитанъ 1-го ранга Керинъ, наблюдалъ за каждымъ уголкомъ своего грознаго хозяйства и, просто, не сходилъ съ банкета. Его энергическія распоряженія въ особенности оказались дѣйствительными для исправленія поврежденій на Курганѣ, причиненныхъ за ночь. При работахъ въ одной амбразурѣ перемѣнп-

* Двухъ-ярусная башня, построенная на Малаховомъ-Курганѣ, имѣла круглый гласисъ, почему передняя часть Корниловскаго бастіона, построенная на этомъ мѣстѣ, получила полукруглое очертаніе и сохранила названіе: *батареи гласиса.*

лись три смѣны рабочихъ, но всё же амбразура была исправлена. Керн самъ присутствовалъ при этой работѣ. Я нарочно вслушивался въ разговоры солдатъ, чтобъ узнать ихъ мысли насчетъ ожидаемаго штурма, они съ охотой ждали его и общее ихъ мнѣніе было такое: «колп идти *ему* на штурму, такъ уже пускай идетъ поскорѣй»; причемъ энергически поругивали *его* за трусоватую медленность. Что до меня, то какая-то неестественно судорожная радость овладѣвала мною. Я былъ какъ бы въ ожиданіи какого-то празднества и находился въ крайне напряженномъ состояніи,—подъ впечатлѣніемъ грознаго величія ожидаемой страшной, кровавой развязки, къ которой съ обѣихъ сторонъ готовились столько времени! О смерти же и въ мысляхъ не было! лишь отъ внутренняго, невольнаго волненія вдругъ, порой, какъ электрическій токъ, пробѣгала по всему составу моему нервическая дрожь.

Разсвѣтъ уже брежжилъ; третій часъ былъ въ исходѣ. Въ Севастополѣ благовѣстили къ заутренѣ. Вдругъ сверкнула заря! и огненный снопъ бомбъ поднялся изъ бывшаго Камчатскаго люнета. Въ тотъ же мигъ заигралъ рожокъ у непріятеля и принятый сигналъ мгновенно пронесся по всѣмъ непріятельскимъ тран-

шсямъ вокругъ нашей линіи. Не успѣлъ еще отзвучать послѣдній рѣзкій тонъ его, какъ уже начался штурмъ!...

Ревъ орудій и заливавшаяся трескотня ружейной пальбы слились въ одинъ непрерывный, ужасающій вой-гулъ. Прикрытіе, стоявшее по банкетамъ въ три шеренги, вскочило на бруствер, мгновенно выросши на немъ грозной, оплотной стѣною, и безъ крика «ура», въ мертвомъ молчаніи, открыло убійственный огонь. Это движеніе было такъ обще, такъ единодушно, что и я также вскочилъ на брустверъ съ банкета, на которомъ стоялъ въ то время. «Картечь» невольно скомандовалъ я въ тотъ же мигъ своимъ орудіямъ, быстро соскакивая къ нимъ. На всемъ протяженіи непріятельскихъ траншей передъ Малаховымъ-Курганомъ, быстро двигалась густая, чернѣвшаяся лавина штурмующаго непріятеля. Офицеры, съ саблями на-голо, бѣжали впереди. Впечатлѣніе было поразительное! казалось, сама земля породила всѣ эти бурныя полчища, въ одно мгновеніе густо усѣявшія совершенно пустынное до того времени пространство. Мнѣ помнится, что многіе поэты сравниваютъ разныя сраженія съ напоромъ волнъ, разбивающихся объ утесы; — сравненіе совершенно подходитъ къ настоящему

случаю. Громада непріятелей дрогнула, взволновалась на одномъ мѣстѣ, будто закипѣла на нѣсколько мгновеній, и вдругъ, отхлынула назадъ, причемъ огонь нашъ, въ особенности ружейный, увеличился до невѣроятной степени. Смѣшавшійся непріятель отступилъ въ доковую балку и въ свои траншеи, гдѣ устроясь вновь, два раза пытался подойти ко рву бастіона, но два раза происходила съ нимъ таже остановка, тоже колебаніе на мѣстѣ и потомъ быстрое отступленіе. Приведенный въ совершенное разстройство, онъ бѣжалъ въ свои траншеи. Нѣкоторые изъ непріятелей зарвались, конечно, въ своемъ стремленіи до самаго рва бастіона, но подобные смѣльчаки были или перебиты, или забраны въ плѣнъ.

Въ то самое время, когда непріятель дрогнулъ, капитанъ 1-го ранга Керн случился вблизи меня съ какими-то двумя офицерами и генераломъ. «Теперь, ваше превосходительство, я совершенно спокоенъ, сказалъ онъ, обращаясь къ генералу:—непріятель ничего уже не сдѣлаетъ намъ, хотя бы онъ бросался еще нѣсколько разъ, что вѣроятно и исполнитъ. А мы, продолжалъ онъ, напьемся чаю въ антрактахъ. Эй! вели ставить самоваръ!» приказалъ онъ одному изъ своихъ ординарцевъ.

И дѣйствительно, къ третьей непріятельской атакѣ, я увидѣлъ Керна на банкетѣ со стаканомъ горячаго чая: капитанъ преспокойно попивалъ его, куря сигару и одобряя порой солдатъ.

Не буду описывать въ подробности все виднное и перечувствованное мною въ этотъ страшный день 6 іюня. Во-первыхъ, впечатлѣнія мои какъ-то смутны, вѣроятно потому, что новость и поражающая грандіозность зрѣлища поглотили меня всего, и при всей жаждѣ боя, при всемъ желаніи наблюдать, сдѣлали меня неспособнымъ къ правильному наблюденію. Сверхъ того, надо было глядѣть за своими орудіями, за своей прислугой,—мысль о тяжкой отвѣтственности отбивала охоту глядѣть по сторонамъ. Помню только гулъ и трескъ повсюду, волны непріятеля, нѣсколько разъ подбѣгавшія почти ко рву укрѣпленія, пыль и дымъ направо и налѣво, тревожные, на лету схваченные и неизвѣстно кѣмъ переданные слухи о томъ, что Французы прорвались за батарею Жерве, что генералъ Хрулевъ выбиваетъ ихъ оттуда, что непріятельскія колонны залегли во рву втораго бастіона.... Всего переслушать было нѣкогда, нѣкогда даже было глядѣть по направленію къ другимъ бастіонамъ.

**

Мнѣ кажется, что подобной напряженной работы, подобныхъ нервныхъ колебаній, человѣку не подъ силу долго выдерживать. Къ счастью, кризисъ длился не долго.

Въ шесть часовъ утра приступъ былъ отраженъ на всѣхъ пунктахъ; около полудня, огонь осаждающаго стихъ на всей линіи. Мы отдохнули. Радостное чувство овладѣло всѣми, послѣдній солдатъ, изъ числа тóлько-что прибывшихъ въ Севастополь, понималъ, что всѣмъ намъ довелось совершить что-то необыкновенное. На курганъ прибыло много лицъ съ сосѣднихъ укрѣпленій; разспросы, разсказы, анекдоты, замѣчанія о штурмѣ слышны были повсюду. Кто разсказывалъ о томъ, какъ Хрулевъ молодецки крикнулъ ротѣ Севскаго полка: «благодѣтели, за мною!» Кто описывалъ, во всей кровавой подробности, рукопашный бой въ домикахъ и развалинахъ за батареей Жерве, кто сообщалъ исторію о томъ, какъ нѣсколько пьяныхъ Французовъ, убѣжденныхъ въ томъ, что Севастополь уже взятъ, было схвачено нашими матросами въ одномъ изъ этихъ домиковъ. Больше я ничего не слыхалъ, потому что отъ изнеможенія заснулъ, самъ не помню, гдѣ и какъ. Помнится, что я заснулъ превосходно, передъ усыпленіемъ, у меня мелькала

въ головѣ мысль: «все кончено, осада будетъ снята и мы отдохнемъ на славу.»

На другой день, въ шесть часовъ вечера, было перемиріе для уборки тѣлъ. Непріятель убиралъ своихъ убитыхъ до поздняго вечера, но все же не могъ убрать всѣхъ тѣлъ и просилъ насъ, чтобы тѣ тѣла, которыя остались вблизи нашихъ укрѣпленій, были погребены нами.

И такъ, давно жданный штурмъ Севастополя совершился, покрывши достойною славою его защитниковъ. Какъ молнія, понеслась радостная вѣсть о томъ къ Государю! По цѣлому свѣту, на землѣ и подъ водою, оживились, заговорили о ней всѣ телеграфы, разнося грозную, заслуженную славу Севастополя.

ТЕТРАДЬ СЕДЬМАЯ.

Движеніе непріятеля послѣ 6-го іюня. — Генералъ Тотлебенъ раненъ.—Я возвращаюсь на прежній свой постъ у Шварца-редута.—Жизнь на бастіонѣ.—Пріѣздъ въ Севастополь высокопреосвященнаго Иннокентія.—Смерть Нахимова.—Энергическое движеніе непріятельскихъ осадныхъ работъ и наше противодѣйствіе онымъ.—4-е августа.—Новое бомбардированіе. —Открытіе моста черезъ бухту.—Я возвращаюсь съ бастіона къ своей батареѣ — Перемѣны въ городѣ.— Волонтеръ: отставной маіоръ Л.—Два дня на сѣверной сторонѣ.—Послѣднее трехъ-дневное бомбардированіе, съ 24-го по 27-е августа.—Ополченцы.—26-е августа.—Непріятельскія метательныя мины.—Краткій обзоръ штурма 27-го августа. — Наши войска оставляютъ южную сторону Севастополя.

Послѣ знаменитаго дня 6-го іюня, непріятель, постепенно ослабляя свою канонаду , замолкъ почти совершенно. Въ Севастополѣ опять настала тишина , вплоть по 25-е іюня. Снова осаждающій и осажденный дѣятельно принялись за работы по устройству укрѣпленій и возведенію новыхъ батарей.

Шестое іюня вполнѣ убѣдило союзниковъ, что разсчитывая на успѣшный штурмъ нашихъ верковъ, необходимо близко пододвинуться къ нимъ. И надо отдать справедливость, созники выполнили это трудное движеніе съ рѣшимостью, большимъ упорствомъ и блистательною храбростью.

Французы начали подвигаться отъ своихъ прежнихъ работъ впереди Камчатскаго люпста и спускаться къ лощинѣ, проходящей между нимъ и Малаховымъ Курганомъ.

Англичане подавались впередъ, направляя свои работы на засѣки впереди 3-го бастіона и распространяя ихъ вправо и влѣво.

Спустя два дня послѣ штурма, къ общему сожалѣнію, былъ раненъ генералъ-маіоръ Тотлебенъ, штуцерною пулею на вылетъ въ мякоть правой ноги, четвертью ниже колѣна.

Профессоръ Гюббенетъ, пользовавшій Тотлебена, предложилъ ему скорѣе выѣхать изъ города. Но генералъ рѣшительно отказался. Тогда пріѣхалъ къ нему самъ главнокомандующій, и только послѣ усиленныхъ настояній, заставилъ его выѣхать въ хуторъ г. Сарандинаки, на р. Бельбекѣ.

Послѣ штурма, въ тотъ же самый день, къ вечеру, я возвратился на прежній свой постъ

у Шварца редута. Лейтенанта А* нашелъ я, къ моему удовольствію, цѣлымъ и почти невредимымъ; *почти*, потому что онъ былъ легко контуженъ въ руку, обстоятельство, на которое въ Севастополѣ не обращалось вниманія. Даже раненые, и подъ часъ сильно, оставались на бастіонѣ. «Ничего, присохнетъ», говаривали въ особенности матросы. «А вотъ, прибавляли они, ежели, оборони Богъ, руку, али, тамъ, ногу отхватитъ, ну, тогда, шабашъ! лечи дохтуръ». Много разъ случалось мнѣ слышать это *лечи дохтура!* прислушиваясь къ солдатскимъ бесѣдамъ.

И такъ, А* задѣло немного. За то П* былъ «весель и здоровъ.»

Батарея также приняла свой обычный видъ, лишь прислуга орудійная, да прикрытіе переменилось; нѣкоторыхъ людей, нѣсколькихъ жизней не стало; а впрочемъ, казалось, словно бомбардированія не было вовсе.

И зажили мы все по прежнему, потекла жизнь на бастіонѣ обычной чередою.

Ночи до самаго разсвѣта проводились, по обыкновенію, въ осмотрительной бдительности. Орудійная прислуга находилась непремѣнно вблизи своихъ орудій, наведенныхъ по гласису и заряженныхъ передъ вечеромъ картечью, при-

крытіе не сходило съ банкетовъ. Цѣпь и секреты охраняли укрѣпленіе снаружи, зорко высматривая врага.

Отдыхали уже утромъ. Матросы, оставя дежурныхъ у орудій, отправлялись соснуть, частью въ блиндажъ, частью въ разныя, подѣланныя ими, норки и конуры на батареѣ. Прикрытіе сходило съ банкетовъ, кромѣ нѣкотораго числа штуцерниковъ. Одна половина прикрытія мѣстилась отдыхать на батареѣ же, не снимая, про всякій случай, аммуниціи, другая уходила на вторую линію, въ ближайшіе блиндажи. Для прикрытія нашей батареи, подобные блиндажи были на Чесменскомъ редутѣ.

Мои артиллеристы также ухитрились устроить себѣ что-то въ родѣ блиндажа, въ которомъ лишь можно было сидѣть, и то касаясь потолка головою.

Когда было тихо, не ожидалось ничего особеннаго, приходилось просыпать за полдень, по-аристократически. Напившись чая, я отправлялся на прогулку, для моціона; въ тихое время — по бастіону, въ противномъ же случаѣ — по рву бастіона.

Подъ часъ затѣявалась у насъ «охота» на Французовъ *, которые, большею частью, на-

*Противъ 5-го бастіона были французскія траншеи.

прашивались на нее сами. Нерѣдко, вдругъ выскакивалъ кто-нибудь въ непріятельской траншеѣ, снималъ свою шапочку, раскланивался, и высунувшись до половины, выстрѣливалъ изъ штуцера и быстро исчезалъ. Вслѣдъ за тѣмъ, раздавался штуцерный залпъ изъ траншеи.

— Выскочилъ, выскочилъ! вскрикивали всѣ при появленіи Француза. Тотъ, кто имѣлъ подъ рукой штуцеръ, стрѣлялъ, правду сказать, рѣдко съ успѣхомъ.

На подобную любезность непріятеля, въ особенности, когда выскакивалъ непріятельскій офицеръ, всходилъ на банкетъ кто-нибудь изъ насъ, офицеровъ, бралъ штуцеръ и слѣдовалъ примѣру Француза. Мало-по малу, присоединялись къ стрѣлявшему еще нѣсколько человѣкъ офицеровъ, «отправлять Французовъ въ Балаклаву», какъ говаривали у насъ на бастіонѣ.

Иногда, если не предвидѣлось ничего особенно-угрожающаго со стороны непріятеля, хаживалъ я въ городъ навѣстить товарищей. Это путешествіе, «con amore», въ своемъ родѣ было оригинально: версты съ двѣ приходилось идти подъ огнемъ непріятеля. По привычка, вторая натура, и мы, бастіонные жители, до того стали равнодушны ко всѣмъ страхамъ и

ужасамъ, такъ свыклись съ подобными прогулками въ городъ, что собирались на нихъ безъ малѣйшаго душевнаго волненія, порой для того только, чтобъ съѣсть получше изготовленную котлетку, или выпить въ кондитерской чашку кофе или шоколаду. Послѣднее можно было бы приготовить даже и *дома*, то-есть на бастіонѣ, но почему-то имѣло хотѣлось выпить это въ кондитерской, какъ будто было это тамъ вкуснѣе, и для того стоило прогуливаться двѣ версты подъ пулями и ядрами.

При встрѣчѣ, на пути, съ окровавленными носилками не испытывалось уже, какъ бывало,—какое-то невольно-непріятное, неловкое чувство, похожее весьма на страхъ. Теперь, равнодушнымъ взоромъ, смотрѣлось на подобное зрѣлище? порой даже и вовсе необращалось на это вниманія; какъ на что-то неизбѣжное, какъ на свистъ пуль.

Отправляясь въ городъ съ бастіона, сначала, помню, избиралъ я безопаснѣйшій: пуль по *стынкѣ*, черезъ 5-й, 6-й и 7-й бастіоны, спускался подъ восьмымъ на пересыпку, у артиллерійской бухты и, оттуда, сейчасъ выходилъ на Николаевскую площадь. Но такъ какъ это было довольно далеко, то я избралъ другую дорогу, ставшую уже моимъ обыкновеннымъ пу-

темъ.—Правда, здѣсь было гораздо опаснѣе, но.... вѣдь ходили-же тутъ люди.... Самая опасная часть этого пути, была площадка, шедшая отъ нашей батареи и каземата 5-го бастіона, къ Чесменскóму редуту. Пули, ядра и бомбы бороздили ее по всѣмъ направленіямъ, залетая даже съ 4-го бастіона, смотрѣвшаго нѣсколько во флангъ 5-му. Съ этой площадки выходили на Чесменскій редутъ, и спускались въ глубокую и довольно широкую траншею, въ которой находились блиндажи резервовъ прикрытія. Какъ пещерныя кельи, шли они, углубляясь по обѣимъ сторонамъ траншеи, выглядывая длинной вереницей дверокъ, дверецъ и дверей, порой створчатыхъ, со стёклами даже. Когда бы ни приходилось проходить этой траншеею, постоянно можно было видѣть ставившіеся въ ней, у дверей блиндажиковъ, самовары, самоварчики, или просто мѣдные чайники,—такъ что вверху траншей безпрестанно вился дымокъ, точно бомбы рвались тамъ поминутно.

Поднявшись изъ этой траншеи, и пройдя нѣсколько между совершенно разрушенныхъ домовъ и дворовъ, выходили на улицу, перпендикулярную къ Морской улицѣ, спускавшуюся возвышеніемъ отъ 5-го бастіона, и съ половины

вновь подымавшуюся. Остальной путь лежалъ по Морской улицѣ, съ которой, не доходя до рынка, поворачивали направо, на широкую улицу, прямо ведшую къ Николаевской площади. Кромѣ Екатерининской и Морской улицъ, названія прочихъ не доводилось мнѣ слышать за бытность мою въ Севастополѣ, а потому не опредѣляю ихъ теперь названіями.

Часъ обѣда нашего на бастіонѣ завпсѣлъ отъ того, какъ мы рано вставали, Я былъ въ компаніи съ А*.—Хозяйствомъ у насъ завѣдывалъ, воплощенная точность и аккуратность, подпоручикъ и сожитель лейтенанта по блиндажу. У него и хранились складчинныя деньги для стола. Провизія закупалась каждый день поутру на базаръ. Не смотря на это, нѣкоторые запасы имѣлись на батареѣ постоянно; въ томъ числѣ и нѣсколько куръ. Держать же пѣтуховъ вошло даже въ моду; и нѣкоторые изъ насъ, начиная съ лейтенанта, завели себѣ по великолѣпному алектору. Ночью подымали пятелы такой крикъ, что онъ вѣрно былъ слышенъ въ лагерѣ у непріятелей. Солдатамъ и матросамъ въ особенности правилась эта деревенская обстановка. У лейтенанта былъ отличный пѣтухъ, совершенно ручной, любимецъ цѣлой батареи. Матросы прозвали его «Пе-

лисеевымъ» (Пелисье). Однажды бомба такъ напугала «Пелисеева», что онъ въ паническомъ страхѣ, съ ужаснымъ крикомъ и квоктаньемъ, перелетѣлъ черезъ брустверъ и скатился въ ровъ. Одинъ молодой матросикъ, завидѣвши это, въ ношыхахъ бросился за пѣтухомъ тою же дорогою, черезъ брустверъ, не обращая вниманія на посыпавшіяся на него пули.

Французы видѣли всю эту продѣлку изъ своихъ траншей, единодушно закричали и захлопали, сначала пѣтуху, а потомъ матросу.

Оригинально обѣдывали мы иногда, въ хорошую погоду, когда душно становилось въ сыромъ блиндажѣ. Столъ накрывался на площадкѣ батареи, возлѣ 5-ти пудовой мортиры, и всѣ мы усѣвшись вокругъ, кто на пружинномъ креслѣ, какъ-то занесеннымъ сюда изъ города, кто на картечной жестянкѣ, подложивъ на неё нѣсколько поддоновъ, кто на кокорѣ, и т. д., насыщались себѣ земными благами, подъ открытымъ небомъ, подъ музыку пуль и ядеръ.

Пули и осколки, случалось, падали промежъ насъ, но постоянно такъ счастливо, что никого не задѣвали.

Въ послѣдствіи одинаго нашего мичмана слег-

ка ранило за подобной трапезой, пулей въ руку.

Пища матросамъ варилась также на батареѣ. Провизія имъ ежедневно приносилась изъ ихъ экипажей.

Солдатамъ обѣдъ и ужинъ приносили изъ города, изъ ротныхъ артелей.

Общая наша съ матросами кухня состояла изъ неглубокой ямы, вырытой у одного изъ траверзовъ батареи. Кое-какая печь и маленькая плита, занимали всё пространство ямы. Какъ-то удивительно прилаженный надъ ними сводъ защищалъ, пожалуй, отъ пуль и осколковъ, но не отъ бомбъ. По этому намъ выдавались деньки, въ которые мы, по неволѣ, должны были сидѣть безъ обѣда. Послѣ обѣда, кто отдыхалъ, запасаясь свѣжими силами для ночнаго бодрствованія, кто игралъ въ карты, шахматы и т. п., или занимался чтеніемъ. Утвердительно можно сказать, что чтеніе никогда не доставляло и не будетъ мнѣ доставлять такихъ наслажденій, какъ на бастіонѣ. Здѣсь, при возбужденныхъ нервахъ, при жаждѣ умственнаго отдыха, какъ-то яснѣе усвоялъ себѣ человѣкъ все умное и поэтическое, вдаваясь порой въ совершенную иллюзію, очень часто по поводу произведеній, не-

способныхъ въ другое время пропзвести хотя часть такого впечатлѣнія.

Игра въ карты, во всевозможныя игры, шла на бастіонѣ постоянно.

Главное мѣсто нашихъ собраній было въ казематѣ 5-го бастіона который находился отъ насъ черезъ одну батарею.

Внутри каземата помѣщался перевязочный пунктъ, для подапія раненымъ первой помощи.

Шумное и веселое общество можно было здѣсь встрѣтить во всякое время дня и ночи.

На 6-мъ бастіонѣ въ казематѣ имѣлся рояль; и въ иной день устроивались здѣсь музыкальные вечера en forme; скрипка и кларнетъ приходили съ 4-го бастіона, а флейта съ 5-го. Сначала обыкновенно все шло чинно, солидно, какъ слѣдуетъ; съ важностью, со вниманіемъ выслушивалась даже классическая музыка; но мало-по-малу, не замѣтно, вдругъ какъ-то совершался переходъ, смотря по настроенію, или къ комаринской, или же къ какой нибудь заунывной нашей національной мелодіи. Разъ, на подобномъ вечерѣ устроился «bal masqué». Одинъ хорошенькій юнкеръ былъ одѣтъ въ женское платье, и весьма эффектно пропѣлъ подъ аккомпанпментъ инструментовъ, пѣсенку, начинавшуюся словами:

Кохайтэся чорнобривы...

Неизвѣстно только, почему послѣ каждаго куплета хоромъ подхватывали всѣ какой-то венгерскій припѣвъ: «Сегемъ, легемъ накатана.»

На бастіонѣ мы ни въ чёмъ не терпѣли недостатка, даже въ самыхъ предмстахъ роскоши. Были были только деньги!—А признаться, порядочное количество презрѣннаго металла требовалось даже на самое необходимое: цѣны на всё были очень высоки.*

На батарею къ намъ хаживали два разнощика почти каждый день по утру и передъ вечеромъ. Одинъ изъ нихъ былъ плотный мужчина, съ окладистой, рыжей бородою, говорилъ онъ густымъ басомъ. Какъ маленькій ножъ, болтался у его бока саперный нашъ тесакъ. На груди его красовалась, на георгіевской ленточкѣ, медаль: «за храбрость», да-

* Фунтъ хорошаго, бѣлаго хлѣба продавался по 10-ти коп. сереб.; стеариновыя свѣчи по 50-ти коп. сер. за фунтъ; сахару фунтъ по 60 коп. сер. (въ послѣдствіи понизилось до 40 коп. сер.); бутылка портеру стоила 3 руб. сер.—Шампанское же было рѣшительно по сибирской цѣнѣ, по 7—8 руб. сер бутылка; и т. д.

ваемая волонтерамъ, вмѣсто знака военнаго ордена. Онъ чрезвычайно былъ озлобленъ противъ Французовъ.

— Оскреткомъ, знашь, хватилъ меня, проклятый хранцузъ,—говорилъ онъ, проводя ладонью по широкому рубцу на своемъ лбѣ.

— Да почему же ты знаешь, что Французъ, а не Англичанинъ? спрашивалъ его кто нибудь изъ новоприбывшихъ.

— Почемъ? Самъ ходилъ на Француза, съ Степаномъ Александрычемъ (С. А. Хрулевъ)-важно отвѣчалъ разнощикъ. Дѣло было такого сорту: десятаго марта наши вылазку дѣлали. Пришелъ я на курганъ съ корзинкой—заказецъ былъ отъ охвицеровъ. Ну, а наши: «уру», кричатъ, такъ и заливаются, и заливаются: погнали, стало, хранцуза. Резервы-то проходятъ мимо, солдатики говорятъ: бери ружье, сходи-ка въ траичею: что тутъ сидишь безъ толку.... Бросилъ я корзину-то свою, ружье добылъ, да съ нашими-то въ траичею, въ траичею, слышишь, — къ *нему* прямо. Ну, а какъ въ *чувствіе* пришолъ, глянь-поглянь: въ шпиталь положили!

Въ жаркіе дни, которые стояли за весь іюль мѣсяцъ , сплыо одолѣвали на бастіонахъ мухи. Это былъ здѣсь нашъ второй внутренній

врагъ—дневной, не уступавшій въ количествѣ первому — ночному, извѣстнымъ *черкесамъ*. Оба они такъ допекали защитниковъ Севастополя, что объ нихъ стоитъ упомянуть. Стоило днемъ поставить на бастіонѣ влажную тарелку, какъ она въ мигъ густо черпѣла облѣплявшими ее мухами.

Для раненыхъ, мухи были истиннымъ наказаніемъ. Нельзя не содрагаться, представляя себѣ тѣ мученія, которыя претерпѣвали отъ этихъ насѣкомыхъ, несчастные раненые, остающіеся на полѣ битвы, до уборки тѣлъ, которая замедлялась иногда до двухъ дней,— какъ то сдѣлали французы послѣ дня 26-го мая.

На бастіонахъ, посредствомъ такъ называемыхъ *камуфлетовъ*, уничтожали мухъ безпощадно. Когда въ блиндажѣ набиралось ихъ много, разсыпали по столу дорожки пороху, и дѣлали вспышку. Такимъ образомъ уничтожались миріады мухъ.

Какъ ни старались мы, бастіонные жители, разнообразить свою жизнь, какъ, наконецъ, ни свыклись мы до полнаго даже равнодушія, со всѣми ужасами севастопольской осады, но, тянувшись долго, она наводила, порой такую отчаянную тоску, что, просто, смерть, въ тотъ часъ, казалась красна.

По воскресеньямъ и праздникамъ, почти всегда служили у насъ на батареѣ (какъ и на всѣхъ прочихъ) молебны.

Торжественное, благоговѣйное спокойствіе и величавость божественнаго служенія проливали на долго успокоительную отраду, заставлявшую позабывать наше трудное положеніе. «Кто на морѣ не бывалъ, тотъ Богу не маливался», говоритъ пословица, и смыслъ ея подходилъ къ положенію севастопольцевъ. Теперь не передашь словами всей торжественности иныхъ дней, напримѣръ 26 іюня, когда преосвященный Иннокентій совершалъ литургію въ Михайловскомъ соборѣ и благословлялъ войска, при торжественномъ пѣніи торжественнаго гимна: Спаси, Господи, люди твоя!

День этотъ невольно запечатлѣлся въ памяти каждаго присутствовавшаго при богослуженіи, а черезъ два дня случился въ Севастополѣ другой, навсегда памятный, хотя горестный день для всѣхъ его защитниковъ.

28 іюня адмиралъ Нахимовъ былъ смертельно раненъ на Малаховомъ-Кургашѣ.

Не буду распространяться о всѣхъ подробностяхъ этого грустнаго событія, описанныхъ уже много разъ. Скажу только нѣсколько словъ о той минутѣ, когда былъ раненъ Нахимовъ.

Сопровождавшія ее обстоятельства переданы мнѣ лично завѣдывавшимъ Малаховымъ-Курганомъ, капитаномъ 1-го ранга Керномъ, который, въ то время, когда адмиралъ былъ раненго, стоялъ съ нимъ объ локоть. 28 іюня, не кануне дня св. Апостолъ Петра и Павла, когда Нахимовъ прибылъ на Малаховъ-Курганъ, у Керна, въ церкви, устроенной имъ въ башнѣ, шла вечерняя служба. Видя, что Павелъ Степановичъ долго застоялся на опасномъ мѣстѣ, высунувшись при томъ изъ-за бруствера, Керн, чтобъ отвлечь его отъ опасности, сказалъ ему, что въ башнѣ служба идетъ и неугодно ли будетъ адмиралу прослушать ее. Нахимовъ, какъ извѣстно, отвѣчалъ: «я васъ подержу-съ». Спустя нѣсколько, адмиралъ собирался уже сойти съ банкета, какъ въ это время одна изъ нашихъ бомбъ, брошенныхъ съ кургана, попала въ ближнюю непріятельскую траншею, и разорвавшись тамъ, взбросила къ верху два растерзанныя непріятельскія тѣла.

— Экъ ихъ, знатно какъ подбросило! невольно воскликнулъ сигнальщикъ. При этомъ Нахимовъ вернулся назадъ и снова опершись локтемъ на банкетъ, сталъ смотрѣть въ трубу. Стоявшій возлѣ лейтенантъ Колтовской замѣ-

тилъ адмиралу, что въ него цѣлятъ; но Нахимовъ все не перемѣнялъ положенія и вскорѣ былъ пораженъ пулей въ високъ. Керъ и съ нимъ нѣсколько офицеровъ, отнесли его на своихъ рукахъ въ блиндажъ, для поданія ему первой помощи.

Надо было видѣть горе и отчаяніе моряковъ, когда они узнали, что Нахимовъ смертельно раненъ. Я самъ былъ свидѣтелемъ тому, какъ закаленные усачи глотали невольныя слезы. Не одинъ матросъ, не одинъ морякъ-офицеръ сбѣгалъ поразвѣдать и на сѣверную сторону, куда перевезли раненаго Нахимова, и на Малаховъ курганъ, гдѣ онъ былъ раненъ.

. . . . . .

Какъ я уже говорилъ, непріятель энергически сталъ подаваться впередъ.

Между нами и врагомъ загорѣлась трудная борьба. Къ несчастью, съ его стороны было много вѣроятія на выигрышъ. Онъ могъ по произволу мѣнять мѣсто, пользоваться малѣйшимъ обстоятельствомъ: очень темною ночью, туманомъ, который весьма часто выпадаетъ въ Крыму; могъ прибѣгать къ различнымъ хитростямъ и т. д. Даже лунныя ночи болѣе покровительствовали врагу, потому что луна льётъ такой обманчивый свѣтъ на извесгкова-

то-холмистое мѣстоположеніе, какое вообще подъ Севастополемъ, такъ скрадываетъ разстояніе, или увеличиваетъ всё, что чрезвычайно трудно примѣниться ко всему этому; тѣмъ болѣе, когда надо было улавливать моменты.

Въ подобныхъ обстоятельствахъ, многое зависѣло отъ бдительности секретовъ и точности ихъ донесеній

Наконецъ, всё-таки, если непріятель замѣчалъ, что извѣстная наша батарея слишкомъ вредитъ его работамъ, онъ сосредоточивалъ по ней сильнѣйшій огонь.

Не смотря на все это, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, мы заставляли непріятеля подвигаться весьма медленно.

Сознавая, что дѣйствіе нашей артиллеріи вообще во всё время было очень хорошо, непріятель замѣтилъ, что никогда дѣйствительность выстрѣловъ не была такъ велика, какъ въ продолженіе времени, начиная съ іюня мѣсяца. Эта страшная для Французовъ вѣрность нашихъ выстрѣловъ, заставила ихъ думать, что въ Севастополь прибыли особенно искусные артиллеристы, или получены новыя необыкновенно вѣрно стрѣляющія орудія. * Ни-

* Bazancourt: L'expédition de Crimée.

какихъ особенныхъ орудій не прибывало въ Севастополь; но дѣйствительно, съ послѣднихъ чиселъ мая стали назначаться на бастіоны полевые артиллеристы, которые и внесли конечно туда спеціальное знаніе артиллерійскаго дѣла.

Къ 4-му августа непріятель довелъ свои работы до такого пункта, дальше котораго трудно было двигаться впередъ, пока орудія севастопольскихъ укрѣпленій были цѣлы.

Настало 4-е августа.

Самымъ раннимъ утромъ этого дня получилась на нашей батареѣ, какъ и вообще на всѣхъ прочихъ, бумага, въ которой объяснялись наши намѣренія на этотъ день и то, что должно будетъ предпринять при различныхъ, могущихъ произойти случаяхъ.

Такъ, напримѣръ: по извѣстному сигналу, при удавшемся для насъ сраженіи, которое предпринимали наши войска въ этотъ день, батарея наша, въ свою очередь, должна была открыть канонаду по извѣстнымъ батареямъ непріятеля.

Мы — масса севастопольцевъ, не имѣвшая возможности входить въ кабинетныя соображенія вождей, полагали радостныя надежды на этотъ день 4 августа

*

Удача — на нашей сторонѣ, думали многіе; и какъ тяжелая мара, какъ страшный сонъ, сгинутъ всѣ ужасы севастопольской осады! по траншеямъ и батареямъ врага, несущимъ теперь смерть да смерть, можно будетъ свободно прогуливаться; осматривать всё это грозное, запретное теперь для насъ пространство... Да и мало чего не фантазировали многіе! Въ крайне напряженномъ состояніи были всѣ, остававшіеся въ Севастополѣ, и тревожно поглядывали на отдаленный, стелющійся, въ направленіи по Чёрной рѣчкѣ, пороховой дымъ, прислушиваясь къ глухимъ, отдаленнымъ перекатамъ сильно разгаравшейся пушечной пальбы. Нѣкоторые, въ особенности изъ числа много разсчитывавшихъ на настоящее дѣло на Черной рѣчкѣ, и роптавшихъ также, до этого, на наше бездѣйствіе, заранѣе были увѣрены въ нашемъ успѣхѣ и приготовляли даже шампанское, раскупорить которое собирались въ ближайшей покинутой непріятелемъ траншеѣ.

Ждёмъ. Вотъ уже полдень! пора бы, думаетъ каждый, подавать сигналъ; и тутъ сомнѣніе невольно закрадывается на сердцѣ. Вотъ два часа по-полудни; но всё нѣтъ никакихъ вѣстей! Уже пробило три часа; четвертый на исходѣ! и всѣ повѣсили головы, мыслено бо-

рясь еще съ надеждой и съ силѣе всё возрастающимъ сомнѣніемъ о нашемъ успѣхѣ.

Наконецъ, рѣшилось, узнали! наши отступили.

Ни пламенное желаніе сразиться съ врагомъ, ни мужество, ни отчаянная храбрость нашихъ войскъ, возбудившая удивленіе даже въ самыхъ непріятеляхъ, ни что не помогло! все разбилось о случайность, о неприступную мѣстность. Вотъ что говорили о днѣ четвертаго августа люди знакомые съ дѣломъ.

Наступленію, съ нашей стороны, должо было послѣдовать *непремѣнно*.

Много имѣлось къ тому побудительныхъ причинъ; между прочимъ, пламенно желали того войска. Севастопольская бойня, безъ конца длившаяся, привела всѣхъ участвовавшихъ въ ней, въ крайне напряженное состояніе, такое состояніе, что каждый охотно готовъ былъ согласиться на кровавый бой съ врагомъ, хотя бы и во сто разъ превосходнымъ въ своихъ силахъ, хотя бы находившимся на неприступнѣйшей мѣстности.

Наступленіе это могло быть произведено или изъ самаго Севастополя, или извнѣ его. Въ послѣднемъ случаѣ, единственный пунктъ былъ: Федюхины горы. Мнѣнія начальниковъ раздѣ-

лились. Многіе представляли необходимость атаки на Федюхины горы; другіе настаивали на атаку непріятеля изъ города. Предположеніе же, насчетъ того, чтобъ оставить Севастополь (хотя въ сущности и благоразумное)—по своей неожиданности, встрѣтило всеобщее сопротивленіе и болѣе прежняго еще возбудило желаніе сразиться въ открытомъ полѣ.

Всѣ остановились на одномъ мнѣніи—во что бы ни стало сразиться съ непріятелемъ; дѣло было рѣшено и назначенъ день его—на 4-е августа.

Начальники, говорившіе, что слѣдуетъ намъ атаковать непріятеля непремѣнно изъ города, основывались на такомъ соображеніи: намъ слѣдовало рѣшительнымъ наступленіемъ овладѣть бывшимъ Камчатскимъ люнетомъ, 21 орудійной батареей, Зеленой горой и наконецъ самымъ редутомъ Викторіи; вытѣснить непріятеля на оконечность Сапунъ горы, за Килень-балку и утвердиться на пространствѣ между Каменоломнымъ оврагомъ и Делагардіевой балкой. Успѣхъ этого, поясняли они, доставлялъ намъ ту выгоду, что всѣ осадныя дѣйствія непріятеля и его батарей противъ лѣвой половины севастопольской оборонительной линіи будутъ въ нашихъ рукахъ; что усилія его противъ правой

половины будутъ парализованы, траншеи противъ 2-го отдѣленія будутъ продольно обстрѣливаться съ Зеленой горы, и союзники не дерзнутъ штурмовать 4 и 5 отдѣленіе, имѣя у себя во флангѣ значительный отрядъ нашихъ войскъ. Федюхины горы и Чоргунъ очищаются сами собой. Дорога, спускающаяся съ Сапунъ-горы, самая саперная дорога, Инкерманскій мостъ— свободны. Непріятель, если онъ не успѣетъ въ первый день выбить насъ изъ вновь занятой нашей позиціи, будетъ принужденъ сосредоточиться въ Балаклавѣ и Камышѣ, не имѣя между этими двумя пунктами свободнаго сообщенія; ибо наша кавалерія, владѣя выходами на плоскости Сапунъ-горы, будетъ въ состояніи воспрепятствовать всякому движенію непріятельскихъ войскъ.

Войскъ, для подобной операціи, полагалось нужнымъ всего 65000.

Къ 4 августа, какъ я замѣтилъ уже, непріятель пришелъ своими работами на тотъ пунктъ, далѣе котораго трудно ему двигаться, пока орудія нашихъ укрѣпленій цѣлы. Съ 5 августа, начинается жестокое бомбардированіе по лѣвой половинѣ оборонительной линіи. Непріятель прибѣгнулъ ко всей своей матеріальной силѣ, на ней разсчитывая свой успѣхъ. Ожерельемъ ба-

тарей, вооруженныхъ орудіями огромнаго калибра, окружилъ онъ бывшій Камчатскій люнетъ. Эти батареи стрѣляли по фасамъ Корнилова, 1, 2 и 3 бастіоновъ. Бывшій Селенгинскій редутъ вооружался орудіями, поражавшими тылъ *Рогатки*. Для большаго усиленія разрушительнаго дѣйствія прицѣльнаго огня, количество мортиръ у непріятеля возросло до небывалаго числа, усиливши въ изумительной степени навѣсный огонь по гарнизону. При томъ, Пелисье ожидалъ присылки еще 400 мортиръ.

По весьма ограниченному количеству мортиръ въ Севастополѣ, нечѣмъ было отвѣчать врагу на его губительный навѣсный огонь. Стали по невол'ѣ изъискивать средства замѣнить ихъ длинными орудіями, посредствомъ разнообразнаго употребленія элевацiонныхъ станковъ.

Даже—«голь на выдумки хитра»—на бастіонахъ придумали отчасти замѣнять недостатокъ мортиръ посредствомъ такъ называемаго устройства орудій: *напона*. На нашей батареѣ дѣлалось это слѣдующимъ образомъ: выбравши изъ числа подбитыхъ непріятелемъ орудій, менѣе поврежденное, (какъ-то: съ разбитой немного дульной частью, или ровно отлетѣвшимъ цапфомъ), клали его въ вырытую на площадкѣ батареи яму, сообразную своею глубиною съ при-

даваемымъ орудію угломъ возвышенія. Грунтъ нашей батареи былъ каменистый, а потому орудіе сидѣло своей казенной частью просто, безъ подкладыванія бруса; что было-бы, конечно, необходимо при обыкновенномъ грунтѣ земли. Бомбы также замѣнялись порой соотвѣтствующихъ калибровъ брандскугелями, которыхъ очки (выключал конечно одного для помѣщенія трубки) плотно задѣлывались.

— Небось, не дадимъ наругаться надъ собой! говаривали матросы, выстрѣливая изъ орудія «напопа̀», или посылая непріятелю преобразованный въ бомбу брандскугель.

Съ 5 августа, безъ устали, день и ночь стали работать непріятельскіе артиллеристы, имѣя по двѣ и по три смѣны прислуги при своихъ орудіяхъ. Слѣдствіемъ этого бомбардированія было то, что непріятель быстро пошелъ впередъ, и наши верки приходили все больше и больше въ упадокъ, несмотря на огромную потерю людей при исправленіи ихъ. Можно сказать, что каждый туръ, ставимый нами въ амбразурахъ, стоилъ нѣсколькихъ жизней.

Въ теченіи ночи наши открывали страшную канонаду по работамъ непріятеля. По этому онъ началъ прибѣгать къ слѣдующему маневру: днемъ усиливалъ огонь до-нельзя, выпуская не-

счетное количество снарядовъ и сосредоточивая пальбу главнымъ образомъ на нашихъ амбразурахъ, направленныхъ на его работы. Если ему и не удавалось подбить орудія, то онъ почти всегда сильно вредилъ нашимъ брустверамъ. Когда же ночью торопились у насъ исправленіемъ ихъ, траншеи союзниковъ двигались впередъ. Въ случаѣ, когда амбразуры наши, дѣйствующія по работамъ непріятеля, оставались цѣлы, то канонада и бомбардированіе доходили до крайней степени своего ожесточенія, начинаясь всегда ночью, послѣ перваго выстрѣла, направленнаго нами по вражьимъ работамъ. Лишь сильный штуцерный огонь, открываемый нами съ бастіоновъ, при первомъ указаніи начавшихся непріятельскихъ работъ, удерживалъ быстрое стремленіе врага впередъ. Секреты наши доносили, что отъ подобнаго огня у непріятеля бываетъ много раненыхъ и убитыхъ. Но все-таки, хотя и медленно и съ огромными потерями, непріятель подавался впередъ съ каждой ночью.

Съ введеніемъ у насъ ружейной пальбы по работамъ непріятеля, мортирный огонь его усилился чрезвычайно, и потери въ людяхъ увеличились и у насъ.

При страшномъ разрушеніи и гибели на ба-

стіонахъ, наши всѣми мѣрами старались удерживать непріятеля; но остановить его нельзя было.

Неумолкаемая канонада, безпрерывное исправленіе батарей и неминуемое при этомъ пересыпаніе земли, совершенно разрыхлили и распылили почву. Ударъ одного ядра, взрывъ одной бомбы въ валу — портили его на большое разстояніе. Благодатью былъ бы для насъ теперь проливной дождь.

Не только реставрировать, но даже было трудно починять укрѣпленія.

Отъ безпрерывной починки бруствера со стороны внутренней крутости, валъ хотя медленно, но подавался назадъ, * берма исчезала, а ровъ дѣлался шире и мелѣлъ. Притомъ, чтобы мѣшать нашей починкѣ амбразуръ, непріятель устроилъ правильную пальбу изъ штуцеровъ. Днемъ онъ замѣчалъ наши поврежденія и ночью открывалъ по тѣмъ мѣстамъ губительный штуцерный огонь, какъ съ близкихъ такъ и съ дальнихъ траншей.

Увеличивающееся число его зигзаговъ дѣлало для насъ исправленіе амбразуръ почти невоз-

* Бомбовой погребъ въ исходящемъ углу 3-го бастіона, находившійся сначала около двухъ сажень отъ заложенія банкета, къ концу осады уперся въ валъ.

можнымъ, тѣмъ болѣе, что работы непріятеля были недалеки, и онъ почти всегда успѣвалъ открывать нашу починку.

Канонада и бомбардированіе непріятеля становились все грознѣе и грознѣе.

Союзники, убѣждаясь болѣе и болѣе, что главная сила Севастополя не верки, а грудь его защитниковъ, увеличивали число своихъ мортиръ.

Рабочіе наши тщетно напрягали свои усилія, чтобы къ утру за ночь исправлять *все*. Безпрерывныя новыя поврежденія, земля, обратившаяся въ пыль, и напряженныя усилія непріятеля: не дозволять намъ исправляться, — увеличивали число нашихъ поврежденій, дѣлая невозможнымъ приведеніе бастіоновъ въ совершенный порядокъ.

Въ половинѣ августа непріятель былъ такъ близокъ, что не могъ уже двигаться летучей саной и пошелъ тихой.

Въ это время французы были отъ 2-го бастіона саженяхъ въ 45-ти, отъ Малахова кургана въ 50-ти; англичане же отъ 3-го бастіона саженяхъ въ 65-ти.

Упорствомъ и удивительнымъ самоотверженіемъ 2-й бастіонъ успѣлъ остановить сапу въ 20-ти саженяхъ отъ себя.

Притомъ же бастіонъ этотъ, лежавшій въ небольшой котловидной впадинѣ, могъ прямыми выстрѣлами бить голову сапы и мантелетъ. Послѣдній часто загорался отъ выстрѣловъ нашихъ, по преимуществу легкихъ полевыхъ орудій, которыя ночью ввозили на барбеты для стрѣльбы черезъ банкъ; но французскіе саперы, имѣя подъ рукой «pompe foulante», большею частію успѣвали заливать огонь, хотя и подъ усиленными по нимъ ружейными и картечными залпами нашими.

Передъ Малаховымъ курганомъ французы дошли на 12 сажень. Ложементы же ихъ, въ ночь съ 26-го на 27-е августа, выдвинулись подъ покровительствомъ адскаго бомбардированія, еще ближе.

Вліяніе мѣстности Малахова кургана главнымъ образомъ благопріятствовало этому.

Грунтъ кургана состоялъ изъ известковаго плитняка и мѣстами известковатой глины. Впереди гласисной батареи, непосредственно за рвомъ, поднимался чуть замѣтный бугорокъ этой формаціи, не вредившій дѣйствію нашихъ выстрѣловъ до того времени, пока непріятельская сапа не начала подниматься изъ лощины по покатости кургана. Теперь онъ сталъ оказывать вредное вліяніе, мѣшая пониженнымъ

нашимъ выстрѣламъ бить въ голову сапы. Бугорокъ этотъ, или натуральный гласисъ Малахова кургана, весь былъ изрытъ воронками бомбъ и натуральными неровностями. Давая всевозможный уголъ понижения, срѣзывая стулъ амбразуры до-нельзя, невозможно было достать до сапы, у нѣкоторыхъ пониженныхъ пунктовъ, которыми непріятель пользовался весьма искусно. Такимъ образомъ вблизи онъ проходилъ уже съ меньшею опасностію: его сапа подвергалась только дальнимъ фланговымъ выстрѣламъ 2-го и 3-го бастіоновъ, и не вездѣ выстрѣламъ кургана.

Вообще лѣвая половина нашей оборонительной линіи, страдавшая отъ безпрерывной канонады, не смотря на всѣ принимаемыя мѣры, представляла печальное зрѣлище: съ амбразурами завалеными, безъ мерлоновъ, опрокинутыхъ внутрь бастіона, или на половину срытыхъ; съ траверзами, повалеными въ разныя стороны; со рвами, засыпанными на половину.

Уже не одни укрѣпленія и улицы города, ближайшія къ оборонительной линіи, представляли видъ, отъ котораго сердце обливалось кровью — весь Севастополь глядѣлъ могилою. Угрюмѣе и угрюмѣе становились съ каждымъ

днемъ даже центральныя улицы—при взглядѣ на нихъ, невольно приходили на умъ описанія городовъ, опустошенныхъ землетрясеніемъ. Уныло смотрѣла Екатерининская улица, мѣсяцъ тому назадъ еще такъ оживленная и пышная, теперь пустынная, полуразрушенная, и еще разрушающаяся. Ни по ней, ни на бульварѣ не видно уже ни одного женскаго личика, ни одного человѣка, который бы ходилъ свободно и беззаботно. Угрюмыя партіи войскъ, да фуштатскія телеги, да севастопольское «perpetuum mobile»—окровавленныя носилки, сновали по мостовой, изрытой воронками бомбъ. На всѣхъ лицахъ лежала какая-то печаль тяжелаго ожиданія, усталости и изнуренія. Ходить въ городъ было незачѣмъ, ни одного радостнаго слуха, никакого развлеченія тамъ нельзя было встрѣтить. На бастіонѣ, несмотря на опасности, право, было какъ-то привѣтливе.

Въ настоящее время, по справедливости слѣдовало называть Севастополемъ Николаевскую казарму, въ которой сосредоточилась вся жизнь города. Здѣсь были и штабы, и канцеляріи, и госпитали, и казармы, церковь, присутственныя мѣста, гостинницы, аптека, кондитерская, лавки и проч.; но отъ непріятельскихъ выстрѣловъ порой не спасали и своды казармы.

Чтобы дать понятіе, какъ обстрѣлялся теперь Севастополь, достаточно будетъ, если скажу, что штуцерныя пули стали поражать на самой Николаевской площади, безопаснѣйшемъ до толѣ мѣстѣ въ цѣломъ Севастополѣ, *убійцѣ*, какъ прозвали ее, а также, конечно, и самую казарму.

При характерѣ хода осады, грозившемъ ставшемъ обрисовываться послѣ дня 6-го іюня, непремѣнно требовалась скорая, постоянная и безостановочная переправа черезъ севастопольскій рейдъ. Но задача была весьма трудная: требовалось выполнить много важныхъ условій. Большая часть считала это дѣло даже невозможнымъ. Между прочимъ, дѣйствительно казалось бы невозможнымъ устроить, и притомъ въ короткій срокъ, постоянный мостъ черезъ севастопольскій рейдъ, подверженный сильному (для моста) волненію и такъ называемой *толчеи*, имѣвшій въ ширину на удобнѣйшемъ мѣстѣ для устройства моста около 450-ти саженъ, на глубинѣ въ 14-ть саженъ. Но честь и слава нашимъ инженерамъ, безъ того уже прославившимся за время осады Севастополя: въ 15-ть дней устроенъ былъ, по плану *

* Проэктъ его былъ утвержденъ 23-го іюня

генералъ-лейтенанта Бухмейера (начальника инженеровъ арміи), бревенчатый, плавучій мостъ, на якоряхъ, черезъ рейдъ, между Николаевскою и Михайловскою батареями, шириною между перилами 2½ сажени. Мѣсто это опредѣлилось какъ самимъ очертаніемъ береговъ рейда, такъ и тѣмъ, что оно было равно удалено отъ непріятельскихъ батарей у Килень-балки и Карантинной бухты и прикрыто городомъ отъ батарей на Зеленой горѣ; въ слѣдствіе этого мостъ мало терпѣлъ отъ непріятельскихъ снарядовъ. Вся оковка для него была изготовлена 15-тью батарейными походными кузницами, въ продолженіи трехъ недѣль.

15-го августа, въ день Успенія Пресвятыя Богородицы, мостъ былъ освященъ, и въ восемь часовъ утра открытъ для сообщенія.

Что же думали Севастопольцы, о вдругъ появившемся вѣрномъ сообщеніи съ сѣверною стороною? Пожалуй, кто нибудь подумаетъ, что въ ихъ головахъ бродила мысль объ отступленіи?

Смѣло скажу, что нѣтъ. Взбрести въ иную голову, пожалуй, все можетъ порой! Но если говорить про массу, про ея мысль, то защитники Севастополя далеки были отъ того, чтобъ отступать; даже думать не хотѣли объ от-

ступленіи; несмотря на то, что, обороняя полуразрушенный Севастополь, въ сущности защищали лишь призракъ, имя безъ значенія. Напротивъ того, по видимому, все готовилось въ Севастополѣ къ отчаянной борьбѣ: припасали вторыя линіи, устроивали баррикады и собирались обратить въ цитадель каждый домъ, дать отпоръ изъ-за каждой развалины.

Какъ послѣ оказалось, непріятель также разсчитывалъ на осадную войну въ самомъ городѣ.

19 августа я былъ отозванъ съ дивизіономъ назадъ къ своей батареѣ. Мои орудія замѣнились на бастіонѣ небольшими карронадами. Вообще начальство по возможности старалось свозить съ бастіоновъ и съ самаго города все, что было по лучше; и это казалось очень натуральнымъ, когда брали въ соображеніе страшное усиленіе огня непріятеля. Слѣдовательно, выгруженіе складовъ и арсеналовъ было мѣрой весьма естественной; что же до того, что на бастіонахъ правой половины большая часть подбитыхъ бомбовыхъ орудій не замѣняли новыми орудіями, то это мы объясняли себѣ тѣмъ, что въ настоящее время, когда непріятель былъ такъ близокъ, тяжелыя орудія на

бастіонахъ не такъ уже были полезны, какъ прежде.

Не съ особенной радостью покидалъ я бастіонъ. Въ теченіе трехъ-мѣсячнаго, постояннаго пребыванія моего тамъ, я такъ свыкся съ жизнью на бастіонѣ—сжился съ его обитателями, что, право, грустно было разставаться, тѣмъ болѣе, что неизвѣстно было: куда еще, въ какой уголъ Севастополя заброситъ судьба?

Первые мои шаги по разрушеннымъ улицамъ города произвели на меня ужасное впечатлѣніе, мнѣ стало тоскливо, какъ будто бы я проѣзжалъ около родительскаго дома, спаленнаго пожаромъ.

Однако, по мѣрѣ удаленія отъ бастіона, въ душу стало проситься какое-то матеріальное, безотчетно успокоивающее чувство. Всѣ мелочи обыденной жизни рисовались въ какомъ-то завлекательномъ видѣ. Съ какимъ, напримѣръ, удовольствіемъ предстояло мнѣ отужинать въ *квартирѣ* и, вдоволь наговорившись съ товарищами, *раздѣвшись* улечься на постель, приготовленную какъ слѣдуетъ, и заснуть не въ тѣсномъ, душномъ блиндажикѣ, подъ немолчное жужжанье пуль, взвизги ядеръ и громовые разрывы бомбъ, а въ просторномъ, удобномъ помѣщеніи въ Николаевской казармѣ,

подъ мѣрное постукиваніе часоваго маятника, такъ и напоминающее залу роднаго дома; ожиданія мои напоминали собой мысли школьника, ѣдущаго изъ училища на каникулы. И я не ошибся—нашлась и квартира, и ужинъ, и чистая постель. Подъ сводами Николаевской казармы можно было въ постелѣ подумать, что засыпая—засыпаешь не на вѣчный сонъ, а — дастъ Богъ, пробудишься на утро, какъ пробуждаются всѣ добрые люди по среди міра и тишины...

Всему настоящему какъ-то не вѣрилось, чудилось, что находишься среди какой-то необыкновенной жизни. И какъ радостно было пробужденіе! мнѣ рѣшительно казалось, что я не въ Севастополѣ, а гдѣ-нибудь въ гостяхъ у помѣщика: вычищенное платье мое и чистое бѣлье лежало на стулѣ возлѣ меня; сапоги, доведенные усердіемъ деньщика до степени зеркальности, скромно стояли рядышкомъ у моей кровати, самъ я лежалъ подъ одѣяломъ...

— А что, раненыхъ нѣтъ?.. чуть не спросилъ я, вскакивая съ постели около полудня, ослѣпленный лучами солнца, которые ярко играли по всѣмъ предметамъ и на моемъ собственномъ лицѣ.

— Все ли благополучно? не удержавшись,

спросилъ я, замѣтивъ, что въ комнатѣ много народу.—Все благополучно, улыбаясь отвѣчали мои товарищи.

— А знаете, тутъ же сказалъ одинъ офицеръ, я сегодня былъ на 5 бастіонѣ, и вообразите, что ночью, въ блиндажикѣ П*, на мѣстѣ, гдѣ вы обыкновенно спали, убило гранатой пѣхотнаго офицера, наслѣдника вашей постели.

— Судьба бережетъ васъ.... проговорилъ, подходя ко мнѣ и протягивая мнѣ руку нѣкто Л*.

Въ Севастополѣ, за время осады, много перебывало оригиналовъ, храбрецовъ, чудаковъ, патріотическихъ и «quasi» патріотическихъ феноменовъ. Но оригиналъ, о которомъ я собираюсь говорить, то-есть Л*, былъ, кажется, оригинальнѣе всѣхъ. Ещe въ ночь, явившись разъ съ бастіона въ городъ къ товарищамъ, увидѣлъ я въ ихъ обществѣ какого-то господина лѣтъ сорока, въ солдатской шинели. Благородное лицо его, бѣлыя, нѣжныя руки и небольшая нога, заставили меня, съ перваго мгновенія, примѣтить въ немъ что-то особенное. Товарищи мои поспѣшили представить насъ другъ другу, и я узналъ вскорѣ, что не знакомецъ этотъ отставной гусарской маіоръ

Л*, и что побудительныя причины (неизвѣстно какія) заставили его отказаться на время отъ своего званія и принять званіе рядоваго, въ нашей батареѣ, какъ какъ онъ желалъ служить непремѣнно въ артиллеріи: «У васъ по-крайней-мѣрѣ не надо таскаться съ ружьемъ», говорилъ Л*, когда его спрашивали о предпочтеніи, имъ оказанномъ артиллеріи. Онъ былъ вдовецъ и имѣлъ сына, который готовился уже поступить въ корпусъ. Л*, въ свою недолгую жизнь, прошелъ огнь и воду, находился въ двадцати разныхъ должностяхъ; занималъ мѣсто городничаго, состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій при —скомъ генералъ-губернаторѣ, производилъ нѣсколько трудныхъ слѣдствій, и каждый разъ съ большимъ успѣхомъ, какъ о томъ значилось и въ его формулярѣ. Л* былъ особенно хорошо рекомендованъ нашему батарейному командиру, а потому офицеры нашей батареи сейчасъ приняли его въ свой кругъ, какъ товарища. По временамъ, въ минуту болтливости, мы пытались было разспрашивать о подробностяхъ его жизни, причинахъ его появленія въ Севастополѣ, но онъ всегда отдѣлывался шутками; и наконецъ былъ оставленъ въ покоѣ.

Л* не на службѣ носилъ обыкновенно су-

сарскую форму, потому что былъ въ отставкѣ съ мундиромъ; онъ также получалъ и пенсіонъ по чину маіора; которымъ былъ награжденъ при отставкѣ. Все это показывало, что Л* не исключенъ изъ службы за что нибудь дурное.

Настроеніе духа его было какое-то необыкновенное, казалось, онъ чего-то искалъ, чего-то вѣчно ему не доставало.

Для него ничего не значило побывать на любомъ бастіонѣ, въ любое время дня и ночи, подъ какимъ бы то ни было огнемъ. Онъ даже вызывался ѣздить туда вмѣсто другихъ, и всегда исполнялъ порученія скоро и точно.

Его звали обыкновенно по имени и отчеству: Густавомъ Ивановичемъ; и Густавъ Ивановичъ, за свое полнѣйшее презрѣніе къ опасностямъ, скоро сталъ извѣстенъ почти цѣлому Севастополю.

Иногда случалось, что его цѣлый день никуда не посылали; тогда ему самому ни сидѣлось, и вѣлѣвши осѣдлать своего *шкалика*— черненькую, маленькую, бойкую татарскую лошадку, онъ отправлялся разузнавать новости по бастіонамъ.

Иногда при немъ, во время сильно разгорѣвшейся канонады, кто нибудь упоминалъ въ

разговорѣ: а любопытно бы было знать, что дѣлается на такомъ-то бастіонѣ. Густавъ Ивановичъ, не говоря ни слова, вдругъ исчезалъ и черезъ нѣсколько времени появлялся уже съ требуемыми свѣдѣніями.

Вскорѣ всѣ невольно полюбили Густава Ивановича. Да и нельзя было къ нему не привязаться; сверхъ своей храбрости и готовности на услугу, онъ былъ превосходный хозяинъ, обладалъ сотнею дорованій, безцѣнныхъ при боевой жизни. Онъ мастерски устроивалъ хозяйство, заказывалъ разныя кушанья; настаивалъ водку какими-то неслыханными растеніями, варилъ кофе, дѣйствительно выходившій у него превосходнымъ. Онъ также смекалъ и въ медицинѣ: вылечилъ одного офицера отъ сильнѣйшей лихорадки, и спасъ на сѣверной сторонѣ одного грудного ребенка, заболѣвшаго воспаленіемъ кишокъ. Во время послѣдняго штурма, Густавъ Ивановичъ нѣсколько разъ побывалъ съ приказаніями на Малаховомъ Курганѣ, и удивляться нужно, какъ онъ отдѣлался только контузіей. Когда-же войска наши переходили на сѣверную сторону, онъ оставался всю ночь въ городѣ, и *башибузучничалъ* тамъ, всё истребляя и поджигая собственными руками. Я слышалъ, что онъ по-

лучилъ нѣсколько наградъ и между прочимъ знакъ военнаго ордена 4-й степени. Необыкновенный Густавъ Ивановичъ получилъ и награду необыкновенную: солдатскій орденъ, между тѣмъ какъ по чину онъ былъ маіоромъ въ отставкѣ!

Напившись чаю, я изъ любопытства пошелъ осматривать домъ, въ которомъ жили мы прежде. Онъ былъ пробитъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ бомбами, ядромъ и ракетами. Надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ стояла когда-то моя кровать, какъ разъ въ головахъ, ракета просадила потолокъ и полъ. Уходя я взглянулъ и на домъ, который находился на смѣжномъ дворѣ. Тамъ тоже былъ всеобщій печальный видъ разрушенія... Красивая стеклянная галлерея вся была разбита и обвалилась . А давно ли, въ майскіе вечера, когда сюда въ здѣшній уголокъ долетали лишь раскаты севастопольскихъ громовъ, а не самые громы, собиралась здѣсь цѣлая семья, и мы слѣдили, какъ вотъ у этой колонки, обвитой миртомъ, садилась дѣвушка и читала или работала, вся обрамленная пышною зеленью и цвѣтами.

Носился слухъ, что вражій осколокъ не пощадилъ одну изъ прекрасныхъ ручекъ...

Страдая отъ контузіи въ голову, хотя и

лёгкой, но порой сильно мучившей меня, желая притомъ отдохнуть нѣсколько, послѣ трехъ-мѣсячной жизни моей на бастіонѣ, я отпросился у своего батарейнаго командира поѣхать на два дня на сѣверную сторону, съ тѣмъ, конечно, что при малѣйшей тревогѣ тотчасъ же явлюсь къ батареѣ.

Съ особеннымъ удовольствіемъ, какъ на какой праздникъ, собрался я туда. Густавъ Ивановичъ, рѣдко отъ чего отказывавшійся, и двое моихъ товарищей, свободные отъ службы, сопутствовали мнѣ, по моему приглашенію—отобѣдать вмѣстѣ на сѣверной у Томаса. Мнѣ казалось, что удовольствіе мое будетъ еще полнѣе, когда я раздѣлю его съ людьми, съ которыми судьба поставила меня въ близкія отношенія товарищества.

Всѣ мы четверо выѣхали (даже это обстоятельство тѣшило меня теперь, точно я ни вѣсть какъ долго не видалъ своей верховой лошади, и сѣлъ въ сѣдло въ первый разъ послѣ какой нибудь продолжительной болѣзни); шагомъ проѣхали по мосту, по которому и не позволялось иначе ѣздить, и крупной рысью направились по дорогѣ къ сѣверному укрѣпленію, выпячавшемуся въ этомъ направленіи сѣверную сторону. Отъ него было еще около двухъ верстъ

до балаганнаго городка, цѣли нашей поѣздки Городокъ этотъ основался было сначала осады у самой куриной балки, гдѣ находилась такъ называемая сѣверная пристань. Мало-по-малу, съ увеличеніемъ досягаемости полета непріятельскихъ снарядовъ, подавался онъ далѣе и далѣе отъ рейда, внутрь сѣверной стороны, и такимъ образомъ отступая, отодвинулся наконецъ даже на двѣ версты отъ сѣвернаго укрѣпленія.

Это былъ дѣйствительно «городокъ», съ двумя главными улицами, довольно правильно разбитыми; съ *заведеніями*, съ полиціей, съ рынками, съ магазинами, которые всѣ были конечно на *главныхъ* улицахъ, и помѣщались здѣсь въ большихъ деревянныхъ балаганахъ, изъ которыхъ иные стоили до 1000 р. с. У одного изъ подобныхъ балагановъ, отличавшагося всѣми признаками порядочнаго жилья, мы остановили своихъ лошадей: это и была гостиница Томаса, въ которой даже имѣлись номера. Одинъ изъ нихъ, на мое счастье, оставался теперь свободнымъ, и я поспѣшилъ его занять. Признаться, намъ четверымъ было въ немъ тѣсненько, точно въ бастіонной конурѣ. Впрочемъ, выключая это обстоятельство, все имѣло здѣсь видъ общо-трактирный: тѣ же

***

непзбѣжные у окна ситцевыя занавѣски, дешевенькіе обои; ломберный столикъ у стѣны, и надъ нимъ зеркало; только кровать была безъ пирмъ, необходимой вообще принадлежности каждаго «номера».

Надо отдать справедливость Томасу, онъ былъ подобросовѣстнѣе всѣхъ своихъ братій, и равно старался угодить каждому, не такъ, какъ знаменитый Александръ Ивановичъ, который смотрѣлъ въ глаза лишь одинмъ нтабнымъ.

Въ гостинницѣ Томаса можно было порядочно пообѣдать: поваръ у него былъ очень сносный; кандитеръ имѣлся также. Вина отпускались очень хорошія. Вообще, послѣ бастіонной кухни, мнѣ просто казалось, что я у Дюссо.

Десертъ нашъ былъ натуральный: намъ подали сочный алешковскій арбузъ, персиковъ и мускатнаго винограда.

Все это, не смотря на военное время, было очень дешево.

Послѣ кофе пошли мы осматривать городокъ. Разнородный людъ кишилъ по его улицамъ и уличкамъ: солдаты и офицеры разныхъ полковъ и оружія, купцы, дѣти, татары, женщины, колонисты, *россейскіе* мужички въ ту-

лупахъ, не смотря на сильную жару, чиновники, полицейскіе, весь этотъ людской сералашъ былъ здѣсь въ безпрестанномъ приливѣ и отливѣ. Словомъ — ярмарка стояла здѣсь каждый Божій день.

Въ дальнихъ частяхъ городка были удивительно разнообразныя жилища, видѣлись и палатки, и балаганчики, и клѣтушки, и землянки, и даже что-то въ родѣ шкафовъ. И всюду жили, биткомъ было набито народу, который сновалъ съ лихорадочной дѣятельностью.

Вечеромъ я долго наслаждался, гуляя по берегу моря, и не замѣтно далеко отошелъ отъ городка. Севастополь въ отдаленіи казался еще грознѣе... по направленію его все гремѣло и гудѣло, горѣло, тряслось... и какой-то суевѣрный ужасъ невольно охватывалъ всякаго при этомъ зрѣлищѣ.

На другой день я чрезвычайно пріятно провелъ время, поѣхавши на позицію подъ Мекензіеву гору, къ одному, хорошо знакомому мнѣ, полковому командиру, гдѣ и оставался до поздняго вечера. Какъ восхитителенъ показался мнѣ его балаганъ, заплетенный изъ зеленыхъ дубовыхъ вѣтокъ, еще необсохшихъ, пахучихъ, подъ которымъ, въ глубинѣ, раски-

пута была палатка, изящно убранная коврами, принадлежностями туалета и щегольски поставленною кроватью. Вся эта обстановка навѣвала особенно пріятное настроеніе.

На завтра, послѣ этого, такъ пріятно проведеннаго мною, дня, отправился я вечеромъ къ своей батареѣ въ Севастополь.

Вотъ уже и Михайловская батарея; скоро что-то очутился я у ея, подумалъ я. Почти машинально я осадилъ свою лошадь, предъявляя у моста свой пропускной билетъ дежурному офицеру - ополченцу, и вотъ я опять въ севастопольской сферѣ. Не успѣлъ еще я проѣхать и десяти плотовъ *, какъ старыя знакомыя, бомбы, ядра, да ракеты, уже стали встрѣчаться. Сильнымъ порывистомъ вѣтромъ охватываетъ меня здѣсь. Узкое, длинное пространство моста, по которому ѣду, исчезаетъ во мракѣ на обширной водной массѣ рейда, сильно колеблется подо мною, и заливаемое безпрестанно набѣгающими волнами, представляетъ въ темнотѣ видъ, будто ѣдешь просто по волнамъ. Впечатлѣніе это еще болѣе увеличиваетъ раскидывающееся, сейчасъ же направо, раздолье Чернаго моря, враждебно черпѣюще-

* Мостъ состоялъ изъ 86-ти плотовъ.

ся, глухо рокочущее; зловѣщій говоръ несется отъ его далекихъ волнъ, и волны эти силятся разметать, потопить мостъ.

Вдали, на мрачной безднѣ моря, свѣтятся огоньки, но и они смотрятъ не дружелюбно: это зіяетъ теперь огненными глазами вражья морская Сила. Прямо, на Николаевскомъ мысѣ, часовня мертвыхъ. Тѣсными рядами лежатъ въ ней мертвецы, иные одѣтые заботливою рукою товарища въ чистое бѣлье, иные еще въ своей кровавой одеждѣ. Въ сложенныхъ на груди, закостенѣлыхъ рукахъ почившихъ (у которыхъ таковыя были), вставлены были зажженныя восковыя свѣчи, разливающія по всей этой могильной обстановкѣ страшно-унылый, гробовой свѣтъ, тускло, печально отсвѣчивающійся на ближнихъ темныхъ волнахъ, шумно катящихся и набѣгающихъ къ берегу.

Въ часовню, видно, только что прибыла новая партія мертвецовъ: тамъ отбывалась панихида; и похоронное пѣніе, звуки ночи, урчаніе, грохотъ, взвизгъ и свистъ близко пролетающихъ снарядовъ смерти, говоръ Чернаго моря и ревъ адской канонадѣ въ Севастополѣ, потрясающей воздухъ, сливались подъ покровомъ ночи во что-то грозно, грозно-ужасающее, величественное. Я поровнялся съ часовней мерт-

выхъ, но мнѣ хотѣлось проѣхать скорѣе мимо этого, раздирающаго душу, зрѣлища; я далъ шпоры своей лошади и выскакалъ на Николаевскую площадь.

.....

Наступали послѣдніе дни моей севастопольской жизни.... До сей поры, когда случится вспомнить объ этихъ дняхъ когда-нибудь ночью, на душѣ становится холодно и сонъ на долго отъ меня отлетаетъ.

Съ 24 августа началось новое бомбардированіе, имѣвшее свой особенный характеръ.

Непріятель открывалъ огонь періодически. Часа три-четыре, примѣрно, гремѣла самая усиленная, самая страшная канонада, то залпами, то бѣглымъ огнемъ всѣхъ батарей; потомъ на нѣсколько времени, неопредѣленно, слѣдовала пауза: орудійный огонь прекращался совершенно, но штуцерный лился со всѣхъ траншей.

Въ продолженіе этой небольшой тишины, казавшейся мертвенною въ потрясенномъ органѣ слуха, осаждающій совершенно успѣвалъ починять свои поврежденія, потому что его заботой было лишь исправленіе амбразуръ, мы же должны были очищать ровъ (работа весьма копотливая), починять амбразуры, мерлоны и

траверзы, необходимые для защиты прикрытія, которое должны были мы держать на бастіонахъ въ надлежащемъ количествѣ, ожидая безпрестанно штурма. За короткимъ отдыхомъ слѣдовалъ опять грохотъ сотни орудій и дѣло разрушенія продолжалось.

Совершенный хаосъ смерти происходилъ въ Севастополѣ, или лучше, на мѣстѣ бывшаго когда-то Севастополя; по истинѣ это была, какъ выразился преосвященный Иннокентій, *купина огненная*.

Земля дрожала, небо багровѣло, стонали окрестности, по которымъ далеко прокатывались грозные раскаты бѣшеной канонады. Для того, кто не былъ въ Севастополѣ въ это время, всѣ описанія безполезны, оттого я буду коротокъ въ передачѣ моихъ воспоминаній.

Человѣческій умъ не можетъ себѣ представить всего вышесказаннаго защитниками города до послѣдняго роковаго дня. Подъ гнетомъ этихъ небывалыхъ ужасовъ, человѣкъ возвышался до невѣроятной рѣшимости, до крайней, насильственной энергіи, до самозабвенія. Въ чаду смерти и крови, еще можно было жить какою-то насильственною, горячечною жизнью.

86,000 снарядовъ (70,000 ядеръ и 16,000 бомбъ и гранатъ) было выпущено непріятелемъ

по Севастополю въ день 24 августа. Не было уже никакой возможности исправлять окопы и потому ограничивались насыпкою на пороховые погреба.

Брустверы, обрушиваясь завалпвали рвы, мерлоны разсыпались; должно было безпрестанно расчищать амбразуры; артиллерійская прислуга гибла во множествѣ и едва успѣвали замѣнять ее.

Потеря въ это время была чрезвычайная. Едва успѣвали выносить раненыхъ; убитыхъ оставляли на мѣстѣ.

Къ орудіямъ стали ставить даже ополченцевъ.

Калужскому и Курскому ополченію выпало на долю примкнуть къ числу защитниковъ Севастополя. «Родимые, родимые пришли», говорили солдатики; такъ звали они порой ополченцевъ.

Проходя разъ по Николаевской площади, я увидѣлъ группу пѣхотныхъ солдатъ и ратниковъ. Они покуривали трубочки и все глядѣли въ сторону укрѣпленій. Я попросилъ огня у одного изъ солдатиковъ и заговорилъ съ нимъ о чемъ-то. «А что, каковы ополченцы?» спросилъ я его между прочимъ.

— Ничего, ваше благородіе, отвѣчалъ пѣхотинецъ: — ополченный, извѣстно, человѣкъ свѣжій, онъ недавно сюда пришелъ, на слободѣ

прогулпвался. Нашему-то брату, продолжалъ онъ, отымая трубочку ото-рта и отплевываясь: тепереча трехъ фунтовъ хлѣба не съѣсть, а тому-то ня-я--ти мало! Нашего задѣпстъ, такъ на перевязку и тащись; а того два-три раза хватитъ и ни почемъ! Вотъ что, народъ свѣжій! заключилъ солдатикъ.

Слова солдатика подтверждались его изнуреннымъ лицомъ; отъ тревоги, передвиженій, безсонныхъ ночей, ежечасной опасности, люди теряли аппетитъ.

Уже суда начали загораться на рейдѣ. Высоко выкидывался при этомъ, стоявшій по нѣскольку часовъ, столпъ дыму и пламени; онъ поднимался подъ самыя облака своими извивающимися длинными-длинными языками. При такомъ заревѣ, подъ вечеръ, при громѣ пальбы, море, городъ и морской берегъ глядѣли до того страшно, что самые закаленные люди чувствовали холодъ подъ сердцемъ.

25 августа, только что занялась заря, пробудился въ Севастополѣ вчерашній адъ, а севастопольскіе усыпальницы, — часовни мертвыхъ, стали наполняться и наполняться....

26-го не прекращавшійся по всей линіи огонь производился непріятелемъ залпами и времепно

усплнвался то противъ праваго , то противъ лѣваго флапга нашей оборонительной лпніи.

Утромъ въ этотъ день, не довольствуясь еще непмовѣрно-разрушительною силою своего бомбардпрованія, непріятель сталъ бросать на Малаховъ-Курганъ разрывныя бочки, такъ называемыя *метательныя мины* (mines de projection). Снарядъ этотъ назначался для разрушенія амбразуръ и мерлоновъ. Онъ состоялъ изъ боченка , скрѣпленнаго желѣзными обручами и наполненнаго шестью пудами пороха. Огонь сообщался посредствомъ «англійскаго сосиса», пропущеннаго сквозь поддонъ и нижнее дно боченка. Для метанія его , въ задней сторонѣ траншеп , непріятель вырывалъ камору , которой давалъ наклоненіе въ 45° ; въ камору помѣщался зарядъ, прикрываемый щитомъ, на который и ставился бочснокъ.

Въ началѣ третьяго часа по полудни загорѣлся и горѣлъ до самаго разсвѣта , фрегатъ «Коварна»—бывшее жилище Н. В. Берга, состоявшаго за время осады при главномъ штабѣ, писателя, который подарилъ намъ извѣстные «Десять дней въ Севастополѣ».

Вечеромъ былъ страшный взрывъ на Графской пристани. Непріятельская ракета попала

въ порохъ, который, въ числѣ 500 * пудовъ, перевозили съ сѣверной стороны. Сила этого взрыва была ужасная! Николаевская казарма на нѣсколько мгновеній озарилась какъ бы огромнымъ электрическимъ солнцемъ, вся затряслась и задребезжала стеклами, посыпавшимися изъ всѣхъ ея оконъ.

Тяжелаго калибра орудія, лежавшія на пристани, были взброшены какъ палочки и, падая, придавили нѣсколькихъ человѣкъ.

Въ теченіе ночи огонь непріятеля былъ сравнительно слабѣе, но онъ загорѣлся съ прежнею силою въ утро 27 августа. Непріятель открылъ бомбардированіе какъ и въ прежніе дни, залпами изъ всѣхъ орудій; но многія батареи наши, занимаясь исправленіемъ поврежденій, не отвѣчали ему. Въ этотъ день былъ сѣверный вѣтеръ, онъ бушевалъ сильными порывами, взметывая пыль по всей окрестности.

Въ восемь часовъ утра непріятель сдѣлалъ три выстрѣла каменометными фугасами, не болѣе какъ въ двѣнадцати саженяхъ отъ контръ-эскарпа лѣвой части *главной* батареи; но они не нанесли намъ значительнаго вреда: край воронки далеко не дошелъ до рва.

* Взорвало только 200 пудовъ.

Къ девяти часамъ утра, съ маяка дали знать о сборѣ войскъ въ передовыхъ непріятельскихъ траншеяхъ передъ Малаховымъ Курганомъ, и у насъ сдѣланы были нѣкоторыя приготовленія на случай штурма.

Къ одиннадцати часамъ утра, бомбардированіе достигло до неимовѣрной степени ожесточенія; паузъ не было. Оно значительно стала усиливаться на правомъ флангѣ и ослабѣвать на лѣвомъ.

Около трехъ четвертей двѣнадцатаго часа, орудійный огонь противъ Малахова Кургана, 1, 2, 3 бастіоновъ совершенно затихъ; только продолжался, съ тою же губительною силою для прикрытія, огонь мортиръ и штуцерныхъ. Многіе полагали, что это сдѣлалъ непріятель *паузу*; генералъ-маіоръ Буссау былъ такого же мнѣнія и дозволилъ отдохнуть войскамъ, находившимся на Малаховомъ Курганѣ.

Но на бастіонѣ № 2, генералъ-маіоръ Сабашинскій не велѣлъ сходить прикрытію даже съ банкетовъ, вполнѣ предчувствуя штурмъ, въ ожиданіи котораго, справедливо требуется предпринимать энергическія мѣры, а не полумѣры.

Въ началѣ перваго часа по-полудни, вдругъ всѣ непріятельскія батареи сверкнули, зады-

мились сжатыми бѣлѣсоватыми облаками дыма, вмигъ ставшаго стѣнами, и одновременно разразились тремя оглушающими залпами, метнувшими по Севастополю ураганъ металла. Вслѣдъ за тѣмъ, не успѣла еще перелопаться масса брошенныхъ бомбъ и гранатъ, какъ раздались смутные крики, бой барабановъ и рѣзкіе тоны непріятельскихъ сигнальныхъ рожковъ, то подхватываемые порывами вѣтра, то относимые имъ. Съ долгимъ и непрекращающимся крикомъ, кинулись Французы на исходящіе углы Корнилова и 2-го бастіоновъ и на Куртину. Все первое движеніе ихъ было совершенно сокрыто отъ насъ дымомъ. Полусрытый бастіонъ № 2-го мгновенно былъ занятъ Французами, которые оттѣснили баталіоны Олонецкаго полка и, заклепавъ часть орудій, уже достигли Ушаковой балки и 2-й оборонительной линіи. Легкія полевыя орудія, какъ здѣсь, такъ и на *Рогатк*ѣ, одни изъ здѣшней артиллеріи встрѣтили непріятеля.

На исходящій уголъ Малахова кургана кинулись главные и лучшія колонны Французовъ. Всего 12 сажень разстоянія надо было имъ пробѣжать (по проэкціи было меньше того); дѣло совершилось въ полъ-минуты. Головная колона непріятеля ворвалась въ бастіонъ у

лѣваго плечнаго угла такъ быстро, такъ неожиданно, что даже полевыя орудія не успѣли встрѣтить врага картечью.

Зуавы и вольтижеры, взбѣжавши на курганъ съ замѣчательной быстротой, распустили трехъцвѣтное знамя на башнѣ.

Все бросилось у насъ къ брустверу, сталкиваясь въ попыхахъ съ непріятелемъ лицомъ къ лицу. Большинство орудій на курганѣ было подбито; нѣкоторыя дали по выстрѣлу, но уже тогда, когда амбразуры наполнились штурмующими.

Чтобъ приложить фитиль (орудія были прежде заряжены) къ затравкѣ, сперва надо было пробиться сквозь передовыхъ смѣльчаковъ, вскарабкивавшихся на орудія и вырывавшихъ фитиль изъ рукъ артиллеристовъ. За то, если удавалось поспѣть во время и зажечь трубку, сплошная масса живаго тѣла, заслонявшая амбразуру, вся подгибалась, падала и разбрасывалась въ стороны. Но на мѣсто убитыхъ становились новые стрѣлки и зуавы—мѣсто около выпалившаго орудія уже было сравнительно безопаснымъ.

За минуту передъ началомъ штурма, къ генералъ-маіору Буссау приведена была поручи-

комъ Юни *, команда солдатъ георгіевскихъ кавалеровъ, которымъ ордена хотѣлъ раздать самъ начальникъ. Уже изъ блиндажа выходилъ адъютантъ, чтобъ предварить команду о скоромъ выходѣ генерала, какъ въ это самое время непріятель устремился на штурмъ. Адъютантъ тотчасъ бросился назадъ съ докладомъ. И онъ и генералъ поспѣшно выскочили изъ блиндажа. У самаго выхода изъ него адъютантъ былъ убитъ пулей въ грудь. Нѣсколько человѣкъ непріятелей были уже въ десяти шагахъ. Генералъ-маіоръ Буссау, сдва успѣлъ крикнуть поручику Юни, указывая на башню, чтобъ онъ со своею командою скорѣе занялъ ее, и въ то же время былъ взятъ въ плѣнъ набѣжавшими французами. Когда его уводили съ кургана, онъ былъ убитъ, говорятъ, нашею же пулей. Поручикъ Юни, на лету подхвативъ приказаніе генерала, истинктивно кинулся къ башнѣ и успѣлъ занять ее предъ самымъ носомъ французовъ. Заваливши входъ въ башню, въ которой засталъ онъ нѣсколькихъ человѣкъ, не успѣвшихъ еще оттуда выскочить, Юни отбивался отъ окружавшаго со всѣхъ сторонъ непріятеля до-тѣхъ-поръ, пока наши не стали

* Модлинскаго резервнаго пѣхотнаго полка.

отступать. Непріятель, сильно претерпѣвавшій * отъ мѣткаго огня изъ башни, два раза посылалъ парламентера къ засѣвшимъ тамъ храбрецамъ, но Юни постоянно отвергалъ всѣ предложенія непріятеля, свято исполняя отданное ему приказаніе, и сдался, какъ я уже сказалъ, только тогда, когда Малаховъ курганъ окончательно былъ занятъ непріятелемъ.

Какъ муравьи полѣзли французы на Малаховъ курганъ, завидя свое знамя на башнѣ, заняли всю верхнюю оконечность кургана, прорвались къ развалинамъ башни и, засѣвши здѣсь, открыли частую ружейную пальбу по строившемуся гарнизону.

Прагскій полкъ, сначала вытѣсненный ворвавшимся непріятелемъ, снова ударилъ въ штыки со сводной командой изъ матросъ и разныхъ другихъ охотниковъ. Завязалась одна изъ тѣхъ ужасныхъ рукопашныхъ свалокъ, когда цѣлыя толпы перемѣшиваются въ крайнемъ ожесточеніи боя, поражая другъ друга желѣзомъ, камнями, деревомъ, что ни попадется подъ руку, душа другъ друга за горло, царапаясь и кусаясь въ звѣрскомъ изступленіи.

Нѣсколько минутъ продолжалась подобная

* Bazancourt: L'expédition de Crimée.

отчаянная схватка. Командиръ полка, полковникъ Фрейндъ, былъ раненъ, большая часть бывшихъ офицеровъ перебита; а между тѣмъ непріятельскія свѣжія массы, слѣдомъ за своею цѣпью, все валили и валили впередъ, со всѣхъ сторонъ взлѣзая по обсыпавшемуся брустверу.

Французскіе саперы устроили три накидные мостика черезъ ровъ гласисной батареи. Въ это время, во рву сидѣли французскіе музыканты и играли маршъ. Я думаю рѣдко приходилось играть и слышать маршъ при такой обстановкѣ и въ такія минуты!

Мѣстность Малахова кургана много способствовала удачѣ непріятеля, въ то же время чрезвычайно затруднявшая наши подступы. Горжевой валъ и ровъ, какъ на смѣхъ, были въ прекрасномъ состояніи. Засѣвши за всевозможными траверзами, число которыхъ еще болѣе было увеличено за послѣднюю бомбардировку, французы не бросались въ штыки, но поддерживали только жестокій ружейный огонь, бившій на выборъ. Потерявши всѣхъ офицеровъ, и каждую секунду тая подъ свинцовымъ дождемъ, остатокъ гарнизона съ кургана отступилъ—частью на батарею Жерве, частью за проходъ, ведущій къ корабельной сторонѣ, ко-

торый французы стали задѣлывать, и въ ожиданіи резервовъ столпился у него, мѣшая, покрайней-мѣрѣ, деплоировать непріятелю съ кургана.

При первой вѣсти о штурмѣ, храбрый и неутомимый лейтенантъ Вульфертъ, съ самаго начала осады все время проживавшій на Малаховомъ курганѣ, тотчасъ же далъ знать генералъ-лейтенанту Хрулеву. Хрулевъ былъ уже на пути: по тревогѣ онъ и его свита вскочили на лошадей, потому что штурма давно ждали, и лошади держались осѣдланными. Первымъ дѣломъ Хрулева, когда ударили тревогу, было взглянуть на Малаховъ курганъ, на которомъ, при неудачѣ нашей, долженъ былъ выкинуться синій флагъ. Флагъ-штокъ этотъ и былъ поднятъ, но его сбилъ непріятельскій выстрѣлъ послѣ чего сигналъ не былъ возобновленъ, неизвѣстно уже по какой причинѣ.

Не видя на курганѣ условнаго синяго флага, генералъ-лейтенантъ Хрулевъ сказалъ: «Ну, Малаховъ держится»; и за тѣмъ поскакалъ ко 2-му бастіону, на своей исторической бѣлой лошади. Шлиссельбургскій Егерскій полкъ двинулъ онъ на поддержаніе 2-го бастіона, но какъ непріятель тамъ былъ уже отбитъ генераломъ Сабашинскимъ, то полкъ расположился

на второй оборонительной линіи, между Малаховымъ курганомъ и 2-мъ бастіономъ.

Увидѣвши однако вскорѣ, что непріятель отбитъ отъ 2-го бастіона, а Малаховъ курганъ занятъ, генералъ-лейтенантъ Хрулевъ быстро поворотилъ къ послѣднему. По той дорогѣ, которую избралъ теперь Хрулевъ, нельзя было подъѣхать къ самому кургану, а потому генералъ и всѣ сопутствовавшіе ему офицеры спѣшились. Съ Ладожскимъ егерскимъ полкомъ двинулся Хрулевъ въ горжу Корнилова бастіона. Французы кинулись къ горжевому валу, и подняли бѣглый огонь на убійственной дистанціи. Моментъ былъ торжественный: схвативши съ своей груди висѣвшій на ней серебряный образъ, Хрулевъ поцѣловалъ его и поднявши его кверху въ лѣвой рукѣ, крикнулъ по обыкновенію, своимъ всегда потрясающимъ солдатское сердце голосомъ: «Благодѣтели, за мной, впередъ!» Въ это самое время непріятельская штуцерная пуля раздробила ему большой палецъ лѣвой руки.

Безстрашно бросились наши войска, направленные своимъ любимѣйшимъ генераломъ, и вмигъ выпеслись на курганъ.

Превозмогая страшно-мучительную боль, опасаясь оказать свою рану передъ войсками, въ

настоящую рѣшительную минуту генералъ-лейтенантъ Хрулевъ превозмогалъ себя еще нѣсколько мгновеній; но, вопреки его волѣ, смертная блѣдность разлилась по его лицу, чувствуя, что упадетъ, онъ обратился къ находившимся возлѣ него офицерамъ: подпоручику Сикорскому и инженеръ-поручику Эвертцу, и отрывисто сказалъ въ полъ-голоса: «поддержите!»

Послѣ того какъ генералъ-лейтенантъ Хрулевъ отправился на перевязочный пунктъ, поведенныя имъ войска на Малаховъ курганъ, занявшіе шагъ за шагомъ все пространство кургана до послѣдняго длиннаго поперечнаго траверза-блиндажа, но потерявшія трехъ своихъ Начальниковъ *, послѣдовательно принимавшихъ начальствованіе послѣ генералъ-лейтенанта Хрулева, пришли въ пассивное положеніе: остановились и затѣяли съ непріятелемъ перестрѣлку. При этомъ даже вышелъ вотъ какой случай: въ одномъ мѣстѣ, на нижнихъ рядахъ туровъ траверза, по одной его сторонѣ стояли французы, а по другой наши, и такъ, на разстояніи лишь ширины траверза, не болѣе какъ 3-хъ

* Генералъ-маіоръ Лысенко тяжело раненъ; потомъ генералъ-маіоръ Юферовъ убитъ; а затѣмъ тяжело раненъ генералъ-лейтенантъ Мартинау.

саженъ, вели перестрѣлку, будучи по поясъ открыты.

Флигель-адъютантъ Восйковъ, благородный, храбрый молодой человѣкъ, въ пылу мужественнаго порыва, увѣщевая солдатъ отбить курганъ, вскочилъ на одинъ изъ траверзовъ, и въ тотъ же мигъ упалъ мертвый.

На площадкѣ (чертовой) стояла главная масса непріятельскихъ стрѣлковъ, обстрѣливавшая изъ-за траверзовъ всѣ узкія тропинки между траверзо-блиндажами, продольнымъ огнемъ. Вдругъ раздались голоса на правомъ флангѣ и въ тылу нашихъ: непріятель, занявъ часть прилегающей къ кургану батареи *Жерве*, съ криками торжества ползъ на брустверъ праваго фаса кургана, нисовершенно еще занятый. Истинно засыпаемыя пулями войска наши ежеминутно терявшія цѣлыя толпы товарищей, должны были отступить къ саперному блиндажу, то-есть очистить двѣ трети кургана. Здѣсь блеснула еще надежда на возможность удержаться; но французы побѣжали по правому брустверу на горжевой, и по нашимъ войскамъ открылся непрерывный огонь съ фронта, тыла и праваго фланга. Притомъ силы непріятеля все увеличивалась, и онъ напиралъ все сильнѣе и настойчивѣе, принимая всѣ мѣры, напрягая

всѣ усилія для овладѣнія Малаховымъ курганомъ.

— Malakoff! c'est la clef d'or, справедливо рѣшали французскіе офицеры, вникавшіе въ ходъ осады.

Войска наши отодвинулись наконецъ къ подошвѣ кургана, столпившись въ громадной, но безпорядочной, массѣ. У самаго же прохода постоянно держалась, отстрѣливаясь, какая-то сводная толпа, изъ разныхъ охотниковъ. По мѣрѣ отступленія нашихъ войскъ, французы, опасаясь новой атаки, поспѣшно баррикадировали главный проходъ, набрасывая въ него туры, вырванныя изъ амбразуръ и траверзовъ, трупы, говорятъ — даже раненыхъ.

Послѣ этого напрасны были всѣ усилія къ отбитію кургана. Кучи убитыхъ завалили узкій путь въ горжѣ, французы укрѣпились и привели новыя подкрѣпленія, однако и послѣ этого, инженеръ подполковникъ Генерихъ, съ двумя ротами саперъ, проникъ въ горжу укрѣпленія, но держаться въ ней не было возможности, и его геройскій подвигъ послужилъ только къ лишней потерѣ.

Еще одно удивительное явленіе, которому я самъ лично былъ свидѣтелемъ, когда, по порученію начальника артиллеріи, отправлялся на

2-й бастіонъ. У подножія Малахова кургана четыре матросски, подъ убійственнымъ штуцернымъ огнемъ непріятеля, такъ и лившемся съ кургана, разносили воду и квасъ стоявшимъ здѣсь войскамъ, и подавали помощь раненымъ.

Не знаю уцѣлѣли онѣ. Объ этихъ безстрашныхъ женщинахъ было доведено до свѣденія Государя Императора.

Часть батареи Жерве оставалась въ нашихъ рукахъ, часть въ непріятельскихъ.

У *Рогатки* непріятель также было прорвался, но храбрый Сѣвскій полкъ вынесъ его оттуда на штыкахъ.

Не буду сообщать другихъ подробностей послѣ дѣла штурма, то, что я знаю, давно извѣстно всякому, въ хаосѣ моихъ личныхъ воспоминаній не нахожу я ничего еще несказаннаго прежде меня. Мало времени имѣлъ я для наблюденій и было ли то истощеніе силъ или слѣдствіе скорбнаго чувства, испытаннаго мною въ этотъ ужасный день, я не находилъ въ себѣ ни какой воспріимчивости на впечатлѣнія.

Когда наши отодвинулись отъ кургана, и на немъ окончательно развернулся французскій императорскій орелъ, пароходы наши, батареи сѣверной стороны и легкая полевая артиллерія, открыли по кургану густую пальбу, направляя

выстрѣлы на развѣвающееся тамъ непріятельское знамя, мелькавшее въ дыму, и замѣтное со всѣхъ пунктовъ.

Двѣ полевыя конныя французскія батареи выскакали было къ бастіону № 2-го, но рѣшительно были сметены нашими выстрѣлами. На бастіонѣ № 2-го, непріятель, отбитый при первой его атакѣ, генераломъ Сабашинскимъ, бросался на штурмъ еще до пяти разъ, но всякій разъ безъ успѣха.

Около пяти часовъ по-полудни взорванъ былъ пороховой погребокъ, на примыкающей съ лѣвой стороны къ Малахову кургану батареѣ по куртинѣ, также занятой непріятелемъ; гулъ и трескъ отъ громаднаго взрыва разнесся по всей линіи и, какъ потомъ говорили многіе, повергнулъ въ паническій ужасъ непріятеля, французамъ показалось, что мы начали подрывать бастіоны; цѣлыя толпы бросились назадъ, къ своимъ траншеямъ. Разсказываютъ, что съ бывшаго Камчатскаго люнета, на которомъ все время штурма находился самъ Пелисье, пещадно ударили въ бѣглецовъ картечью. Этими мгновеніями замѣшательства, какъ говорятъ иные, можно было бы воспользоваться, но участь города была рѣшена, и къ чему бы послужили еще нѣсколько дней отчаянной рѣзни, при

средствахъ, которыми, располагалъ непріятель, при смертной близости его подступовъ къ нашимъ укрѣпленіямъ.

Полевая артиллерія сильно пострадала при штурмѣ лѣвой половины оборонительной линіи. Напримѣръ, въ 5-й легкой 17 артиллерійской бригады, всѣ офицеры до одного, начиная съ командира батареи, капитана Глазенапа, были перебиты или перерапены. Въ числѣ первыхъ палъ подпоручикъ Николай Григорьевичъ Бѣлавинъ, молодой человѣкъ, подававшій большія надежды, добрый и благородный товарищъ, счастливый женихъ прекрасной дѣвушки... Штуцерная пуля поразила его прямо въ сердце. И сколько другихъ храбрыхъ людей легло на вѣки, и сколько женъ, невѣстъ и матерей до сихъ поръ еще плачутъ о жертвахъ послѣдняго штурма... Когда подумаешь обо всемъ этомъ, то по временамъ кажется, что весь день 27 августа не есть дѣйствительность, а какой-то горячечный бредъ, ужасный сонъ , что-то фантастическое и существующее лишь въ моемъ воображеніи.

Заговоривъ о своихъ полевыхъ артеллеристахъ, не могу не вспомнить здѣсь о полковникѣ Якимахѣ (нынѣ генералъ-маіоръ). Въ послѣдніе дни осады онъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей, исполняя должность помощника на-

чальника Артиллеріи Севастополя. Подъ страшнымъ огнемъ бомбардированія, съ удивительнымъ хладнокровіемъ обходилъ онъ по бастіонамъ каждый день, утромъ и подъ вечеръ, покуривая сигару, какъ бы въ обыкновенное мирное время — гдѣ-нибудь на гуляньѣ. За угрюмую, серьозную наружность полковника, прозвали его въ Севастополѣ: «мрачнымъ полковникомъ».

Главнокомандующій самъ прибылъ ко 2-й линіи укрѣпленій, противу Малахова кургана, и съ рыцарской отвагой болѣе получаса оставался здѣсь, возлѣ дома Тулубѣева, несмотря на страшный огонь непріятеля. Видя, что курганъ занятъ большими массами французовъ, за которыми находились сильные резервы, князь убѣдился, что овладѣніе вновь бастіономъ Корнилова потребовало бы еще огромныхъ жертвъ; а такъ какъ онъ уже принялъ нѣмѣреніе очистить городъ, то и рѣшился воспользоваться отбитіемъ приступа на всѣхъ прочихъ пунктахъ и утомленіемъ атакующаго, для выполненія своего въ высшей степени труднаго плана. Генералъ-лейтенанту Шепелеву приказано, не предпринимая нападенія на Корниловъ бастіонъ, непремѣнно воспрепятствовать непріятелю дебушировать оттуда въ городъ, удерживая за

нами до ночи раззоренныя строенія, на сѣверной покатости кургана находящіяся, что и было исполнено, несмотря на всѣ усилія французовъ выдвинуться впередъ изъ-за горжи. Непріятель, изнуренный событіями дня и ночи, по всей вѣроятности проведенной безъ сна, въ приготовленіяхъ штурма, наступалъ слабо; со взрывомъ пороховаго погреба, о которомъ говорилъ я выше, въ немъ совершенно утвердилась та мысль, что на всѣхъ путяхъ къ городу устроены мины.

Около пяти часовъ по-полудни стали развозить приказаніе: съ сумерками начать очищеніе Южной стороны Севастополя.

Участь Южной части Севастополя совершилась.

Есть невозможное и для героевъ!

По приказанію начальника артиллеріи, я ѣздилъ съ передками на 4-й бастіонъ, за полевыми орудіями.

Тамъ какъ и вездѣ, шли грустные, унылые сборы. Моряки, выкупавшіе до сихъ поръ цѣною крови каждое поврежденіе на бастіонѣ, старались все разрушить передъ отступленіемъ: приводили въ негодность орудія, рубили станки, заваливали блиндажи, устроивали приводы

къ пороховымъ погребамъ, которые вскорѣ должны были взлетѣть на воздухъ, и прочее.

Каждый сознаетъ, какъ тяжко, тяжко было покидать севастопольское боевое пепелище, послѣ столькихъ жертвъ и усилій... послѣ *трехсотъ сорока девяти* дней, исполненныхъ страданія, опасности, подвиговъ, изнуренія, и смѣло скажемъ, многихъ радостныхъ часовъ, многихъ отрадныхъ впечатлѣній, которыхъ уже болѣе не испытаешь теперь, посреди мирной и обыденной жизни.

Когда я проѣзжалъ, возвращаясь со снятыми мною орудіями съ 4-го бастіона, по Николаевской площади, тамъ выстраивалась партія плѣнныхъ, которыхъ собирались переправить на Сѣверную. Мое вниманіе привлекла отдѣльно стоявшая группа Французовъ, съ которыми разговаривали нѣсколько нашихъ офицеровъ. Здѣсь былъ между прочимъ и французскій полковникъ, взятый въ плѣнъ на Шварца редутѣ, небольшаго роста, уже сѣдой, но чрезвычайно пріятный мужчина. Возлѣ него стояли двое также французскихъ офицеровъ: маленькій лейтенантъ, все осматривавшій и ощупывавшій себя: не раненъ ли онъ; и высокій здоровенный лейтенантъ, съ огромной черной бородой. Онъ весь дрожалъ, еще не успокоившись отъ ярост-

ныхъ ощущеній штурма, и угрюмо поводилъ на всѣхъ глазами, на лбу его былъ большой кровяной ушибъ, набившійся пескомъ.

Къ этому французу подошелъ какой-то ополченецъ-офицеръ.

— А что, мосье капитанъ, спросилъ ополченецъ француза, указывая на его лобъ:—это avec la pierre?

— Je n'en sais rien, отвѣчалъ Французъ, и только тутъ, дотронувшись до раны рукой, догадался о томъ, что ранепъ. Вотъ въ какомъ настроеніи духа были и наши и непріятели въ ужасный день штурма. — Bah, une misére, прибавилъ Французъ, и не думая о раненѣ, заговорилъ съ полковникомъ.

— Такъ-съ! произнесъ ополченецъ, отходя отъ Француза.

Въ это время лейтенантъ разговаривалъ съ русскими офицерами, и проѣзжая мимо группы, я услыхалъ очень умную фразу, сказанную однимъ изъ нашихъ: «Оба штурма ваши— большая ошибка, говорилъ русскій офицеръ Французу:—*для перваго, вы были отъ насъ слишкомъ далеко, а для втораго слишкомъ близко*».

Бушевавшій съ утра вѣтеръ, утихъ къ вечеру. Но расколыхавшаяся бухта ходила ши-

рокой, сильной зыбью, и большой мостъ сильно бросало.

Съ изумительнымъ порядкомъ, медленно, печально очищали наши войска южную сторону Севастополя. Скопленіе народа на берегу у моста, по которому затруднительно шла теперь переправа, было неизбѣжно.

Волненіе въ бухтѣ все не переставало, и у насъ справедливо опасались, чтобы не разорвало мостъ; а потому были предприняты всевозможныя предосторожности. Въ девятомъ часу не стали уже пропускать по мосту артиллерію: для арміи можно было наконецъ пожертвовать нѣсколькими орудіями. Деньщики также засуетились было здѣсь съ офицерскими запряженными повозками, но ихъ окончательно прогнали, заставивши самимъ же, во избѣжаніе всякаго соблазна, потопить привезенное ими добро въ бухтѣ. Такимъ образомъ всѣ мы вывезли изъ Севастополя изъ своихъ вещей, только то, что было на насъ. И севастопольскій дневникъ, какъ въ Іету, канулъ въ сѣдой Понтъ-Евксинскій.—Переправа раненыхъ началась съ 4-хъ часовъ, тотчасъ послѣ отдачи главнокомандующимъ приказанія очищать Южную сторону. Изъ Николаевской казармы, безпрестанно съ носилки на пристань

койки, на которыхъ лежали закутанными страдальцы. Отсюда на параходахъ и шаландахъ перевозили ихъ на сѣверную.

Въ девятомъ часу вечера я стоялъ съ тремя орудіями своей батареи, шагахъ въ двадцати-пяти отъ моста, заслоненный отъ него непроницаемой массой столпившагося здѣсь войска. Сзади со всѣхъ сторонъ окружали и напирали безпрестанно все подходящія войска, такъ что мнѣ съ моими орудіями ни съ мѣста нельзя было сдвинуться. Я велѣлъ отпречь выносы, потому что въ нихъ, при давкѣ, которая неминуемо происходила теперь, порой могли попасть люди, и тогда лошади начали бы биться. Стоя здѣсь, уже около часа, я не зналъ, что отдано уже приказаніе не пропускать болѣе черезъ мостъ артиллерію, и спокойно выжидалъ удобнаго момента, чтобъ двинуться на мостъ. Вдругъ какой-то генералъ на сѣрой лошади, сопровождаемый двумя жандармами, также верхами, сталъ прорываться къ мосту возлѣ моихъ орудій, «Гарголь не зѣвай!» крикнулъ я унтеръ-офицеру головнаго орудія, «Слушаю-съ, будьте покойны;» отвѣтилъ тотъ, и какъ только съ нимъ поровнялся послѣдній жандармъ, юркнулъ за нимъ со своимъ орудіемъ, затѣмъ слѣдующія два орудія,

вслѣдъ за которыми поѣхалъ уже я. Маневръ этотъ былъ выполненъ нами такъ живо, что находившійся у переправы генералъ, будучи чѣмъ-то отвлеченъ въ это время, успѣлъ лишь замѣтить, какъ взъѣзжало на мостъ послѣднее мое орудіе.

— Гдѣ офицеръ, какъ смѣли ослушаться! Назадъ, назадъ! крикнулъ онъ грозно. Подъѣхавши къ генералу (въ темнотѣ я не могъ различить, кто это былъ именно), я объяснилему все, и успѣлъ даже истинно вымолить позволеніе продолжать переправлять свои орудія, изъ которыхъ первое было уже почти на половинѣ моста. При томъ же, на мое счастье, волненіе казалось, какъ бы поутихло.

Я не помнилъ себя отъ радости, что успѣлъ спасти свои орудія.

Выносы впереди; за ними шагахъ въ двадцати орудія, которыя также держали одно отъ другаго интервалъ шаговъ въ сорокъ — пятьдесять, такимъ образомъ тащились мы шагомъ, составляя также часть знаменитаго историческаго отступленія.

Радость моя скоро прошла, хотя орудія мои были уже въ безопасности. Въ такія минуты позабудешь всѣ орудія на свѣтѣ. Мы ѣхали тихо, мостъ казался безконечнымъ. Ночь бы-

ла совсѣмъ черна, сзади насъ, въ отдаленіи, начали уже раздаваться громовые взрывы — прощалные вздохи *многострадальнаго* Севастополя. По обѣ стороны моста лежала мрачная, зыблющаяся мгла, а направо на рейдѣ еще мелькали темныя громады нашихъ, уже утопающихъ линѣйныхъ кораблей, пароходы шумно, съ пыхтеньемъ, сновали по всѣмъ направленіямъ, выкидывая огнистые снопы искръ въ клубахъ густаго, чернаго дыма; въ докахъ горѣлъ кранъ, какъ огромный погребальный факелъ; люди шли тихо, сами лошади ступали робко по зыблющемуся полузатопленному мосту, сердце щемили и глухая боль, и жалость, и тоска. Впечатлѣніе этихъ минутъ невыразимо словомъ.

Вотъ я въѣзжаю уже на сѣверную, съ послѣднимъ шагомъ черезъ мостъ, завершается мое севастопольское поприще, и рука невольно творитъ крестное знаменіе.

—

По окраинамъ Севастополя, затонувшаго во мракѣ ночи, съ конца въ конецъ его, чаще и чаще забѣгали огненныя змѣйки *, чаще стали

* Для произведенія взрывовъ употреблялось весьма

взлетать, по направленіи къ укрѣпленіямъ, багровые столбы пламени, взрывы стали слышнѣе и ближе къ окраинѣ южной стороны, пожары, едва показывавшіеся при моемъ переходѣ черезъ бухту, разгорѣлись и слились въ одно зарево.... Багровымъ огнемъ занялось все небо—начались послѣдніе вздохи Севастополя. Того, что мы видѣли въ эту ночь, никогда не передастъ и не въ состояніи передать ни перо, ни слово человѣческое. Для всѣхъ насъ, бывшихъ севастопольцевъ, она до-сихъ-поръ передъ глазами, забыть ее также невозможно, какъ и описывать ее въ нашихъ замѣткахъ.

Е. Р. Ш—овъ.

20 сентября 1857 года.

ПУБЛИЧ. И РУМЯНЦОВ. МУЗЕЙ
БИБЛІО-
ТЕКА

простое средство: просто насыпали дорожки пороху по землѣ.